ВОСПОМИНАНИЯ Т. П. ПАССЕК «ИЗ ДАЛЬНИХ ЛЕТ» КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ БИОГРАФИИ ГЕРЦЕНА И ОГАРЕВА *

Исследование А. Н. Дубовикова

ВВЕДЕНИЕ

Вскоре после появления на страницах «Русской старины» 1872—1873 гг. первых глав воспоминаний Т. П. Пассек достоверность сообщаемых ею сведений была поставлена под сомнение. «Русский архив» опубликовал в 1874 г. статью Д. Д. Голохвастова, иронически озаглавленную «Wahrheit und Dichtung»**. Автор статьи (сын Д. П. Голохвастова), опираясь на документы находившегося в его распоряжении семейного архива Голохвастовых — Яковлевых, уличал Пассек в искажении истины и опровергал ее рассказ по ряду пунктов, касавшихся взаимоотношений между братьями Яковлевыми, пребывания И. А. Яковлева в занятой французами Москве, а также обстоятельств жизни Н. П. и Д. П. Голохвастовых. Автор подтверждал свои критические замечания выдержками из документов, с которыми не могла не посчитаться в известной степени Пассек при подготовке впоследствии отдельного издания ее книги.

Но Голохвастов преследовал не только элементарную цель — внести фактические поправки к запискам Пассек: он стремился снять нежелательные, с точки зрения фамильной чести Голохвастовых, утверждения Пассек и, вместе с тем, дискредитировать как автора «Из дальних лет», так и самого Герцена, автобиографическими произведениями которого широко пользовалась Пассек. В этом заключался политический смысл его выступления, своим острием направленного против Герцена и бывшего одним из звеньев общей борьбы реакционных кругов России против «лондонских пропагандистов» и их литературно-политического наследия.

Если в отношении «Былого и дум» попытка их дискредитации не могла поколебать авторитет этого гениального памятника русской литературы, то в отношении воспоминаний Пассек Голохвастову удалось в значительной степени достичь своей цели и посеять недоверие к ним. Обнаруженные

---

* При ссылках на многократно цитируемые источники в статье, кроме общепринятых в «Лит. наследстве», пользуемся следующими сокращениями:

П.— Т. П. Пассек. Из дальних лет, тт. I—III. СПб., 1905—1906.— При необходимости ссылаться на первое издание указывается дополнительно год (т. I—1878; т. II—1879; т. III—1889).

РС — «Русская старина».

Изд. АН — А. И. Герцен. Собр. соч., тт. I—IV. М., Изд. АН СССР, 1954—1955.

ЛБ — Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

** «Правда и вымысел» (нем.).

в воспоминаниях Пассек неточности и ошибки привели к тому, что за этими мемуарами утвердилась репутация источника ненадежного и недостоверного. Эта репутация была поддержана в герценоведческой литературе М. К. Лемке, который, широко использовав воспоминания Пассек при подготовке «Полного собрания сочинений и писем А. И. Герцена», в то же время с удивительной настойчивостью ставил в своих комментариях под сомнение не только отдельные факты, сообщаемые Пассек, или отдельные тексты, приводимые сю, но и всю ее работу в целом.

В предисловии ко всему изданию, давая обзор источников, Лемке писал о «Воспоминаниях» Пассек: «...три тома этих мемуаров являются далеко не оригинальными и еще менее достоверными свидетельствами. Пассек десятками страниц перелагала известные сочинения и письма Герцена, Огарева и др., очень многое спутала и во многое ввела серьезные ошибки» (I, 14). А дальше, в комментариях к отдельным произведениям Герцена, когда требовалось обращение к книге Пассек, он почти каждый раз сопровождает выдержки из нее язвительными критическими замечаниями. В них он не скупится на резкости: «легенда», «вымысел», «сплошная небывальщина», «нелепость», «вздор» и т. п. (XII, 158, 160, 167, 173).

Герценоведческий авторитет Лемке был так устойчив, что его оценка «Воспоминаний» Пассек воспринималась позднейшими исследователями Герцена как совершенно бесспорная. Она прочно вошла в сознание всех (или почти всех), кто писал о Герцене, стала традиционной. Создалась некая инерция огульного третирования книги Пассек, безусловного недоверия к каждому ее свидетельству, к каждому ее утверждению. В значительной мере результатом этого явилось то неверное воззрение на книгу Пассек, которое определило неудовлетворительный характер ее сокращенного переиздания, осуществленного в 1931 г. издательством «Academia», Сокращая текст воспоминаний Пассек, составитель (И. Я. Свистунов), наряду с действительно малосущественным материалом, изъял главы, содержащие драгоценный материал, непосредственно касающийся Герцена и Огарева (рассказы о дружбе с Ником, о гулянье под Новинским, о клятве на Воробьевых горах, об университете, «Последний праздник дружбы» и мн. др.).

Изучение материалов «пражской коллекции» уже привело к необходимости переоценки нашего отношения к книге Пассек. Первые шаги в этом направлении были сделаны в т. 61 «Лит. наследства» (стр. 7—8) и в комментариях к первому тому Собрания сочинений Герцена, изд. АН СССР, М.—Л., 1954.

В настоящее время назрела необходимость научно-критического анализа «Воспоминаний» Пассек с целью выявления их объективной ценности как источника для изучения биографии Герцена и Огарева. Это и составляет задачу настоящего исследования.

В основу его, кроме печатных источников, положены рукописные материалы из различных фондов:

1) из «пражской коллекции» — письма Пассек к Огареву за 1872—1874 гг. (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 162); письма Пассек к М. К. Рейхель за 1862—1887 гг. (там же, ед. хр. 274); письмо М. И. Семевского к Пассек 1872 г. (там же, ед. хр. 326); его же письмо к А. А. Герцену 1887 г. (там же, ед. хр. 322);

2) из Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина — письма Пассек к Н. А. Тучковой-Огаревой за 1885—1889 гг. (Г.—О. X, 85—89); письмо Т. А. Астраковой к Пассек 1887 г. (Г.—О. IX, 26); письма Т. А. Астраковой к Н. А. Тучковой-Огаревой за 1882—1890 гг. (Г.—О. IX, 22—2[illegible]); письма М. К. Рейхель к Е. С. Некрасовой за 1901—1904 гг. (Некр. I, 4);

3) из Рукописного отдела ИРЛИ — бумаги из фонда Т. П. Пассек (ИРЛИ, ф. 430); из фонда «Русской старины» (ф. 265);

4) из дел С.-Петербургского цензурного комитета и Главного управления по делам печати — о прохождении через цензуру «Воспоминаний» Пассек (ЦГИАЛ, ф. 776 и 777);

5) из ЦГАЛИ — материалы из фонда Н. П. Огарева (ф. 359): письма Огарева к Пассек, переписка Н. А. Тучковой-Огаревой с Пассек, отрывки из воспоминаний Н. А. Тучковой-Огаревой и др.

«КОРЧЕВСКАЯ КУЗИНА»

Татьяна Петровна *Пассек*, урожд. *Кучина* (1810—1889), была родной внучкой старшего из братьев Яковлевых — Петра Алексеевича и, следовательно, приходилась Герцену двоюродной племянницей. «Тетушкой-племянницей» шутливо называл он ее в своих письмах, имея в виду, что по возрасту она была несколько старше его и что в годы их ранней дружбы она нередко принимала менторский тон в отношении к своему юному дяде.

Сам Герцен в «Записках одного молодого человека» тепло и сердечно рассказал об этой дружбе и о той роли, которую она сыграла в его духовном развитии. Из этого рассказа живо возникает образ девушки (в «Записках...» она названа «меленковской кузиной») «с душой доброй, мечтательной», сумевшей заслужить любовь рослого в одиночестве тринадцатилетнего мальчика. Он доверял ей свои «первые мечты, мечты пестрые, как райские птицы, и чистые, как детский лепет». Герцен отмечает в ее облике и черты «натянутой „сентиментальности“, которая прививается девушкам в дортуарах женских пансионов», и склонность к «моральным сентенциям», воспринятую из романов и комедий прошлого века: «Итак, я слушался Тани, сентиментальничал, и подчас нравственные сентенции, бледные и тощие, служили финалом моих речей. Воображаю, что в эти минуты я был очень смешон: живой характер мой мудрено было обвязать конфектным билетом ложной чувствительности, и вовсе мне не было к лицу ваять нравственные сентенции из патоки без инбиря жанлисовской морали. Но что делать! Я прошел через это, а может, оно и недурно...» (изд. АН, т. I, стр. 273).

В «Былом и думах» Герцен опустил многие детали, но сохранил общую оценку их дружбы: «Я думаю, что влияние кузины на меня было очень хорошо: теплый элемент взошел с нею в мое келейное отрочество, отогрел, а может, и сохранил едва развертывавшиеся чувства, которые очень могли быть совсем подавлены иронией моего отца. Я научился быть внимательным, огорчаться от одного слова, заботиться о друге, любить; я научился говорить о чувствах» (XII, 62). И дальше Герцен вводит еще один весьма существенный мотив: «Она поддержала во мне мои политические стремления, пророчила мне необыкновенную будущность, славу, и я с ребячьим самолюбием верил ей, что я — будущий „Брут или Фабриций“» (там же).

Годы отрочества Герцена были временем наибольшей душевной близости его с «корчевской кузиной». По мере перехода в юность в душе возникали новые стремления и запросы: дружба с Огаревым, поступление в университет, сближение с новыми товарищами-студентами — все это должно было оттеснить и действительно оттеснило ее на второй план и охладило чувства к ней. В своем стремительном духовном развитии Герцен быстро опережал свою «тетушку-племянницу».

В 1832 г. Татьяна Петровна вышла замуж за одного из университетских друзей Герцена, Вадима Пассека. С этого момента их жизненные пути резко разошлись. Страстные порывы в мир идеальной мечты, бурные романтические стремления, формирующееся революционное сознание—

все это было далеко от того узкого, домашнего мирка, в котором замкнулась жизнь Татьяны Петровны, не склонной к отвлеченному умозрению, обладавшей умом трезвым и практическим.

В письмах тридцатых годов Герцен не раз с благодарностью вспоминает о ней. В письме к Н. А. Захарьиной от 5 ноября 1837 г. он писал: «В воспоминаниях моего детства я уже писал, что по большей части хвалили *мою остроту*, т. е. отдавали все уму и отнимали все у души. Искры настоящего огня принимали за фосфорный свет ума, молнию — за фейерверк. Ах, люди, люди, как вы мелко плаваете! Благодарность Татьяне Петровне,— она первая оценила другую сторону моего бытия, Огарев — второй» (I, 492). А в последующих письмах, начиная с 1838 г., он с чувством горечи и разочарования пишет о перемене, происшедшей в Татьяне Петровне, о ее способности «удовлетворяться вседневными заботами» (II, 353), иронизирует над тем, что она вся поглощена семьей, детьми. Растущему отчуждению в большой мере способствовало и сближение Пассеков с славянофильскими кругами, отказ Вадима от вольнолюбивых мечтаний студенческих лет, сменившихся консервативными идеями, близкими к «официальной народности». В «Былом и думах» Герцен только слегка намекнул на изменения, которые он нашел в Вадиме, возвратившись из ссылки (XII, 133). В письмах этих лет и в дневнике 1842 г. он говорит об этом прямо, а порой и резко.

Для Татьяны Петровны эти годы были началом тех жизненных испытаний, в преодолении которых обнаружилась ее душевная стойкость и сила характера. Гнетущая нужда, горе матери, похоронившей двоих детей-младенцев, болезнь и смерть любимого мужа и друга — все это она приняла на свои плечи. Оставшись вдовой с двумя малолетними сыновьями, ожидая еще ребенка (родился в марте 1843 г., умер осенью того же года), она сумела пронести через все тяготы и сохранить до конца своих дней любовь к жизни, интерес к людям, ясный ум и способность трудиться настойчиво и упорно.

Но идейная близость между нею и Герценом порвалась. Имя Татьяны Петровны совершенно исчезает из переписки Герцена как в годы, предшествующие его отъезду из России (правда, от этого времени до нас дошла весьма незначительная часть его писем), так и в последующее десятилетие его зарубежной жизни. Впервые мы вновь встречаем ее имя в письме Герцена к Рейхель от 14 октября 1858 г., в котором он откликается на дошедшие до него сведения о том, что Пассек отказано в выдаче заграничного паспорта: «А что скажете на то, что Тат⟨ьяну⟩ Петр⟨овну⟩ не пустили за границу. Закрев⟨ский⟩ сообщил, что она — родственница Яковл⟨ева⟩, который — отец Герц⟨ена⟩. Вот мерзость-то!» (IX, 352).

После долгих хлопот, которые описаны самой Пассек (П., т. II, 333—337), она в середине сентября 1859 г., вместе с обоими сыновьями и Ипполитом Пашковым (крестником ее и Герцена), выехала за границу, направляясь прежде всего в Дрезден, где в это время жило семейство Рейхелей. Герцен, узнавший о предполагаемом приезде Пассек от М. А. Маркович (Марко Вовчок), ответил ей коротко и сухо: «Тат. Петр. Пассек передайте поклон, но писать мне ей нечего. Вы, может, читали в „Былом и думах“ о корчевской кузине? Это она и есть» (X, 86). Однако, когда в октябре Пассек вписала несколько слов между строк письма Рейхель к Герцену, они пробудили в нем живое воспоминание о детской дружбе и вызвали быстрый и радостный отклик: «Читаю между строчек, и что за странность!? Мне двенадцать лет, а Тане* четырнадцать. Зачем же между строк? пишите прямо. Бог знает, как рад! Нельзя ли нам увидаться? Можно устроить свидание на берегу моря. Хочется вас видеть, обнять» (X, 132).

---

* *В публикации у Лемке очевидная ошибка*: Тате

Встреча, которую Герцен намечал устроить на острове Уайт, не состоялась ни в 1859, ни в следующем, 1860 г. Но между ними завязалась переписка. Из писем Татьяны Петровны перед Герценом вставали живые образы московских обитателей яковлевского дома: «Да, снова был ночной смотр всех московских: читая письмо Т. П., так все и вышли...» (письмо к Рейхель от 4 ноября 1859 г.; X, 144). А вместе с тем оживал образ и самой Татьяны Петровны: «По ее письму я вижу, что она жива. Она принадлежит к тому выносливому и тягучему кряжу, который заменили николаевскими юродивыми, с рождения испуганными, нервозными чудаками,

Т. П. ПАССЕК
Портрет маслом А. А. Маркова, 1880 г.
Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

оттого она и осталась не старою в 53 года» (письмо к М. А. Маркович от 5 ноября 1859 г.; X, 148).

Осень и зиму 1859/60 г. Пассек провела в Гейдельберге, где ее дом стал притягательным центром для многих членов тамошней русской колонии. Ежедневными посетителями ее были молодые ученые И. М. Сеченов, Д. И. Менделеев, А. П. Бородин. По словам дочери Ф. П. Толстого, Е. Ф. Юнге, сблизившейся там же с Пассек, около нее «всегда образовывалась теплая, родная атмосфера, веяло чем-то широко русским ⟨...⟩ Молодежь завязывала горячие споры, которые прерывались рассказами, анекдотами, воспоминаниями. А тут, на столе Герцен, Пушкин; возьмет кто-нибудь и прочтет любимое место» (Е. Ф. Юнге. Воспоминания. 1843—1860 гг. М., б. г., стр. 288). Тепло вспоминает об этих посещениях

и И. М. Сеченов в «Автобиографических записках» (М., 1907, стр. 103—104). Сама Пассек подробно рассказала о своей жизни в Гейдельберге и о русских, навещавших ее, в письме к О. А. Новиковой от 20 декабря 1859 г. (ЦГАЛИ, ф. 345, оп. 1, ед. хр. 594, лл. 1—3).

Упоминание Юнге о произведениях Герцена подтверждается и самой Пассек, которая пишет, что еще в бытность ее в Дрездене она «получила от него ⟨Герцена⟩ ящик книг и печатный листок» (П., т. II, стр. 352). В сохранившейся рукописи этой главы было сказано яснее и определеннее: «...я получила от Александра ящик книг и листок издаваемой им газеты. С этого времени постоянно получала его газету в продолжение двух лет, проведенных нами за границей, и от времени до времени с ним переписывалась» (ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 1977, л. 9 об.). Можно с уверенностью предположить, что молодых друзей Пассек привлекали в ее доме не только «русский пирог» или «русские щи», но и возможность прочитать свежий номер «Колокола» или новую книгу лондонского издания.

При возобновившихся отношениях Пассек с Герценом, естественно, не могла не обнаружиться противоположность их политических воззрений. Это произошло еще весной 1860 г., когда Пассек поехала в Швейцарию и там познакомилась с сыном Герцена Александром. В беседах Татьяны Петровны с ним речь шла не только о тогдашнем его намерении жениться на внучке К. Фогта Эмме, но и о публицистической деятельности его отца, которая, с точки зрения ее либерализма и политической «благонамеренности», представлялась чересчур резкой и ошибочной, оскорблявшей самодержавную власть и тем закрывавшей для Герцена пути возвращения на родину. Отклик на это мы находим в письме Герцена к сыну от 2 мая 1860 г.: «А ты ей скажи, что „стыдно, мол, матушка, на старости давать слабодушные советы“. Разве я подчиняю мою деятельность каким бы то ни было видам? Алекс⟨андр⟩ II себя ведет скверно, отчего же мне, единственному оппоненту его, не бранить его?» (X, 304). А через неделю он писал самой Татьяне Петровне: «Что вы проповедуете Саше, что я слишком браню Александра II? Да ведь вся силенка-то моя хилая на том основана, что я всегда говорю правду...» (X, 306).

Летом 1861 г. Пассек приехала в Париж. Герцен известил ее о своем скором приезде из Лондона. Боясь возможных неприятностей от этого свидания для себя и особенно для сыновей, Пассек сочла необходимым обратиться за разрешением к небезызвестному Якову Толстому, бывшему тогда советником русского посольства во Франции. Она сама откровенно рассказала об этом в своих записках и при этом привела слова своего собеседника: «Мы надеемся, что ваше влияние, может, благотворно повлияет на Александра Ивановича и возвратит его отечеству» (П., т. II, стр. 358). Мы не знаем, взялась ли Пассек за выполнение этой миссии или постаралась уклониться от нее, но, во всяком случае, состоявшаяся встреча ее с Герценом была невеселой. Ограничиться воспоминаниями о далеком прошлом было невозможно для обоих, а при обращении к настоящему неминуемо должна была обнаружиться пропасть, разделявшая их. «В Париже очень скучно,— лаконично писал Герцен сыну 11 июля 1861 г.— С Левицким мы примирились, с Тат⟨ьяной⟩ Пет⟨ровной⟩ чуть не поссорились» (XI, 146—147). Естественно, что в своем рассказе о парижских встречах с Герценом Пассек постаралась смягчить остроту столкновения их взглядов, и все же она звучит, особенно в описании прощальной беседы (П., т. II, стр. 360).

Вторая и последняя встреча Пассек с Герценом произошла в конце августа того же 1861 г. в Англии, куда она приехала просить Герцена одолжить ей денег. Свидание их прошло грустно, но без резких столкновений, насколько об этом можно судить по рассказу самой Пассек. Очевидно, оба постарались избегнуть в беседе вопросов, которые могли бы

вызвать спор или взаимные обиды. Присутствие Огаревых облегчало обоим выполнение этой задачи.

Таким образом, их короткие встречи 1861 г. не заключали в себе никаких надежд на восстановление (хотя бы в некоторой степени) прежней близости, взаимного доверия и любви. И хотя разрыва личных отношений между ними не произошло, они встретились и разошлись совершенно чуждыми друг другу. Это обстоятельство следует подчеркнуть, потому что в ряде некрологов Т. П. Пассек утверждалось, что Герцен оставался ее «другом до самой своей смерти» («Неделя», 1889, № 14, стр. 439; см. также «Исторический вестник», 1889, № 5, стр. 468).

Последнее десятилетие своей жизни Пассек провела преимущественно в Петербурге, работая над своими воспоминаниями. Не имея никаких средств к существованию, кроме того, что ей давал ее литературный труд, она начала издавать с 1880 г. давно ею задуманный журнал для детей «Игрушечка», на страницах которого было помещено много отрывков из ее «Записок» (разумеется, в переработанном для детского возраста виде). Кроме того, она напечатала в «Игрушечке» ряд стихотворений Огарева и даже несколько отрывков из произведений Герцена (1882, № 9 — отрывок о Левке из «Доктора Крупова»; № 11—12 — отрывок, посвященный описанию неаполитанской природы, из седьмой главы «Писем из Франции и Италии»).

В 1867 г. Татьяна Петровна потеряла старшего сына, Александра, в 1880 г.— второго и последнего сына, Владимира. На ее попечении остался маленький внук Сережа, которому она посвятила свою книгу «Из дальних лет».

Несмотря на тяжелые утраты, она не замкнулась в своем горе, но сохранила приветливость к людям, интерес к общению с ними. Глубоко равнодушная к вопросам политической жизни и борьбы, она поддерживала знакомство с людьми различных убеждений и взглядов (Сеченов и Ив. Аксаков, Лесков и Катков, семейство Ф. П. Толстого и мн. др.).

Замечательный по тонкой наблюдательности и мастерству характеристики очерк личности Татьяны Петровны оставил хорошо знавший ее в последние годы ее жизни Н. С. Лесков.

«Татьяна Петровна, — писал он в статье-некрологе «Литературная бабушка», — была очень умна, — можно даже без преувеличения сказать, что это была женщина редкостного ума. В одном из некрологов сказано, что она была „ума *возвышенного*“. Едва ли именно это могло служить лучшим или точнейшим выражением отличительного свойства ее ума. Ум ее скорее отличался более всего здравостью и реальностью, при направлении самом практическом. Это был ум ясный, проницательный, гибкий и деловой. Ей было свойственно большое добросердечие и ласковость, и через них реализм ее ума не был груб, а был мягок и приятен. Это был ум, если так можно выразиться, уветливый ‹...›

Симпатии ее, без всякого сомнения, лежали на стороне идей гуманитарных и добрых, и если бы кто-либо из ее друзей противного убеждения когда-либо решился утверждать иное, то в достоверности этого надо сомневаться. Полная свобода совести и убеждений, безразличное доброжелательство к людям всех пород и наций и забота о наибольшем счастьи наибольшего числа людей, — вот что достойно почтения, говорила она многократно, и, без сомнения, таковы были ее искренние убеждения.

Круг знакомств ее был чрезвычайно разнообразен, по мнению иных — даже слишком разнообразен.

— Все бывают, — говорила она, — и *попятники*, и *нетерпеливцы*... Что делать... меня любят... Я дурного ничего никому не говорю...

Имею основание думать, что те, которых она обозначала словом „нетерпеливцы“, были, однако, ей милее, или, по крайней мере, они были

ей „жалче", чем „попятники"...» («Всемирная иллюстрация», 1889, № 15 от 8 апреля, стр. 265—266).

Заканчивая свою статью, Лесков дает оценку Пассек как писательницы: «В литературе она не провела за собою никакого особенного яркого, блестящего следа, но она была хорошая писательница, с большим вкусом и приятным дарованием. Творческого в ее сочинениях ничего не было, да в них и не было места ни вымыслу, ни фантазии, ни обобщениям, но она обладала прекрасною манерою изложения, — особенно, когда повествовала о событиях и лицах, ей лично известных. В этом роде и остается самым лучшим и самым замечательным ее трудом большой ретроспективный ее этюд, известный под заглавием „Из дальних лет". Это интересные воспоминания, которые выводят на свет много достойных памяти лиц и, в одно и то же время, знакомят верно и с описываемою эпохою, и с прекрасною ясностью ума Татьяны Петровны» (там же, стр. 266).

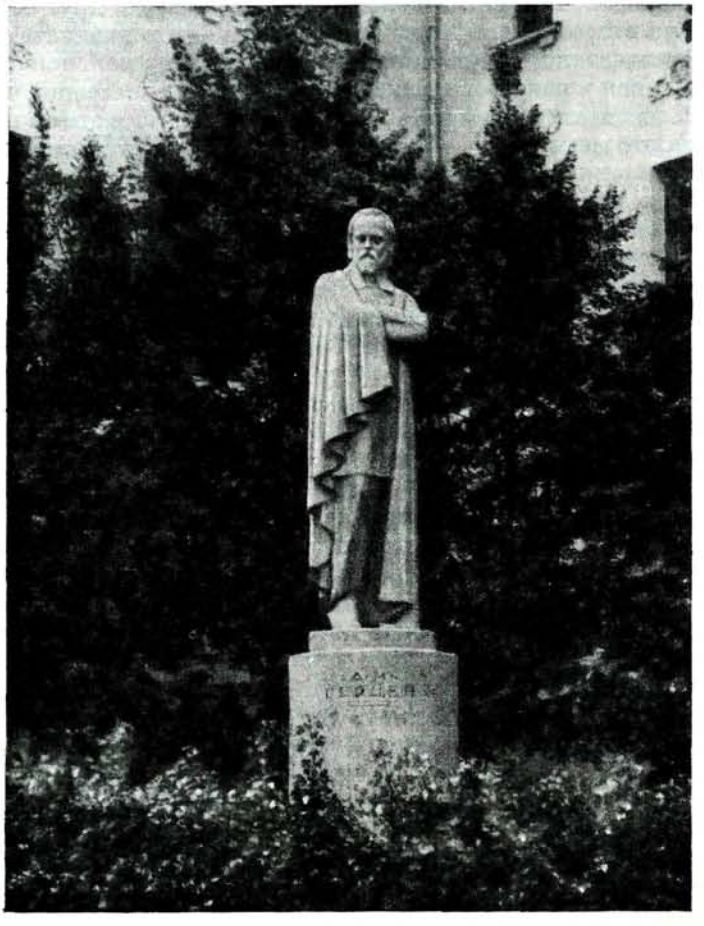
ЗАМЫСЕЛ «ИЗ ДАЛЬНИХ ЛЕТ»

В начале второй главы первого тома «Из дальних лет» Пассек вспоминает о том, как зародилась в ней мысль писать о былом. Она рассказывает о «страшной утрате», понесенной ею в 60-х годах (смерть старшего сына Александра в 1867 г.), о своем тяжком горе осиротелой матери, о сознании бесполезности своей жизни. И вот, в один из летних дней, когда она отдыхала в небольшой подмосковной деревне, в ее сознании проснулись думы о былом: «Образы, ушедшие в вечность, возникали перед моим внутренним взором, и так радостно обступали меня, что мне жаль стало расстаться с ними, захотелось удержать эти духовные виденья,— это возможно, думала я, они не сны, они жизнь,— моя жизнь, я облеку их в живое слово, и помимо себя они останутся со мною, спасут меня, воскрешая жизнь „из *дальних лет*" — и стала писать воспоминания» (П., т. I, стр. 35).

Читателям книги внушалась мысль о глубоко личных причинах, заставивших автора взяться за перо. Повидимому, работа над воспоминаниями действительно началась в те тяжелые для Пассек годы: искренний, проникновенный тон ее рассказа об этом не оставляет места для сомнений. Подтверждение этого мы находим в письме к Огареву от 1 января 1873 г.: «Я писала в минуты несчастья, для себя, как лекарство от нестерпимой боли душевной». Итак, она начала писать *для себя*, и мы можем добавить, не рискуя ошибиться, *о себе*, о своем собственном прошлом, не предполагая еще тогда, в конце 60-х годов, писать воспоминания *о Герцене и его жизни*. До 1870 г. подобная мысль не могла вообще возникнуть у нее. Мало того, мы имеем возможность точно установить, кто направил ее внимание в эту сторону, кто заставил ее придать своим воспоминаниям широкое общественное значение. В биографической справке, собственноручно вписанной Пассек в альбом М. И. Семевского «Знакомые», она сообщает, что в 1871 г. ее познакомили у Сеченова с Семевским, который и пригласил ее участвовать в его издании («Знакомые. Альбом М. И. Семевского», СПб., 1888, стр. 132—133). Сам Семевский, имея в виду, очевидно, эту встречу, отмечал в редакционном послесловии, заключавшем печатание глав воспоминаний Пассек в 1879 г.: «„Русской старине" принадлежит честь вызова Татьяны Петровны взяться за перо...» (РС, 1879, № 10, стр. 256).

28 апреля 1872 г. Пассек сообщала М. К. Рейхель: «Мне предложили в лучшие журналы написать мои воспоминания — о детстве и юности моей с Александром. Я теперь их пишу ⟨...⟩ Дай бог, чтобы пропустили

эти записки, в них благородный образ Александра оживает — везде, каков он был и действительно — с колыбели» (лл. 8 об. и 9). Предложение писать воспоминания о Герцене увлекло Пассек, и она горячо приступила к работе. При этом ее собственный, личный элемент в воспоминаниях отступал на второй план и приобретал подсобное значение — средства, облегчавшего проведение через цензуру записок о Герцене. «Все, что



ГЕРЦЕН

Памятник во дворе старого здания Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Скульптура Н. А. Андреева, 1921 г.

касается Александра, трудно, слишком трудно провести между моих воспоминаний, где я как бы о себе (мало интересной, конечно, личности, в смысле общественном) говорю...» (письмо к Рейхель от 23 октября 1872 г., л. 12 об.).

Скромно расценивая свою личность, Пассек, тем не менее, дорожила и теми главами, в которых речь шла только о ней. Но Семевский настойчиво проводил свою линию: его как редактора журнала личность Пассек не интересовала, и поэтому, начиная (в декабре 1872 г.) печатание ее воспоминаний, он исключил первую и третью главы («В Новоселье» и «Карповка») как не имевшие отношения к Герцену. В предисловии от редакции он объяснил это исключение волей автора: «Автор, составляя

записки,— не столько для печати, сколько для себя,— некоторые главы не признал пока возможным печатать: они слишком семейного, частного характера, а потому оставлены пока в рукописи» (РС, 1872, № 12, стр. 608). В действительности же Семевский даже не известил Пассек о произведенном сокращении: в недатированном письме к Рейхель из Дрездена (начало февраля 1873 г.) она резко выражала свое недовольство его поступком: «Прислали мне из Петербурга отпечатанные записки мои〈...〉 Я нашла много измененного, выпущена целая глава, ее конец в другую переведен. Вырывки и из второй главы, годы перемешаны — я в двадцатом в пансион помещена, напечатано — в двадцатом взяли меня из пансиона. Вся лично меня касающаяся жизнь разорвана, и связь утрачена. Видно, что-то вроде биографии Саши хотят образовать из моих записок, но я это не имею в виду и взяться за это не могу и не бралась. — Мне это так неприятно, что писала в редакцию, что остановлю продолжение записок, если они так действовать хотят» (лл. 50 об.—51).

«Биографии Саши» из ее записок выйти действительно не могло, но все же, хотя она впоследствии и восстановила выброшенные Семевским «кучинские» главы и добавила еще несколько в том же роде, — ее воспоминания были восприняты в обществе как книга, написанная о Герцене, его семье, его друзьях и близких. И сама Пассек, в сущности, рассматривала свой труд как выполнение возложенного ею на себя долга перед Россией, перед историей, перед памятью покойного Герцена.

В январском письме 1873 г. к Огареву она так объясняла цели предпринятой ею работы: «Мне хочется, чтобы до малости, от детства его, им сделанное уцелело для России,— благо идет в моих записках 〈...〉 Помогите же мне в этом деле — вы, его лучший друг, — ведь это для него— в России, куда он всей душой стремился — и умер далеко! Он последнее время утратил и влияние и интерес в России — стали о нем говорить редко, как об отжившей деятельности, как ушедшие дальше его, а мы покажем, как он помог росту, — забыть нельзя» (л. 63). С этим пониманием общественного значения деятельности Герцена у Пассек соединялось и личное чувство сердечной дружбы и любви к нему. 1/13 января того же года она писала Огареву: «Саша больше предстанет в истинном свете своем, а в жизнь мою он сильно вплетен — в первую, юную. Мы на заре жизни вышли вместе, взявшись за руки,— так прошло отрочество и первая юность, потом широко разошлись наши дороги; но он никогда не переставал быть мне тем, чем был в юности, ничто не изменило ни моего взгляда на него, ни моих чувств...» (л. 4—4 об.).

Разумеется, Пассек не под силу было хоть сколько-нибудь приблизиться к пониманию исторического значения Герцена и его деятельности. Ее политическая наивность, ее расплывчатые, окрашенные в тона розового либерализма взгляды не давали ей возможности понять Герцена-революционера и социалиста, Герцена-мыслителя и политического деятеля. Эти стороны жизни и деятельности Герцена почти совсем не освещены в воспоминаниях Пассек. А в тех редких случаях, когда она пытается дать оценку политических воззрений Герцена, ей не удается подняться над уровнем, обычным для либеральной печати семидесятых-восьмидесятых годов. Достаточно указать для примера на характеристику взглядов Герцена об основных началах освобождения крестьян с землею: по словам Пассек, «этого желал не он один. Этого желал государь; этого желала вся Россия» (П., т. III, стр. 127). И дальше она утверждает, что Герцен в своей публицистике «определил ясно и метко то 〈...〉, чего хотела передовая часть общества, что допускало само правительство» (там же, стр. 128). Характерно, что для итоговой оценки значения Герцена Пассек полностью перепечатала в своей книге некролог Герцена из «Вестника Европы» (там же, стр. 223—231).

Но Пассек, вместе с тем, питала к Герцену искреннюю любовь, и ей горько было наблюдать, как русское общество равнодушно к его личности, как реакционная печать поносит его имя. Обращаясь 28 апреля 1872 г. к М. К. Рейхель с просьбой о присылке материалов для ее работы, она писала: «Если есть что у вас, что может пополнить воспоминания о нем,— пришли, Маша, — ведь это перейдет в историю, и должно сохранить, что можно, он не бесследно прошел и не без клеветы — от последнего надобно его очистить. Пусть видят, что это за светлая, благородная личность была и как он любил людей. Не от накипевшей желчи вскрывал он раны общественные, а из любви и от неистекшего желания жаркого исцелить, а не осудить и очернить» (л. 9 об.).

Понимая, что ей недостает знания многих важных фактов биографии Герцена, она стремилась запечатлеть в своих записках каждую мелочь, ей известную: «Решилась, чтобы мелочи жизни сашиной многие, одной мне известные, сохранились для его будущего биографа, — и все увидали бы в настоящем свете этого действительно замечательного человека,— и чтобы в России оценили его, его заслуги — издалека, — на него смотрят в России уже как на прошедшее — интерес ослаб» (письмо к Рейхель из Дрездена, без даты — вероятно, начало февраля 1873 г., л. 4).

«Ничто не должно исчезнуть бесследно, что только может очертить Александра», — вот идея, которой она руководствовалась, составляя свои записки. И вряд ли «будущий биограф», о котором она думала, решится упрекнуть ее за те действительно многие «мелочи», которые она внесла в свою книгу, не заботясь о слишком строгом их отборе, да и не будучи в силах такой отбор произвести.

Разделяя мнения, распространявшиеся в кругах политических противников Герцена, о том, что падение его популярности в России было вызвано непримиримой резкостью его выступлений, считая это его глубокой ошибкой, она вместе с тем заявляла: «Но кто же не ошибался? — Это не уничтожает его заслуг России, не изменяет взгляда на него, как на человека с огромным талантом и сердцем богаче еще таланта. Таким он в моих записках» (письмо к Огареву от 16/28 января 1873 г.— л. 21).

С точки зрения такого понимания стоявших перед нею задач и следует подходить к анализу содержания ее воспоминаний, способов собирания материалов для них, приемов включения ею в текст записок произведений Герцена и Огарева и, в конечном счете, к определению ценности ее труда для герценоведения.

РАБОТА ПО СОБИРАНИЮ МЕМУАРНЫХ МАТЕРИАЛОВ

Если отвлечься от глав, содержащих воспоминания Пассек о ней самой, безотносительно к Герцену (а таких глав сравнительно немного, и они не представляют интереса с точки зрения герценоведения), то обнаружится одна особенность ее труда. В этих «мемуарах» в сущности очень мало мемуарного, в точном смысле слова, материала. И в этом нет ничего странного. Приступая к воспоминаниям о Герцене почти через сорок лет после того, как их жизненные пути разошлись, Пассек располагала чрезвычайно скудным запасом фактов, которые могли бы быть ею использованы. Эта бедность исходного материала определялась не только тем, что ее жизнь под крышей яковлевского дома продолжалась сравнительно недолго, но и тем, что время и жизненные заботы стерли очень многое из ее памяти. Документального же материала в руках Пассек почти не было.

Таким образом, перед ней, как автором будущих воспоминаний, стал прежде всего задача собирания материалов. Возможно, что Семевский

с его большим опытом издания мемуарных памятников, посоветовал ей привлечь к работе живых еще тогда современников Герцена, его друзей и близких. Находящиеся в нашем распоряжении письма самой Пассек и ее корреспондентов, а также некоторые другие источники позволяют довольно точно представить себе ту настойчивость и энергию, с какими Пассек выполнила эту важнейшую задачу. По ее инициативе, в результате ее неоднократных обращений и просьб, были записаны, а затем использованы ею ценнейшие воспоминания самого Огарева, Астраковой, Рейхель и, позднее, — Тучковой-Огаревой. Вместе с их воспоминаниями в распоряжение Пассек были предоставлены многочисленные материалы переписки Герцена и Огарева, а также письма их родных и близких (о письмах, вошедших в состав «Из дальних лет», см. ниже, стр. 599).

Собирание этих материалов и (хотя и неполное) их обнародование составляет одну из важнейших заслуг Пассек перед русским обществом и перед русской наукой. Вряд ли будет преувеличением сказать, что эта сторона деятельности скромной мемуаристки была большим делом общенационального значения. Именно поэтому нам представляется необходимым несколько глубже разобраться в истории этого собирания и в приемах использования присланных материалов в записках Пассек.

18 июля 1874 г., когда записки Пассек уже подверглись цензурному запрещению (см. ниже), она писала Огареву, что продолжает над ними работать: «Я теперь собираю все, что касается Саши и всех вас (конечно, что возможно, не касаясь семейных обстоятельств!), и кто может доставить какие сведения — прошу. Конечно, не сейчас, а при возможности будет напечатано. Теперь же собираю, составляю, готовлю...» (л. 59).

Надо думать, что первым, к кому обратилась Пассек, был старший брат Герцена по отцу, Егор Иванович Герцен, доживавший свою жизнь в Москве. Пассек и раньше изредка навещала Егора Ивановича, вероятно, изредка писала ему, знала о его одинокой, безрадостной жизни. Задумав писать свои воспоминания, она не могла не воспользоваться помощью Е. И. Герцена.

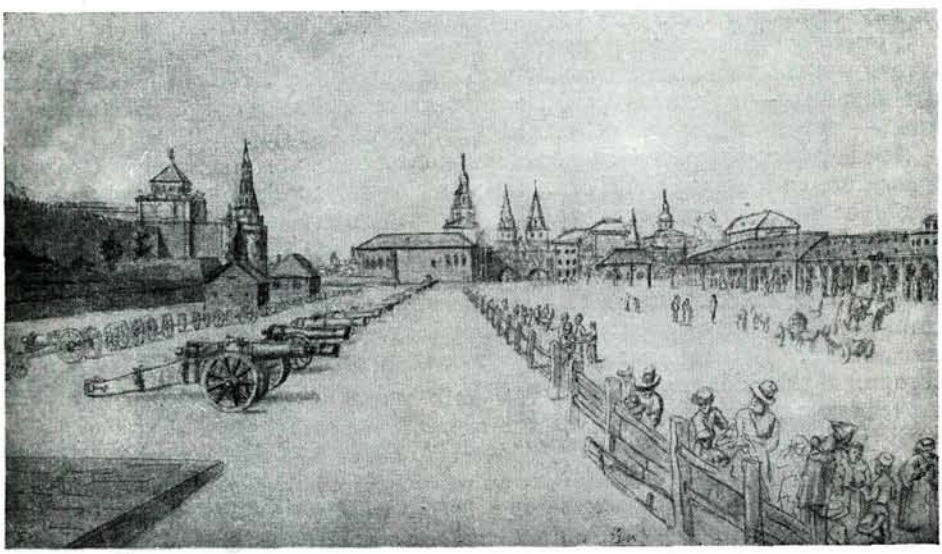
Летом 1872 г. она провела два месяца в Москве. О тогдашних встречах с ним она писала Рейхель 23 октября 1872 г. «У Егора Ивановича я бывала очень часто ⟨...⟩ Егор Иванович, совсем слепой, сидит целый день на диване в крошечной комнате, душной— ничего не делает, в скуке, утром ему читают „Полицейский листок“ — а там один весь день. Рад бывал мне чрезвычайно. Я проводила у него целый день с ним, вспоминая прошедшее — и рассказывая, что слышно нового» (л. 13—13 об.).

В отличие от других лиц, к которым также обращалась Пассек, Е. И. Герцен не записал для нее своих воспоминаний. Этому мешало и его плохое владение письменной речью и почти полная потеря зрения. Но в беседах с Пассек словоохотливый старик поделился с ней всем, что сохранилось в его памяти. Эти устные рассказы были использованы ею в первых главах «Из дальних лет».

Разумеется, мы лишены возможности точно установить, что именно в этих первых главах принадлежит Е. И. Герцену, но некоторую ясность в этот вопрос все же внести можно. Несомненно, что к его рассказам восходит все то, что сказано у Пассек о нем самом (его происхождение, обстоятельства, при которых он был взят в дом отца, положение в семье, служба и т. д.). Все эти сведения Пассек могла получить только от него. Но кроме того, как можно предполагать, в его рассказах перед Пассек воскресли многие подробности домашнего быта семьи И. А. Яковлева; дополненные ее собственной памятью, пробужденной этими рассказами, эти подробности вошли в состав ее записок и имеют значительную ценность для изучения биографии Герцена.

Наконец, по данным Е. И. Герцена, Пассек в основном изложила всю историю, случившуюся с И. А. Яковлевым, когда он остался в Москве, занятой французами. Об этом она прямо заявила в подстрочном примечании к отдельному изданию своих записок 1878 г.: «Все, что говорится в моих воспоминаниях о пребывании Ивана Алексеевича Яковлева и его семейства в Москве, во время занятия ее неприятелем, слышала я в его семействе, для большей же точности записала со слов его сына Егора Ивановича Герцена, бывшего в то время уже по десятому году и присутствовавшего при всех упоминаемых мною событиях» (П., т. I, стр. 40).

Этого подстрочного примечания Пассек не было в «Русской старине»; оно появилось в отдельном издании как отклик на выступление Д. Д. Голохвастова (см. о нем выше, стр. 565). Прямую ссылку на свидетельство



КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ В МОСКВЕ В 1812 ГОДУ
Рисунок Ф. Я. Алексеева
Третьяковская галерея, Москва

Е. И. Герцена поместила и редакция «Русской старины» в предисловии, которое было предпослано тексту записок Пассек при их возобновлении в 1876 г. (РС, 1876, № 4, стр. 807). Имя Е. И. Герцена, как лица, сообщившего Пассек необходимые сведения, названо и в ряде других мест. Так примечанием: «Сообщено Егором Ивановичем Г—м» сопровождаются: рассказ о возвращении Льва Алексеевича из Швеции и о переезде обоих братьев в Москву; история раздела имения между братьями Яковлевыми и судьба наследства, оставленного Л. А. и И. А. Яковлевыми.

Таким образом, факт использования Пассек рассказов и сообщений Е. И. Герцена не подлежит сомнению.

Кроме Е. И. Герцена, Пассек обратилась и к другим москвичам, близко знавшим Герцена в годы его молодости. Это были Т. А. Астракова и Н. Х. Кетчер — былые члены герценовского кружка тридцатых-сороковых годов (остается неизвестным, почему Пассек не обратилась к третьему члену этого кружка — М. Ф. Корш, также жившей в Москве).

Вопрос о воспоминаниях Астраковой и их использовании в записках Пассек рассмотрен нами в предисловии к публикации дошедшей до нас рукописи этих воспоминаний (см. настоящий том, стр. 541—546).

Астракова живо откликнулась на просьбу Пассек и охотно поделилась имевшимися у нее материалами; у Кетчера же Пассек ожидала полная неудача. Об этом она сама рассказала М. К. Рейхель в письме от 23 октября 1872 г.:

«Летом я была в Москве два месяца — видела Кетчера один раз. Жена его умерла — он один в своем полуразрушенном доме и сильно разросшемся саду — рад был видеть меня. Об Александре вспоминает с чувством неприязни и ропота — зачем писал об их отношениях, что не имел права и проч. Я сказала, что иначе смотрю и понимаю и в другом духе пишу о нем воспоминанья, что имеющееся о нем должно передать истории.— „Охота вам",—заметил он. Особенно о Наташе, первой жене Александра, говорил с недовольным чувством — что они ошиблись в ней, что подняли ее на пьедестал слишком высоко, и винит ее в разрыве с ними, более, нежели его. Об Н. П. ⟨Огареве⟩ и говорить не стал ⟨...⟩.

Кетчер все Шекспира мучит. Вхожу к нему, он в саду. Все двери нараспашку, на письменном столе Шекспир и перевод. В зале навалены разные издания — продающиеся. На террасе скамейка и стол, тоже подгнившие, — тут я и дождалась его...» (лл. 12 об.—13).

Точность этого рассказа подтверждается тем, что в письме к Огареву, относящемся к январю 1873 г., Пассек повторила его с сохранением всех наиболее характерных деталей: «Летом прошедшим я была в Москве — видела Кетчера и у него была. Переводит все Шекспира. Он страшно восстановлен против Саши и частью против вас, особенно против Наташи покойной. Я несколько вызвала примирительных чувств, но взгляд его истекает из какого-то сильного оскорбления. Сказал мне: „Охота вам о нем писать?" Я отвечала: „Он друг мне и человек истории".—„Ну и пусть история о нем говорит, а вам-то что?". Всего не перепишешь, что было, а расскажу при свиданье» (л. 63 об.)

В недатированном письме к Огареву, которое должно быть отнесено ко второй половине февраля 1873 г., Пассек повторила этот рассказ, включив в него еще характерное дополнение: «Сильно восстановлен он против Саши и частию против тебя. Особенно же против Наташи. Ее винит во всех разрывах и неприятностях. Говорил, что Саша непростительно поступил, писавши так о нем (я, право, нигде не видала, чтобы Саша что худое о нем сказал), что у него письма сашины, которые возмущают его, что он в память прежних отношений с ним их никому не сообщит — до того они в дурном свете Сашу кажут (и этому не верю)» (л. 74—74 об.).

Приведенные отрывки имеют и самостоятельное значение: в них выразительно досказана история былой сердечной дружбы между Кетчером и Герценом, превратившейся, под влиянием идейного разрыва и последующего перехода Кетчера в стан реакции, в непримиримую вражду.

Пассек хорошо понимала, какой большой вклад в задуманный ею труд может внести М. К. Рейхель, проведшая ряд лет в доме И. А. Яковлева, знавшая Герцена еще по Вятке, сохранившая прочную дружескую связь с ним до самого конца его жизни.

Первое обращение к Рейхель по интересующему нас вопросу содержится в уже цитированном письме от 28 апреля 1872 г., в котором Пассек делится своим замыслом написать воспоминания «о детстве и юности моей с Александром» и сообщает, что работа ею уже начата. Рассказав о том, каким недостаточным материалом она располагает, Пассек спрашивает: «Нет ли у тебя, или у детей, или у Николая Платоновича его ⟨Герцена⟩ статеек ученических? У дяди ⟨Е. И. Герцена⟩ нет ничего — все сгублено».

Помимо этой основной просьбы — о присылке материалов, которая повторяется и в последующих письмах, Пассек уже в этом письме упоминает и о другом: «Что знаешь, Маша, об Александре, сообщи, пожалуйста, и о Луизе Ивановне, этом добром, родном сердце» (л. 10 об.) К этому

Пассек возвращается и в дальнейшем, но развивает с гораздо большей полнотой и обстоятельностью. Особый интерес для нашей темы представляет листок с отрывком письма, вложенный в письмо от 8/21〈!〉 января 1873 г., но по содержанию с ним не связанный. Сопоставление с другими письмами позволяет отнести этот отрывок к январю-февралю 1872 г. В нем намечена развернутая программа для будущих записок Рейхель:

ОГАРЕВ

Памятник во дворе старого здания Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Скульптура Н. А. Андреева, 1921 г.

«Соберись, милая моя Маша, в память Саши и Луизы Ивановны, сядь одна вечерком и вызови прошедшее и что будет проходить перед душой твоей — записывай, что их характеризует — вкратце.

Вот тебе программа:

1) Семейство Эрнов. Очерк матери твоей и члены семейства. Вятка, как с Сашей сошлись. Факты жизни Саши в Вятке при вас. Переезд в Москву твой, расположение к тебе Ивана Алексеевича, его жизнь без Саши. Любовь к тебе Луизы Ивановны.

2) Приезд Саши и Наташи, их жизнь в Москве. Встреча их Иваном Алексеевичем и Луизой Ивановной. Образ жизни их в маленьком домс.

3) Возвращение Саши в Москву из Новгорода, кончина Ивана Алексеевича, твоя любовь к Луизе Ивановне и Коле, поездка в Соколово. Этот круг—кто его составлял. Лица назвать. Отчасти жизнь в Соколове.

4) Отъезд за границу — жизнь в Париже, в Италии, в Цюрихе с Луизой Ивановной и Колей; твое замужество. Как узнали о потоплении Луизы Ивановны и Коли. Кончина Наташи. Дети ее у тебя. Саша в Лондоне. Вот и всё. Слегка очеркни да спиши письма два-три его к тебе» (л. 19—19 об.).

Эта программа свидетельствует о том, что первоначальные планы Пассек — писать о детстве и юности Герцена — теперь значительно расширились: она намерена осветить в своих записках и ряд эпизодов из жизни Герцена за границей и большую надежду в этом отношении возлагает на Рейхель.

Настояния Пассек не были безрезультатны: в недатированном письме, которое следует отнести к концу февраля 1873 г., она писала: «Медведь, благодарю и жму твою мохнатую лапу с чувством. Прекрасно ты написала—просто, дельно. Я, право, с большим удовольствием прочитала твой простой, прекрасный рассказ. Продолжай, медведь, и да осветят тебя святые воспоминания» (л. 34). И дальше Пассек излагает план своей работы на ближайшие месяцы и предупреждает о том, как намерена использовать присланные воспоминания: «В апрельской книге идет 29-й год, в мае—30, 31, 32-й, в июне — 34, 35, 36-й—так распоряжено по работе. Твои, частями, пойдут по годам—в виде писем. Скажется так: „Из писем Маши“» (л. 35).

Получив только начало записок Рейхель (вероятно, оно соответствовало первому пункту приведенной выше программы), Пассек в том же письме побуждает свою корреспондентку не останавливаться на этом и вновь подробно перечисляет, о чем следует говорить в дальнейших частях:

«Я твоим присланным запискам дам форму письма: 1-е — *письмо Маши* из Сибири, 2-е — *письмо Маши* из Москвы. А как ты еще очень немного сказала о Москве, то это второе письмо считается неконченным—добавляй его рассказом жизни в пансионе до приезда Саши в Москву. 3-е —приезд Саши, твой выход из пансиона и жизнь в доме Яковлевых, первое время. Это может занять письма три-четыре и пять, докончишь Иваном Алексеевичем. Тут пройдут, *с твоим взглядом, конечно,* все личности, окружавшие Сашу; разумеется, во всем этом первое место он, о котором ты ведешь рассказ в письме, — направление, вечера, разговоры, пиры, рождение детей, Саша во Владимире; какое впечатление было в его семействе, как он увез Наташу. Их приезд в Москву, прием им. Как они раз втихомолку приезжали из Владимира, как мамаша твоя у них была во Владимире, их жизнь в маленьком доме, Медведевы (разумеется, нельзя говорить о бывшей связи у Саши с Медведевой в Вятке), Соколово, прелесть этого места,—можешь писать обо всех личностях, кто был тут,— вреда никому не будет, те времена *прошли**. О Карле Ивановиче Зонненберге *пиши, как он* сделался постоянным членом дома Ивана Алексеевича, как отъезжал на Кавказ, чем торговал, как возвратился, где помещался, чем занимался в Москве и у Ивана Алексеевича. Как фазанов навез, сколько и как продавал. О Коле бедном пиши — твоем дитяти сердца — о доброй, любящей Луизе Ивановне, ее ко всем человеческом отношении и ласке.

Письмо еще: по смерти Ивана Алексеевича лето в Соколове, разъединение с друзьями, *Покровское не забудь*. Вот тебе два очерка местности — *Соколово, Покровское.*

Дальше: отъезд за границу — кто поехал, как поехали. Впечатления за границей первые, обстановка, лица. Ты с Луизой Ивановной и Колей

* *Над этими словами, на верхнем поле приписка:* Белинского не забудь.

часто жили отдельно — ваша жизнь. Холера. Твое замужество. Социалисты. Переворот во Франции.

Еще письмо: Италия — что там было.

Цюрих — да, этот-то рассказ в жизни твоей трагичен и в сашиной — ужасен.

Приезд к тебе в Париж Луизы Ивановны с Колей и гувернером и племянницей, потопление, как ты узнала, какое это на тебя влияние имело.— Кончина Наташи. Страшный период, в который судьба спаяла твое существование с их. Дети у тебя. Саша в Лондоне. — Дальше, что знаешь — дальше мало знаю о твоем соприкосновении с Герценами...» (лл. 35 об.—37).

Эта вторая, расширенная, «программа» интересна не только обилием названных в ней тем личной биографии Герцена, но и широким кругом вопросов идейно-политического содержания, которые Пассек считает необходимым осветить («разъединение с друзьями». «Социалисты. Переворот во Франции»). Нельзя не видеть в этом свидетельство большей широты ее замыслов, чем принято было думать до последнего времени.

В следующем письме (от 6 марта 1873 г.), отвечая, очевидно, на сомнения, выраженные Рейхель, она ободряет ее, убеждает писать воспоминания «не робея — в память Саши» (л. 46). Но преодолеть сомнения Марьи Каспаровны ей не удалось: продолжение записок не приходило. 1 сентября/20 августа 1873 г. Пассек вновь писала: «О продолжении твоих воспоминаний прошу тебя почти слезно. Ну что тебе значит по-медвежьи присесть вечерком, да и вспомнить, как ты жила у Ивана Алексеевича, и отрочество и детство твое, как Саша с Наташей явились, и Коля твой воскреснет перед тобой и весь круг — вся жизнь молодая того времени» (л. 77).

Еще через три месяца, 30 ноября 1873 г., Пассек, возвращая Рейхель воспоминания (копию их она оставила у себя), вновь просит о продолжении:

«...Не откажи мне, Маша, в одолженье — написать, хотя в письме ко мне, кратко, о твоем дальнейшем пребывании в доме Ивана Алексеевича, о характере дома его в то время; о том, как смотрели на его отношенья к Наташе, какое впечатленье на всех вас сделало известие о его женитьбе и их возвращенье в Москву. Также, Маша, напиши, в какое время приехали Медведевы в Москву и зачем. Я тебе и эти письма возвращу, если они надобны для твоих детей, и вероятно, им будет приятно иметь в письмах твое и близких тебе людей прошедшее. Я возьму из них только то, что мне теперь необходимо. Меня все это время в Москве не было. Кроме тебя, Маша, мне не к кому и обратиться...» (л. 61—61 об.).

В последующих письмах Пассек к этому вопросу больше не возвращалась, и продолжение записок Рейхель ею так и не было получено. Известные «Отрывки из воспоминаний М. К. Рейхель», изданные в 1909 г., были написаны ею уже в глубокой старости, в начале 900-х годов. В письмах к Е. С. Некрасовой, относящихся к этому времени, она объясняла причины, затруднявшие ее работу: «Я читаю теперь „Былое и думы". Какая мощь, какое перо, я просто за себя испугалась, что начала письменно изъясняться, и не знаю, буду ли продолжать» (письмо от 1 мая 1903 г.— ЛБ., Некр. 1. 4). В следующем письме, от 23/10 мая того же года, она снова возвращается к этой теме: «На меня нашел последнее время столбняк, и я давно ни строчки не писала. Вы советуете не смущаться, а я перед силой *того* слова не могу не чувствовать своей немощи. Я теперь перечитываю из „Былого и дум" с высоким наслаждением, какой необыкновенный талант, да что талант, это гениально» (там же). Можно думать, что те же сомнения затормозили в свое время и ее раннюю работу, оборвавшуюся в самом начале.

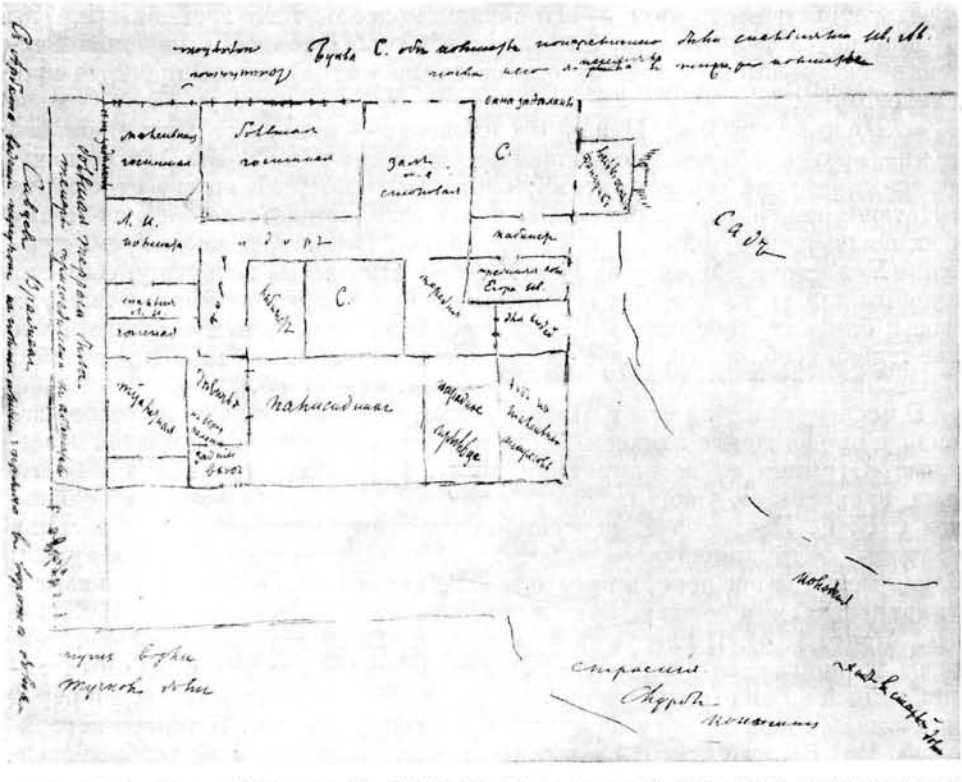
Как мы уже видели, Пассек предполагала включать воспоминания Рейхель в свой текст частями, озаглавливая их как «Письма Маши».

Ни в журнальном тексте «Из дальних лет», ни в отдельном издании их мы не находим ни одного из этих «писем». Но частично дошедшие до нас рукописи записок Пассек подтверждают, что она пыталась осуществить свое намерение.

В архиве «Русской старины» сохранилась рукопись Пассек, озаглавленная «Объявление. Истинная и последняя эмансипация рода человеческого от злейших врагов его» (ИРЛИ, ф. 265, оп. 1, № 13, лл. 329—339). Она содержит переписанный рукой Пассек текст шуточного объявления, написанного Герценом для К. И. Зонненберга, и пояснения к нему самой Пассек (напечатано первоначально в «Русской старине» 1874, № 2; в отдельном издании вошло в состав главы «Реклама» во втором томе записок). Вслед за текстом самого «Объявления», на обороте л. 333 сохранилось начало нового раздела воспоминаний, которое, однако, тогда, в 1874 г., в печать не попало в связи с цензурными препятствиями. Приводим его полностью:

«Разлука с Сашей сильно потрясла расстроенное здоровье Ивана Алексеевича. Вслед за Сашей и Егор Иванович выбыл из дома на квартиру в запасный дворец, где получил место архивариуса. В доме сделалось пусто и мрачнее прежнего. Когда Зонненберг находился в Тегеране или Чуфут-Кале, старик, вдвое больше сгорбленный, вдвое больше угрюмый, садился за стол с глазу на глаз с Луизой Ивановной.

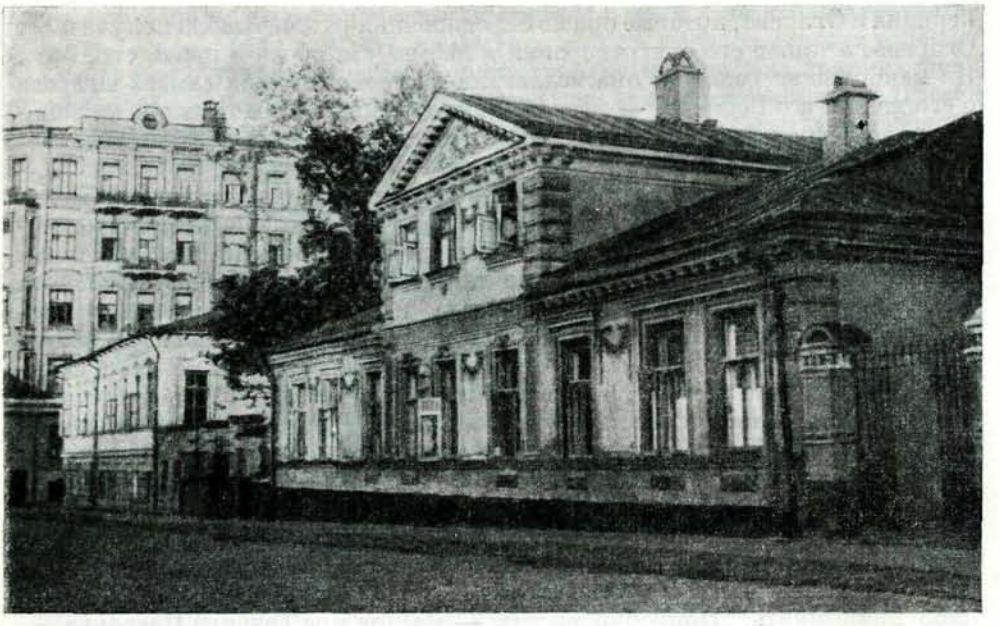
Года через два после отъезда Саши этот безмолвный дом оживился явлением девочки-ребенка — Маши Эренд ⟨!⟩ — из Вятки; и как она



ПЛАН ДОМА И. А. ЯКОВЛЕВА НА УГЛУ СИВЦЕВА-ВРАЖКА И МАЛОГО ВЛАСЬЕВСКОГО ПЕРЕУЛКА В МОСКВЕ: (ТЕПЕРЬ № 25/9)

Сделан М. К. Рейхель в письме к Е. С. Некрасовой, 1901 г. План того же дома (менее тщательно вычерченный) был послан и Т. П. Пассек

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва



ДОМА И. А. ЯКОВЛЕВА В СИВЦЕВОМ-ВРАЖКЕ В МОСКВЕ:
(ТЕПЕРЬ № 2½/9) и № 27)
Фотография, 1937 г.
Литературный музей, Москва

попала в дом Ивана Алексеевича всего лучше можно видеть из нескольких писем ко мне Маши, которые я позволю себе здесь приложить.

1-е письмо Маши

«Вот задали вы мне задачу, милая Татьяна Петровна, пиши я свои воспоминания, — не скажу, чтобы я неохотно останавливалась мыслью на давнопрошедшем, но оно для других мало интересно. Детство мое не было окружено ни цветами, ни большими радостями, ни большим счастьем. Но что прошло, то нам мило; сверх того, в юности есть будущее; кому не сулит оно золотые горы...»*

Когда Пассек получила в 1876 г. возможность возобновить печатание своих записок, она уже убедилась, что Рейхель не пришлет ей больше продолжения воспоминаний. При таком положении дел помещать их под обещающим заглавием «1-е письмо Маши» не имело смысла. Возможно, что при этом Пассек учитывала и желание самой Рейхель, не хотевшей, чтобы в печати сказано было «Из писем Маши» (см. об этом в одном из писем Пассек к Рейхель, л. 50). И Пассек ограничилась тем, что частью изложила своими словами, а частью привела дословно полученное ею в 1873 г. начало воспоминаний Рейхель, и все это включила без особых выделений в свой собственный текст (П., т. II, стр. 61—62). Этот отрывок, коротко говорящий о первом знакомстве Маши Эрн с Герценом в Вятке и затем о тоскливой обстановке, которую она застала в Москве в доме его отца, имеет весьма небольшое значение для биографии Герцена.

С еще большей настойчивостью и энергией, чем у Рейхель, Пассек добивалась получения нужных ей материалов у Огарева, письменную связь с которым она установила осенью 1872 г. и деятельно переписывалась с ним в течение двух лет (до августа 1874 г.). Ее интересовали письма

* Продолжение «письма» не сохранилось.— *Ред.*

Герцена и Огарева, которые она не без основания рассчитывала получить от Огарева, а также его стихотворения и поэмы (см. об этом ниже, стр. 613). Но наибольшие надежды она возлагала на воспоминания самого Огарева о его жизни и о Герцене, — воспоминания, ценность которых для ее записок она превосходно понимала. Ввиду особой важности этой темы мы остановимся на ней подробнее в следующей главе.

Т. П. Пассек не прекратила своей работы по собиранию писем и мемуаров о Герцене и Огареве и в последние годы своей жизни, когда она готовила к печати главы, составившие содержание третьего тома «Из дальних лет». Значительная часть материала для этого тома была получена ею от Н. А. Тучковой-Огаревой, вернувшейся в Россию и проживавшей в Пензенской губернии, в имении своего покойного отца А. А. Тучкова. В некрологе «Татьяна Петровна Пассек. Заметка к ее характеристике» Н. А. Тучкова-Огарева сама засвидетельствовала, что она начала писать свои воспоминания под влиянием настойчивых убеждений Пассек: «При составлении третьего тома „Из дальних лет" Татьяна Петровна спрашивала меня о многом, разные подробности о семействе Герцена, о Тучковых, я отвечала ей с готовностью, переписывала для нее дорогие письма и посылала ей. Мало-помалу Татьяна Петровна заставила меня набросать для нее отрывки из моих воспоминаний. Без нее, убитая последним тяжким ударом, я никогда бы не принялась за свои воспоминания, я не была в состоянии что-либо припомнить. „Попробуй писать, — писала мне Татьяна Петровна, — тебе легче будет, это своего рода жизнь, все воскресает, порой катится слеза, порой светится улыбка. Не дивись, что в семьдесят пять лет работаю, — в работе жизнь, а без дела пропадешь,— так и стала писать". И она была права: как будто переживая прошлое, я стала спокойнее, терпеливее жить в ожидании конца...». И дальше, заключая характеристику Пассек указанием на ее умение энергично трудиться, она писала: «Она не только трудилась, но умела заставить трудиться и других, в ней была подталкивающая сила, вызывающая энергию других» (РС, 1889, № 7, стр. 188—189. Приведенные в письме слова Пассек взяты из ее письма от 5 сентября 1885 г.; хранится в ЦГАЛИ — ф. 359, оп. 1, ед. хр. 252, лл. 3—6).

Все сказанное находит полное подтверждение в переписке Пассек с Н. А. Тучковой-Огаревой (переписка хранится в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина и ЦГАЛИ); некоторые дополнительные данные могут быть извлечены из писем Т. А. Астраковой к Пассек (Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина).

В 1882 г. Пассек узнала от Астраковой, что Н. А. Тучкова-Огарева вернулась в Россию и живет в Яхонтове. Отвечая на настойчивые просьбы Пассек, Астракова тогда же сообщила ей адрес Тучковой-Огаревой (ЛБ, ф. Г.—О. IX, 22, № 2). Однако тяжелая болезнь помешала Пассек сразу установить непосредственную связь с Тучковой-Огаревой.

В феврале 1884 г. Астракова вновь переслала ей требуемый адрес, и только 2 июля 1885 г. Пассек обратилась к Тучковой-Огаревой с дружеским письмом, которое и положило начало их переписке восьмидесятых годов. Уже в этом письме она писала: «Если вы пожелаете, милая Наталья Алексеевна, что пополнить в моих воспоминаниях, я с радостью помещу» (ЛБ, Г.—О. X, 85, № 1). В ответном письме, датированном 18 июля, Тучкова-Огарева обещала пересмотреть «старые письма, не напечатанные стихи Н. П., его музыкальные сочинения», но на просьбу записать свои воспоминания отвечала уклончиво: «Едва ли мне не лучше помолчать» (ЦГАЛИ, ф. 359, оп. 1, ед. хр. 212, лл. 9—10). Понадобились повторные просьбы и убеждения, чтобы она решилась преодолеть свои сомнения и приступить к работе над записками. Первые главы были ею написаны осенью того же 1885 г.: в письме от 29 ноября Пассек уже извещала ее: «Все полу-

ченное от тебя привожу в порядок, соединяю с моим. Скоро буду печатать» (там же, ед. хр. 252, л. 8). Их совместная работа продолжалась и в последующие годы. Кроме большого количества писем Огарева (ранних лет), Герцена, Н. А. Герцен, Тучкова-Огарева передала в распоряжение Пассек несколько эпизодов из своих воспоминаний, которые и были использованы в главах третьего тома: «Семейство Тучковых», «В Италии», «Во Франции и в России», «Александр Герцен за границей», «Общий фонд», «Болезнь и кончина Александра Ивановича Герцена».

В письмах к Тучковой-Огаревой Т. П. Пассек неоднократно набрасывала программу для ее работы над воспоминаниями. Такую программу находим мы, например, в письме от 14 декабря 1885 г.:

«1) Надобно время твоего сближения с Наташей, ваша переписка.

2) Переписка Александра с Ага, жизнь твоя с Ага в деревне, вызов ваш А⟨лександром⟩ за границу, решение ваше остаться навсегда за границей, как и почему вы решились. Ваша жизнь в Англии вместе с А⟨лександром⟩; тут надо, не распространяясь в разъяснениях, а слегка, как бы под легким покровом; пусть видно, что есть близость, — этого избегнуть нельзя, — а факты покажут, что вы все люди хорошие, да положение было трагичное. Для этого необходимо некоторые письма, хоть отрывки из них. Нерасположение к тебе Мальвиды понятно: без тебя она была лицо, а при тебе она отступила на свое место, — и хорошо, так и следовало.

3) Хорошо сделать очерк вашей жизни с приезда к А⟨лександру⟩, очерк лиц соприкосновенных, цель и деятельность.

4) Образ жизни Наташи с приезда из России. Мальвида — дрянь и вредная, хотела захватить душу детей; понимаю, как мучительно тебе жилось в этой среде.

5) Скажи, что привело Наташу к измене А⟨лександру⟩. Трагичное ее было положение. Из пятой части записок напечатан отрывок „Oceano nox". Это их примирение. Прелестный отрывок. Так как этот факт слишком известен повсюду, то об нем надо сказать очень осторожно и под вуалью. Самое лучшее — письма лиц, хотя отрывки из писем» (ЛБ, ф. Г.—О. Х, 86, № 10. В архивной описи письмо это ошибочно отнесено к 1886 г.).

Выделяя в этой программе ряд тем, касающихся интимных сторон из жизни Герцена и его семьи, Пассек, вероятно, хотела для самой себя уяснить многое, о чем она знала недостаточно полно и точно. Но у нее не было намерения вводить этот материал в свои записки. О занятой ею в этом отношении позиции она писала Тучковой-Огаревой в феврале 1886 г.: «О семейных обстоятельствах как Александра и Наташи, так и твоих, Огарева и Александра я нисколько не упоминаю и не считаю надобным говорить. Это ни до кого не касается. Ни во что не считаю, кто и как на семейные дела смотрит, но важным считаю верный очерк характеристики действующих лиц, так как по этому составляется о них понятие ⟨...⟩ А что говорить о том, что во многих семьях делается нередко. Ни до кого это не касается, да никогда и не выяснишь миллионной доли мелких поводов к тем или другим явлениям» (там же, № 3).

В соответствии с сложившимся у Пассек к этому времени широким замыслом создать в своих воспоминаниях нечто вроде полной биографии Герцена (см. об этом выше, на стр. 574), она в позднейших обращениях к Тучковой-Огаревой все чаще указывает на интересующие ее эпизоды политической деятельности Герцена и Огарева, которые, по ее мнению, желательно осветить в воспоминаниях. В письме от 7 мая 1886 г., намечая содержание третьего тома, Пассек, после упоминания о семейных утратах Герцена 1851—1852 гг., продолжала: «Дальше Англия. Переселение Александра в Лондон, открытие типографии, письмо к Нику, после — потеря фабрики и призыв вас в Лондон. Начало „Колокола", ваш переезд в Женеву, русские эмигранты, общий фонд» (там же, № 5). А в одном

из последних писем, в разгар работы над подготовкой отдельного издания третьего тома, Пассек писала: «Если ты что написала из вашей жизни за границей с Александром, об эмигрантах того времени, которые входили в состав вашего круга, о русских, бывавших у вас, как-то: Энгельсоне и других — то напиши мне, так же как об участии Александра в польском деле и о падении „Колокола“ (ЛБ, Г.—О. Х, 88, № 4). Осуществить в полной мере эти планы Пассек не удалось, но названные ею темы нашли свое отражение в позднее написанной Тучковой-Огаревой расширенной редакции ее воспоминаний, печатавшейся в девяностых годах в «Русской старине» и вышедшей отдельным изданием в 1903 г. (переиздано в 1929 г.).

Последний вопрос, на котором необходимо здесь остановиться, касается характера произведенной Пассек обработки текста воспоминаний Тучковой-Огаревой. Внимательное чтение соответствующих глав третьего тома «Из дальних лет» позволяет установить, что Пассек частью использовала подлинный текст воспоминаний, а в некоторых случаях прибегала к краткому изложению их своими словами. В отношении одной главы, рассказывающей о жизни в Париже, мы имеем возможность более точно судить о качестве напечатанного Пассек текста.

Среди отрывков из воспоминаний Тучковой-Огаревой, хранящихся в ЦГАЛИ, нами обнаружен листок с автографом, озаглавленный «Эпизод из нашей жизни в Париже» (ф. 359, оп. 1, ед. хр. 189). Содержание этого эпизода, формат бумаги, ее цвет и цвет чернил — все это дает возможность установить, что перед нами текст, присланный Тучковой-Огаревой для Пассек. Сопоставление этого текста с напечатанным у Пассек показывает, что она подвергла его легкой стилистической обработке, сняла несколько резких выражений (исправила, например: «Внутренно взбешенная, что мы так безучастны и праздны...» — на: «Раздраженная их безучастием...»); кроме того, она устранила заключительную фразу с намеком на позднейшее сближение Наталии Алексеевны с Герценом: «Странное предчувствие— Наташа мне говорила раз в Париже: „Я более создана для Огарева, а ты для А⟨лександра⟩, в вас жизнь больше кипит, а мы больше созерцаем“». В целом же Пассек очень точно, без какого бы то ни было искажения, передала содержание данного отрывка из воспоминаний Тучковой-Огаревой. Таким образом и этот маленький пример дает возможность снять с Пассек обвинение в бесцеремонном обращении с печатаемыми материалами.

Разумеется, при этой общей оценке работы Пассек должны быть особо выделены изменения, внесенные ею по цензурным соображениям. Ниже (в главе седьмой) будет отмечено, что официальные цензурные документы, касающиеся печатания глав третьего тома «Из дальних лет», почти не содержат данных о вмешательстве цензуры в текст ее воспоминаний. Но и Пассек и ее редактор Семевский вынуждены были считаться с цензурными условиями и вносить требуемые ими изменения до набора текста и до представления готовой книжки журнала в цензуру. Рукописи некоторых глав третьего тома, содержащих материал Тучковой-Огаревой, сохранились в архиве «Русской старины». По ним мы можем судить о характере этого авторского и редакторского приспособления текста к цензурным требованиям. Особенно выразительна в этом смысле рукопись главы V «В Англии» (ИРЛИ, ф. 265, оп. 1, № 37, лл. 81—87 об.).

В приводимых ниже примерах зачеркнутые в рукописи места выделены курсивом. С этими сокращениями глава была напечатана в «Русской старине», 1886, № 11.

л. 83: «Вольную русскую типографию в Лондоне заметили, *в России боялись*».

л. 85: «„Полярная звезда“ и „Колокол“ *шли превосходно*» (вместо зачеркнутого вписано карандашом: «имели успех»).

л. 85: «*Первые листки „Колокола“ имели громадный успех в России*».

М. К. РЕЙХЕЛЬ
Фотография, 1900-е гг.
«Пражская коллекция»
Центральный архив литературы и искусства, Москва

л. 86: «В то время в России все были увлечены государственными реформами: поэты и философы, ученые и промышленники, духовенство и дворянство. *За границей Александр естественно стал центром всего движения.* В Лондон приезжали за лозунгом люди всех сословий и чинов. Голос Александра доходил до *Зимнего дворца и шел вглубь обширной страны русской, пробуждая массы, призывая на великое дело освобождения; для этого дела он пользовался всеми возможными средствами*» (вместо вычеркнутых последних строк вписано: «высших сфер»).

л. 86: «Время от Крымской войны до окончания работ по делу эмансипации было временем высшей деятельности *и самого высшего влияния Александра Г****».

л. 86 об.: Перед абзацем, начинающимся словами: «Не довольствуясь ролью публициста...» — в рукописи зачеркнут большой кусок текста, определяющий позицию Герцена в крестьянском вопросе: «*Никто не может сделать упрека, что дело освобождения крестьян совершено было в духе, выгодном только для дворянства; Александр не хотел и слышать о переходном состоянии и желал, чтобы все сделалось помимо того, что составляло века формальное право. Он требовал, чтобы общинное владение развивалось в социалистическом духе, приветствовал волнения на улицах, в клубах, в аудиториях, как предвестников такой революции, которая должна обратить всю Европу в социалистическую республику федеративных государств,—и обманулся как в силе тех кругов, которые вступили в общее с ним дело, так и в понимании самого народа. Мало того,* не довольствуясь ролью публициста...» (и дальше, как в печатном тексте «Русской старины»).

Этот последний пример, содержащий такую сильную и прямую характеристику политических воззрений Герцена, дает ясное понятие о том, насколько печатный текст воспоминаний Пассек оказался обедненным по сравнению с рукописным текстом их.

ПЕРЕПИСКА С ОГАРЕВЫМ И ЕГО РАБОТА НАД «ЗАПИСКАМИ РУССКОГО ПОМЕЩИКА»

Первое обращение к Огареву с просьбой помочь Пассек в работе над записками было передано ему через посредство М. К. Рейхель, которой Пассек писала 28 апреля 1872 г. из Петербурга: «Передай детям ⟨т. е. детям Герцена — *А. Д.*⟩, что целую их и Н. П. обнимаю, — и прошу его, как друга Ал⟨ександра⟩, если есть чем, — поделиться. Хорошо бы часть их переписки поместить — переписавши, прислать можно бы, это бы могло войти в мои записки. Я о их дружбе знаю не очень много, но и о том говорю. Есть у меня несколько в письмах ко мне об нем, т. е. о Николае; помню я и его ребенком и юношей, но мало соприкосновений лично с ним у нас было — он может добавить. Не я его прошу — история просит» (лл. 9 об.—10).

19 сентября того же года, воспользовавшись отъездом за границу Ипполита Пашкова, Пассек передала через него письмо к Огареву, в котором писала: «Я пишу мои воспоминания, под названием „Из дальней жизни". Не *пополните ли вы их*? Печататься будет в Петербурге — в одном из журналов. Мне ближе всех известно время детства и первой юности Александра, а далее — вам. Не дадите ли что-нибудь, ваши с ним отношения характеризующее, поместить *в жизни дальней*?» (*л.* 1—1 *об.*).

Выехав в ноябре за границу и остановившись в Дрездене, Пассек узнала там от навестившего ее Ипполита о его теплой встрече с Огаревым, который не забыл «старого друга Таню». В условиях заграничной жизни препятствий для прямого обмена письмами с политическим эмигрантом не было, и Пассек послала Огареву большое письмо, помеченное 22 декабря ⟨1872 г.⟩/3 января ⟨1873 г.⟩:

«Давно сбираюсь писать вам, Николай Платонович, да все день за день — так и протянула до сих пор, хотя нахожусь за границей уже другой месяц. Об вас имела известие от Ипполита,— он был у меня в Дрездене и говорил, что вы не забыли меня. А я вас очень помню. Немного осталось нас.

Ипполит говорил вам, что я пишу мои записки. Я их давно пишу, в минуты, когда уходишь душой в прошедшее. Конечно, во все периоды жизни моей, с первого ребячества моего, Александр входил сильным элементом в мою жизнь, и что я могу о нем сказать, того никто не может и не знает. Я не хотела печатать эти записки и долго не давала, да думала и не пропустят, едва можно было упоминать о нем и о вас; а тут целая часть жизни; конечно, все это среди моей жизни, но на главном плане *он*.

В „Русской старине" все легко проходит,— там настоятельно просили, и я решилась, кой-что исключивши, но все истинно. Много ссылаюсь на „Былое и думы", делаю оттуда выписки в подтвержденье, и характеристики все из „Былого и дум",— как их Саша составил, так у меня и прошли, неприкосновенно. Три первые главы детства прошли благополучно — к общему удивленью. Просят продолженье,— пишут мне из России, что читают с увлеченьем. Я писала в редакцию, чтобы выслали вам особые оттиски вышедших глав и билет на полученье вам журнала „Русская старина" на 1873 год. Это вам от меня подарок на новый год. На днях, верно, вы получите. Теперь я приготовляю к печати главы, в которых об вас много говорится,— пришлите, если найдете возможным, несколько ваших писем — юношеских, его к вам и ваших, — я их вмещу в мои записки,— все пройдет; чем дальше, тем смелее, тем больше о нем речь. Эпиграфы всех глав — *ваши*, „Юмор" и пр. — и обстановлены воспоминания о нем все его *друзьями* — вы так широко входили в его дальнейшую жизнь, что одни вы можете пополнить воспоминания о нем; пришлите же мне в Дрезден, что *найдете надобным сказать о нем, запишите, я так и внесу*, пришлите несколько писем эпохи вашей юности — о ней теперь речь. Вы перепишите

письма — да вышлите, скорей, чтобы в февральскую книжку попало. Все, что вы имеете сказать о нем и о себе, все запишите, все в моих записках пройдет. Это всех удивляет— как открылась дверь в Россию вашему и его имени. Надобно этим воспользоваться, „tout comprendre — c'est tout pardonner"* — пускай поймут его и вас. Вот чего хочется, и может успею, а вы помогите дать понять, оценить его и вас. — Если есть какие статьи у вас сашины, в юности писанные,— вышлите ко мне, у меня есть некоторые. Всё, что не напечатано осталось из отдаленного времени детства, и юности, не должно пропасть, помогите же мне все восстановить ⟨...⟩

Говорил мне Ипполит, что вы пишете стихами свои воспоминанья — не дадите ли мне из них эпиграфы, по вашему выбору, а как бы хорошо, если бы вы поместили ваши воспоминанья, теперь, в моих — так, стихами. Я бы ваши стихи, еще нигде и не печатанные, и провела между записок. О вашем детстве, о дружбе с Сашей и проч., что вы найдете надобным, так будем и дальше стихи ваши помещать. Пришлите-ка мне вашу поэму, отметивши, что печатать хотите. Дело-то воспоминаний и будет у нас с вами делом общим.— Пишите скорее ответ. Сделайте мне очерк Зонненберга — как является на свет— и все, кого мы с вами видали в нашей юности,— все они опять оживают. Удивительно увлекаешься, писавши свое *былое*,— и так же вновь теснится грудь. И так же хочется вздохнуть...» (лл. 5—8).

Огарев ответил на это дружеским письмом, которое Пассек опубликовала без даты и с ошибочным отнесением его к весне 1873 г. В действительности оно относится к январю этого года. Огарев извещал ее, что начал писать свои мемуары, и выражал согласие на их напечатание в «Русской старине»: «Письмо твое только что получил, прошедшее воскресло, и я взялся за перо. Пишу сегодня вечером, но на почту отнесу только завтра. „Русской старины" не получал, мемуары свои спишу для тебя, делай из них, что хочешь. Я был бы очень рад, если бы это прошло в „Русской старине". А если нельзя, то эти мемуары все же посылаю тебе и делай из них, что хочешь. Печатай с моей подписью или без всякой подписи — как угодно. Если б оно прошло в России, оно было бы небесполезно, для меня „that is the question"**. А не пройдет в печати, так сохрани для печати и для друзей» («Полярная звезда», 1881, № 3, стр. 66—67).

Откликаясь на это «хотя коротенькое, но теплое» письмо, Пассек, в своем ответе, датированном 1/13 января 1873 г., извещала, что первые главы ее записок «прошли благополучно» и затем продолжала: «Скоро глава пойдет о вас, о вашей дружбе, мне бы хотелось иметь письма четырепять Саши к вам, в первое время вашей дружбы, и отрывок из вашей биографии, что пишете, об этом же — и вашей юности, — интереснее тем, что вами же очерченной...» (лл. 3 об. — 4).

Вскоре первый отрывок воспоминаний Огарева был ею получен. В письме от 8/20 января она извещает «друга Ника» об этом и о плане включения отрывка в ее записи: «Ваши воспоминания помещу в главах, когда о вас речь идет, XI—XII главы, скажу, что оставлены были мне вами давно. Хорошо так будет?» (л. 14 об.). К этому же письму она приложила несколько отрывков из своих записок (из глав IX, VIII), чтобы дать Огареву «понятие о их духе» и, надо думать, со скрытой целью заставить его энергичнее работать над своими воспоминаниями.

Огарев ответил ей на это письмом от 26 января: «Старый друг Таня, давно собираюсь вам отвечать на вашу превосходную присылку, да все как-то сил не хватает, сильно простужен ⟨...⟩ Жду с нетерпением ваших

---

* «все понять — значит все простить» (франц.).
** «вот в чем вопрос» (англ.).

записок в печати» (письмо не издано; цит. по подлиннику, находящемуся в собрании Ю. Г. Оксмана).

В сохранившемся отрывке другого, тоже январского письма Пассек вновь подтверждала получение записок и просила их продолжения: «*Ваше начало* воспоминаний до сближения с Сашей получила; *с чувством истинной дружбы принимаю их посвящение мне*, так и скажу. Пишите же дальше и высылайте. Вышлите несколько отрывков из ваших воспоминаний *в стихах*. Мы великолепно оживим главу (глава жива) вашей перепиской, вашими воспоминаньями и отрывками стихов ваших; так в России появится тотчас» (л. 62 об.).

В письме от 16/28 января Пассек упрекала Огарева за его медлительность: «Я нахожу, друг мой Ник, что ты безобразнейший из смертных — писем не отыщешь, записок своих не продолжаешь ⟨...⟩ Столько новой жизни и новых интересов возникло, что Саша отнесен к прошедшему, — его забывают — напомним и покажем, как он вошел в настоящее — нельзя забывать заслуг, — покажем, как ты везде с ним рука об руку идешь. Помоги мне в этом, в память твоего друга, с которым слился целями и ради их исполнения оставил за собой родину, огромные средства — да мало ли еще чем ты жертвовал из любви к нему, из любви к великим общим убеждениям — планам» (л. 21 об.).

Настоятельно требуя продолжения записок от Огарева, сама Пассек не теряла времени: присланное начало было ею включено в состав 10-й главы, назначенной для мартовской книги «Русской старины». Недатированное письмо к Огареву (его можно отнести к концу января по ст. ст.) показывает, что Пассек была озабочена точностью своего рассказа и потому послала отрывок из этой главы Огареву на просмотр и исправление: «Посылаю тебе, друг мой Ник, отрывок из моих записок, где впервые идет речь о тебе и где я вместила присланный тобой небольшой отрывок из твоих записок; таким образом, между моими они могут пробраться в Россию *все*. Так как дело касается тебя, а ты сам налицо, то и препровождаю к тебе всё, как будет в печати, чтобы ты просмотрел, проверил, что хочешь переменить — перемени, добавь, прибавь, но помни, что подвергнется цензуре, стало быть, чего не пропустится — того нечего напрасно и писать. Этот отрывок из 10-й главы моих записок, — начало ее уже в редакции, будет печататься на днях, для мартовского номера, а как я посылаю тебе продолженье этой главы, и надобно скорее отправлять окончанье в Петербург, то и прошу тебя, друг, немедля просмотреть, исправить, заметить, — словом, сделать, что желаешь, и прислать скорее мне, а я тотчас отправлю в редакцию. Во 2-й главе идет о тебе гораздо больше — развитие вашей дружбы, *переписка*. Вот бы тут *влепить ваших письма два-три*, как бы хорошо и кстати. Ты, Ник, понатужься, да отыщи...» (л. 75—75 об.) *.

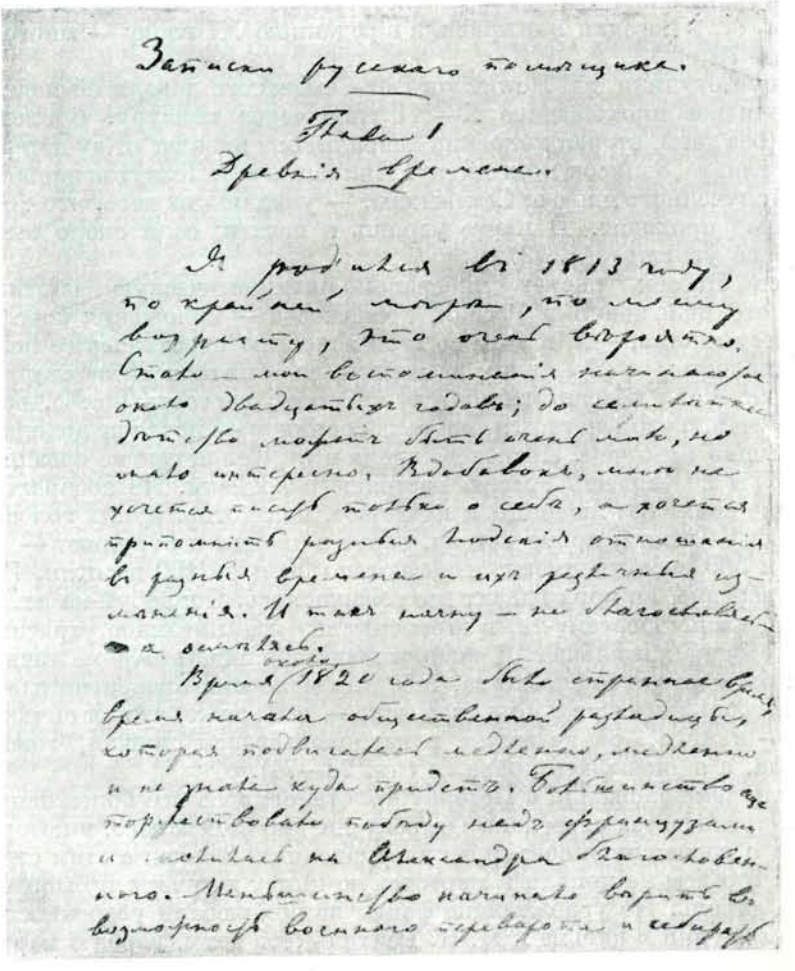
Побуждаемый письмами Пассек, Огарев закончил первую главу своих записок и выслал ее с письмом от 2 февраля. В этом же письме он сообщал, что не может найти своих «стихотворных записок» и писем Герцена: «Они все хранятся у детей и Натали». В конце он набросал коротко свои воспоминания о «немце» (К. И. Зонненберге), которые потом составили содержание второй главы «Записок русского помещика».

«Твоими записками мало-помалу я увлекался в другую сторону. Моего доброго дядьку услали в деревню (за пьянство). Ко мне приставили рябого немца в рыжем парике. Я к нему с первой минуты почувствовал ненависть, как он ни был мне действительно полезен. Он был слишком глуп, чтобы похерить во мне изуверство, но довольно опытен, чтобы развить во мне физическую силу, в которой мой организм нуждался, и я из болезненного

---

* Отзыв о присланном отрывке из воспоминаний Пассек Огарев сообщил ей в письме от 8 февраля 1873 г. (см. текст письма ниже, на стр. 842).

мальчика вышел довольно здоровым юношей. Но всё же наши отношения были такого рода, что я раз схватил его на руки и хотел грохнуть о пол.— „Что это значит?" — спросил он меня.— „Это значит, что я вас ненавижу",— отвечал я. Это не помешало ему остаться со мною до моего шестнадцатилетнего возраста, а мне тогда было лет двенадцать.



«ЗАПИСКИ РУССКОГО ПОМЕЩИКА»
Черновой автограф в записной тетради Огарева
Лист 1
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

В одном этот немец сделался для меня совершенно полезен. Он свел меня с моим родственником Г⟨ерцено⟩м, который был моего возраста, но несравненно развитее меня, и мы с того же времени стали неизменными друзьями...» («Невский альманах», вып. 2. Пг., 1917, стр. 199).

Из ответного письма Пассек от 5 февраля ст. ст. мы узнаем, что присланный материал не мог ее удовлетворить: по забывчивости Огарев прислал ей отрывок, уже раньше ею полученный (л. 84 об.).

В непосредственно примыкающем к этому письме (без даты) она торопила Огарева с продолжением записок, которые должны были войти в XI главу: «...Жду по обещанию твоему присылки продолженья воспо-

минаний твоих. Только не медли, милый друг, я жду их, чтобы вместить в XI главу — она готова — тут о тебе идет речь ⟨...⟩ Я чрезвычайно рада, что ты одобряешь мои воспоминанья — дальше, лучше, если все пройдет, — видал и Семевский, пишет: „Боюсь бурь цензурных" — увидим» (л. 77 — 77 об.; повторение того же в письме от 1/13 февраля).

Через две недели, 14/26 февраля, Пассек писала ему: «В марте идут твои „Записки помещика". Я все ждала второй главы — пишешь ли ты? Я жду и теперь ⟨...⟩ Сегодня я отправила в редакцию XI главу — много идет о тебе» (л. 79 об.).

Первые отклики из Петербурга от Семевского давали ей надежду на благоприятное прохождение X—XI глав через цензуру. В следующем письме (без даты, вторая половина февраля) она писала: «Жду нетерпеливо вторую главу „Записок помещика". Прилагаю тебе лоскуток письма, только что полученного мною от Семевского, — увидишь из него, что „Записки помещика" проходят. В марте узришь в печати; если скоро вышлешь, и в апреле узришь» (л. 73).

Далее Пассек рисует либерально-оптимистическую картину современного положения в России, в частности — положения пореформенного крестьянства, — и в этом со всей ясностью отразилась ее политическая наивность: «...Ты пиши, не ленись, не ссылайся ни на старость, ни на недуги. Если хочешь что-нибудь в Россию передать о себе, вот тебе, друг, случай, а что печатается теперь за границей — почти не доходит туда, и не слышно ни о чем. Последнее время и о „Колоколе" не слышно было ничего. Ты не узнаешь Россию настоящего времени. Не воображай, что крестьяне сидят без пшеницы и их порют, как котов. У них голос есть и еще какой — зе́мли, кроме надела, берут в аренды и покупают — по 100, по 200 и 500 десятин имеют, засевают по 50 и по 100 десятин. Я долго жила в деревне, на моих глазах все совершалось. Попробуй-ка их сечь?— промахнешься. Поэтому-то, в этом смысле, все писанное утратило всякий интерес как отжившее. Я очень желаю тебя видеть. Кроме лично тебя, Ник, я бы много тебе сообщила, тебе или мало или превратно известное. Когда я говорила Саше о польском деле — в Париже, что он сильно ошибается — и падет, он не верил, с неудовольствием слушал, говорил — я отстала, а я оказалась права...» (лл. 73—74).

Между тем положение в Петербурге становилось все более напряженным. 6 марта Пассек переслала Огареву письмо Семевского, в котором тот сообщал о начавшихся цензурных затруднениях. В связи с этим страницы Огарева и о нем не попали в мартовскую книгу журнала и были перенесены на апрель. Но угрожающие факты не поколебали уверенности Пассек. В те же дни в письме к М. К. Рейхель (без даты, перед 6 марта) она писала о записках Огарева: «Прислал Николай Платонович мне одну главу из начала своей жизни под названием „Записки русского помещика" — появится в апреле; я писала в редакцию: эти записки давно у меня (конечно, там поняли, что это *давно* сейчас из Женевы), и прошло в цензуре — уже пишут мне...» (л. 35).

Ниже (в последней главе) мы увидим, что цензурных документов, относящихся к этому эпизоду, нет; поэтому трудно сказать, опиралась ли Пассек на ошибочные сведения из Петербурга, или сама выдавала желаемое за осуществившееся. Возможно, что задержка произошла в высших цензурных инстанциях. Так или иначе, мартовские главы воспоминаний Пассек оказались, как мы увидим при обзоре цензурной истории, последними— с апреля они подверглись длительному и суровому запрещению. Но это не обескуражило Пассек, которая обнаружила при этих событиях незаурядную выдержку и силу характера. В недатированном письме (вторая половина марта) она писала Огареву об опасности, нависшей над апрельским номером «Русской старины»: «...Оттиск моих воспоминаний я полу-

чила обратно — точно ли ты находишь их хорошими? а я уже сомневаюсь. Кроме того, много изменено — пропущено, где добавлено. Я писала в редакцию, что такого произвола допустить не могу. Не знаю еще, вышел ли этот номер в свет. Из редакции мне сообщили, что предполагают, что этот номер цензура не пропустит, через мои воспоминанья. Ввиду такой приятной перспективы — я теперь отдыхаю. А ты, Ник, все-таки продолжай начатые свои записки — я жду вторую главу. Мы найдем как напечатать. Пожалуйста, друг, пиши...» (лл. 47 об. — 48).

Тогда же, во второй половине марта, Огарев закончил вторую главу «Записок русского помещика». Но отсылка ее задержалась в связи с тем, что Пассек переехала из Дрездена в Вену, и новый ее адрес еще не был известен Огареву. 2 апреля она послала ему первое письмо из Вены, и 6 апреля Огарев отвечал ей: «Наконец-то вчера пришло твое послание из Вены, старый друг Таня, и пришло накануне дня *его* ⟨то есть Герцена.— *А. Д.*⟩ рождения. Также пришло сегодня и от Марьи Каспар⟨овны⟩ письмо из Берна с твоим адресом ⟨...⟩ При этой записке посылаю тебе 2-ю главу, которую не знал до сих пор, куда послать. Если что нужно поправить или изменить, я тебе вполне доверяю и теперь примусь за третью» («Невский альманах», вып. II, П., 1917, стр. 197).

В следующем письме (без даты, апрель 1873 г.) Огарев обещал продолжать работу над своими воспоминаниями: «Записки стану продолжать через три дня; мне кажется, я еще не довольно сообразил всё» (П., т. III, стр. 16—17). Было ли это намерение выполнено в эти дни — неизвестно.

Вскоре после этого (точная датировка письма затруднительна, так как начало его не сохранилось), Пассек, известив Огарева о категорическом запрещении ее записок Лонгиновым (см. об этом ниже, на стр. 597), писала, что продолжает работать над ними, убеждала Огарева не унывать и готовить свои записки. В этом же письме Пассек запрашивала Огарева о случае, бывшем в их доме с некоей Марьей Павловной:

«... Сообщи мне, пожалуйста, Ник, что у вас в доме было относительно Марьи Павловны. Я ее видела в то самое время, как она ваш дом оставила. И хотя я была тогда очень молода, но видела общее огорченье и смущенье; потом брала меня княгиня с собой к ее матери, как Маша была больная,— она лежала и все ее тошнило, а мать плакала и тихо все толковали с княгиней, поминая с ужасом имя *Плаутина*. Мать Маши говорила, что отец твой хотел жениться на Маше и дал ей кольцо, но теперь все разорвано. Помню, что от вас присылали Маше разные угощенья, но, кажется, всё они отправили обратно. Помню, что ты с участием к ней был и только о тебе Маша с чувством вспоминала. Ты, кажется, один и навещал ее. Потом они в деревню уехали — сколько помню я и сколько понять могла тогда из общих в их семье толков — Маша, бедная, родила и убита была этим (кажется, Плаутин виноват).

Они возвратились в Москву. При мне приехал к ним Давыд Никифорович — отталкивающая личность — и подарки Маше привез, говорят, это жених ее. Как мне стало грустно за нее и жаль. Она была, точно ей все равно на свете,— и пела мне в этот вечер своим прелестным голосом „гори, гори, моя лампада", а к жениху подходила, как к стене. Потом вышла за него и умерла от чахотки. Саша писал об этом, не называя имен, но не верно. Может, я тронула этим вопросом, Ник, зажившую рану? Ты ее жалел. Прости и пиши по сердцу к своему старому другу Тане...» (лл. 60 об.— 61 об.).

Воспоминания о судьбе этой девушки, возбужденные письмом Пассек, Огарев изложил позднее в третьей главе «Записок русского помещика», где фамилия ее приведена в сокращении М. П. Н—ва. В «Моей исповеди» Огарев назвал эту девушку — Машеньку Наумову — и рассказал о своем юношеском увлечении ею (см. «Лит. наследство», т. 61, 1953,

стр. 696 — 700). Письмо Пассек содержит некоторые детали, отсутствующие в обоих рассказах Огарева, и может служить для них дополнительным комментарием.

В ближайшее за этим время Пассек из-за семейных тревог (смерть на ее руках в Вене внука Александра) вынуждена была отвлечься от работы над воспоминаниями. Летом 1873 г. она приехала в Швейцарию — сначала в Интерлакен, затем в Вейзенбюль (близ Берна), где она навестила семью Рейхелей, и, наконец, побывала в Женеве у Огарева. Точная дата ее посещения Огарева до сих пор не была известна: в своих воспоминаниях Пассек говорит об этом очень неопределенно. В настоящее время мы имеем возможность уточнить эту дату. В неизданном письме к Бакунину от 26 июля 1873 г. Огарев просит его дружески принять едущего к нему сына Вадима Пассека с женой и делится впечатлениями от встречи с Татьяной Петровной: «Его мать, двоюродная сестра ⟨!⟩ Герцена, у меня в гостях. Действительно, могу сказать, что ее посещение делает меня счастливым. Ей 63 года, а я ее знаю с моего двенадцатилетнего возраста. Пойми же все эти отношения и прими их человечески» (ЦГАЛИ, ф. 49, ед. хр. 4, л. 1. — Сообщено Л. Р. Ланским).

В дни этого свидания Пассек получила от Огарева пачку писем к нему Герцена (см. об этом ниже, стр. 603), но в ее подробном рассказе о встрече с Огаревым нет никакого упоминания о том, что он передал ей продолжение своих записок. Вернее всего, что это продолжение еще не было готово. Во всяком случае, вернувшись в Вену, она возобновила свои атаки на Огарева.

10/22 августа Пассек заканчивала свое письмо к нему словами: «В свободную минуту вспомни свою юность да кой-что запиши и мне пришли» (л. 36 об.). В следующем письме, от 6 сентября/25 августа, ее обращения звучат с прежней настойчивостью, чему, вероятно, способствовали ободряющие известия от Семевского.

Пересылая Огареву письмо Семевского, в котором тот сообщал, что его хлопоты идут успешно и «воспоминания опять явятся в печати», Пассек писала:

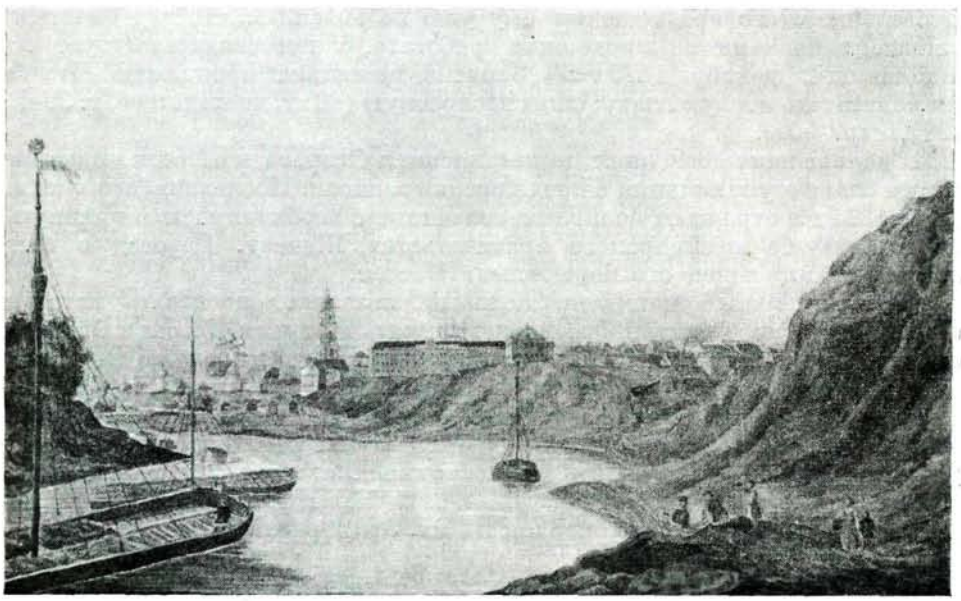
«...Печатать будут находящиеся у Семевского главы, где идет речь о тебе, о твоей дружбе с Сашей, и твои *записки русского помещика* — идут. В таком случае, Ник, стыдно тебе будет, если не будешь писать их продолженье. Примись, друг сердечный, пиши свое „Былое и думы" — мы будем печатать, и сколько по счету выйдет твоего писанья, за то я тебе и деньги буду высылать. Вот, по моему мнению, дело (писать свое „Былое и думы") стоющее, чтобы за него взяться, да взяться путем — с любовью.

Теперь следует твоя юность — дружба с Сашей. Пиши, пиши, милый,— это лучше переводов. Жизнь снова переживешь — всех возьмешь к себе, кого уж нет. Я жду — в прозе ли, в стихах — все равно, можно в пересыпку — как лучше выскажется...» (л. 27—27 об.).

В ответ на это и на последующие напоминания Пассек получила от Огарева обнадеживающее письмо от 28 сентября: «Свои записки сообразил, как продолжить...» («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 602). Повидимому, он действительно что-то написал и отослал Пассек, но и на этот раз сказалась его старческая забывчивость. 1 октября 1873 г. она писала:

«Письма и записки твои получила — спасибо, друг Ник, несмотря на то, что присланные тобой записки твои у меня уже давно имеются — и даже отправлены в редакцию ⟨...⟩ А вот этим ты истинно удружишь, что от Шушки выписываешь разные переписки 30-х годов — это-то и отлично, и чем скорее, тем лучше. Я пишу об этом времени. Поторопи Шушку и перешли скорее мне. Все это будет в моих записках для будущего биографа Саши сохранено. Важно очень. Пиши сам, пожалуйста, о ваших юных годах...» лл. 39—40 об.).

Обращение к Шушке (т. е. к А. А. Герцену) не осталось без ответа. 18 октября Огарев сообщал Татьяне Петровне: «Сегодня, старый друг Таня, получил от Саши посылку. Это мои старые письма к *нему*, а не его ко мне. Но все же они настолько воскрешают юность, что и работа воскреснет...» («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 603). Пассек откликнулась на это известие в письме от 9/21 октября: «Отлично, что ты свои письма к старому Саше получил. Вся прошедшая жизнь ваша воскреснет перед тобой, и записки твои сильно пополнятся. Пиши, мой друг, это теперь твое истинное дело и животворное» (л. 24 об.).



КРУТИЦКИЕ КАЗАРМЫ
Акварель А. Михайлова, 1860-е гг.
Исторический музей, Москва

Следующие письма Пассек были писаны в Праге, куда она переехала из Вены в конце октября ст. ст. Содержание ее обращений к Огареву в это время несколько меняется: не переставая настаивать на продолжении «Записок русского помещика», она вместе с тем побуждает его приняться за писание более подробных воспоминаний, наподобие «Былого и дум». Впервые эта идея прозвучала в письме от 19 ноября/1 декабря 1873 г.:

«Мне кажется, если бы ты взялся от души писать свои воспоминанья со всеми подробностями детства, юности и, наконец, всего, совершавшегося перед тобой в Европе — не остановился бы и настоящее записывать, освещая своими взглядами, мыслью,— это было бы продолжением прежнего, оживило бы тебя — верно, записки твои переплетались бы с стихами. Вот тут ты был бы у себя и оставил бы памятник прекрасный. Не будем же грустить, старина, не сложим рук, пока они двигаются. Пиши, милый, и дай знать своей старой Тане, примешься ли ты за работу, возможную для нас. Я пишу — и чувствую, что пишу все лучше и лучше, чувствую, как ду́хи живые бьются под пером, говоря словами Саши. Все вы тут. Теперь идут — ваш арест, Саши и твоя женитьба. А вот, напиши мне что-нибудь о твоей женитьбе и жизни с М. Л.: я ничего пластичного не

могу сказать. Из сашиных записок нельзя же переписывать, чего не была свидетельницей. У меня одни отрывочки, слухи. Скажи, как жил ты во время ареста. Пишу нашу жизнь с Вадимом в деревне харьковской и надзор над нами Колокольцева. Наш харьковский круг...» (лл. 72—72 об. и 67).

Предлагая Огареву этот широкий план его работы над воспоминаниями, Пассек не могла знать, что еще в 1856—1862 гг. он написал несколько глав из большой автобиографии, названной им «Моя исповедь» (см. «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 659—700). Мы не знаем, как теперь отнесся Огарев к этому предложению — вероятно, он сознавал, что осуществление этого предложения ему уже не по силам. Но над начатыми раньше записками он продолжал работать, о чем свидетельствует его письмо от 23 декабря 1873 г.: «„Записки помещика" продолжаю. Что бы им напечатать первую главу; силы воскреснут» («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 604).

В дальнейших дошедших до нас письмах Огарева к Пассек мы не находим больше упоминаний о продолжении записок. Последние его письма (лето 1874 г.) отражают волнения, связанные с необходимостью покинуть, по требованию швейцарского правительства, Женеву. Переезд в Англию положил конец его переписке с Пассек.

Дополнительный материал, который позволяет досказать историю «Записок русского помещика», можно извлечь из писем Пассек к Огареву, относящихся к 1874 г. 15 января (ст. ст.) она отвечала Огареву на его письмо от 14 января (н. ст.): «Старый друг! Письмо твое получила уже в Петербурге. Как видишь, опять на родине — и скоро буду в Москве. Воспоминания обступают со всех сторон — и сколько их! Сегодня буду на вечере у Семевского, — станут читать мои воспоминания; кажется, в марте явятся они в „Русской старине", та часть, т. е. те главы, где твои записки. Надеюсь, все пройдет. Продолжай писать их. Это переживать жизнь снова...» (л. 52—52 об.).

Однако надежды Пассек не сбылись, и главы, предназначенные для мартовской книги 1874 г. (в них шла речь о дружбе Герцена и Огарева), были запрещены, о чем Пассек известила Огарева в письме от 19 июня из Ясс.

В следующем письме, от 18 июля, она выражает сочувствие Огареву в связи с необходимостью покинуть Швейцарию, советует ему ехать не в Англию, а во Францию, а еще лучше — возвратиться в Россию, о чем она готова похлопотать через Н. А. Орлова. Тут же она сообщает о своей переписке с Генри Сэтерлендом, который в это время жил на Украине, и о том, что она предложила ему «пока они в деревне — писать, что помнит из своей жизни и окружавшей его обстановки, — так как он соприкасался к вам ко всем, —и что его записки будут пополнением моих» (л. 58—58 об.). Эти строки служат еще одним доказательством того, как Пассек готова была использовать малейшую возможность для обогащения своих воспоминаний материалами о Герцене и Огареве.

Последнее из писем Пассек к Огареву дошло до нас без начала. Датировать его нужно, вероятно, августом 1874 г. В сохранившейся части письма она впервые говорит о намерении дать в своих записках «полную биографию» Герцена и Огарева. Заслуживает здесь внимания и выраженное ею намерение печатать записки за границей. Насколько реальным и практически осуществимым был этот проект, нам неизвестно, но самое возникновение подобного замысла имеет значительный интерес для истории воспоминаний Пассек. Приводим сохранившуюся часть письма полностью:

«...подробностями, что только знаю и что могу достать, относительно Саши и тебя — письма, записки, действия ваши, чистота чувств и целей ваших — в России и за границей, все тут, насколько будет и есть до-

ступно мне. Это полная биография вас обоих среди моих записок, в которых обо мне лично, неинтересном по себе лице, очень немного; а он, ты, Вадим, семья Пассек, Сибирь, их, ваш круг товарищей юношеский, круг ваш 40-х годов, заграничная деятельность ваша, самоотверженье ради блага человечества, перечень всех сочинений, выбор твоих стихотворений со взглядом на них, все сочинения Саши вкратце, со взглядом, сочинения Вадима, тюрьма, ссылки—все тут теперь идет пространно, сколько могу, — помогают мне люди с талантом в этом деле.

Обращаемся за сведениями, где только можно хоть каплю добыть,— „да *ничто не исчезнет*". Вот эту штуку, их запрещенье, устроили из-за самых невинных записок. Чем можешь, Ник, пополнить *эту вашу биографию*, ты пополни; что помнишь, сам запиши, что желаешь передать; из твоей жизни мне мало известно, больше с того времени, как ты с Сашей юношей сошелся. Да помню тебя ребенком и двух твоих бабушек еще в корчевской деревне, потом и отца твоего видала в Москве, но подробностей этого периода, ко твоей внутренней жизни, потом женитьбы, твоей жизни за границей — это мало мне известно. Пожалуйста, пополни. Печатать будем за границей, когда достаточно полно будет. Нас поддержат — и в Россию доступ получится. Вот им и утешенье! Поделом! Катковы не могут имени слышать Саши и твоего, так и взбесятся. Они и Лонгинова натравили, — в их удовольствие запретил, да еще как! если строчка где покажется, книгу ту остановить. Вот мерзавец-то! Удружим же им и мы.

Пиши мне ответ скорее, чтобы я еще в Яссах получила твое письмо. Около 20-го едем в Одессу. Ипполит меня провожает. Он дружески тебя обнимает и я также — тебя и милую нашу добрую Мери.

Ваш друг всегда Т. П а с с е к.

От Генри имею письмо еще, и ему писала» (лл. 64—65 об.).

Произведенный нами обзор переписки Огарева с Пассек позволяет точно установить, что Огаревым были написаны и отосланы Пассек две главы «Записок русского помещика». Между тем, в распоряжении Пассек были не две, а четыре главы, которые она впоследствии и опубликовала. Когда были написаны третья и четвертая части, остается неизвестным, но наиболее вероятно, что они были написаны поздней весной или летом 1873 г. и затем переданы Пассек во время их свидания в Женеве. При таком допущении окажется, что в позднейших письмах речь шла о последующих главах «Записок», которые так и не были написаны Огаревым. Не исключено, однако, что третья и четвертая главы были созданы в конце 1873 г. или начале 1874 г.; тогда отсутствие в переписке точного упоминания о них придется объяснять неполной сохранностью переписки. Так или иначе, в руках Пассек оказались четыре главы. Как же она распорядилась ими?

Проект их включения в главы, предназначенные для мартовской и апрельской книг «Русской старины» 1873 г., не осуществился из-за цензурного вмешательства. Та же судьба постигла в феврале 1874 г. главу с воспоминаниями об Огареве и с его записками. Единственный след существования этой главы сохранился в «Русской старине», 1876, № 4. В предисловии от редакции, которым открывалась публикация возобновленных воспоминаний Пассек, было дано изложение содержания I—XIV глав, напечатанных в 1872—1873 гг. В конце этого изложения указано: «Дружба Саши с Ником. Впечатление этой дружбы на автора записок...» (РС, 1876, № 4, стр. 810). Но было бы напрасно искать рассказ об этой дружбе в названных главах. Очевидно, это указание попало в печать по случайному недосмотру.

Цензурный запрет в отношении Огарева оказался настолько непреодолимым, что и после 1876 г. глава о нем на страницах «Русской старины» не появилась. И только в 1878 г., т. е. уже после смерти Огарева, Пассек полу-

чила возможность ввести в отдельное издание первого тома «Из дальних лет» главу «Ник» (гл. XV). Содержание ее в значительной мере было заимствовано из «Былого и дум» (глава «Ник и Воробьевы горы»). Сюда же вошли и некоторые собственные воспоминания Пассек о детстве Огарева, а также рассказ о встрече с ним в 1873 г. в Женеве. В эту часть главы она включила и отрывок из «Записок русского помещика» (П., т. I, стр. 236—239), не приведя, однако, их заглавия и представив их как устный рассказ Огарева («Вот что говорит мне Ник о своем детстве»). По своему содержанию эти отрывки соответствуют первым двум главам «Записок».

В 1881 г. Пассек опубликовала в нескольких книгах журнала «Полярная звезда» дополнительные главы «Из дальних лет», посвященные исключительно Огареву («Полярная звезда», 1881, № 1—5). В их состав она включила и все находившиеся в ее руках четыре главы «Записок русского помещика», сохранив при этом и самое заглавие, принадлежащее Огареву. По неизвестной нам причине эта часть воспоминаний Пассек не была ею включена в третий том «Из дальних лет» и впоследствии никогда не перепечатывалась.

В 1924 г. в журнале «Былое» (№ 27-28; на обложке указан 1925 г.) первая и вторая главы «Записок русского помещика» были опубликованы по рукописи, с выделением мест, выпущенных или измененных у Пассек. При этом местонахождение автографа не было указано, а для сравнения был использован лишь текст, включенный Пассек в гл. XV первого тома «Из дальних лет». Текст «Полярной звезды», имеющий, как будет показано ниже, существенные разночтения, не был учтен анонимным публикатором.

В настоящее время известна только одна рукопись «Записок русского помещика», содержащая первую и вторую части. Это черновой автограф, находящийся в одной из записных тетрадей Огарева (ЛБ, Г.— О. VII, № 5, тетр. 35.2, лл. 2—8 об.). С этого текста Огаревым были переписаны его «Записки» для отсылки Пассек. Эта авторская копия до нас не дошла. Между текстом черновика и текстом «Былого» есть ряд мелких расхождений.

Редакция «Былого» предварила свою публикацию следующим примечанием: «„Записки русского помещика“ Н. Огарева использованы Т. П. Пассек в ее воспоминаниях 〈...〉 Но, опасаясь цензуры, автор воспоминаний выбросил множество подробностей. Поэтому редакция „Былого“ считает возможным напечатать по автографу Огарева полный текст „Записок“, отмечая разрядкой то, что из них было выкинуто» («Былое», 1924, № 27-28, стр. 14). Действительно, анализ обоих текстов показывает, что, кроме обычных для Пассек случайных пропусков отдельных слов или легких изменений стилистического порядка, большинство купюр было цензурного характера и, следовательно, от воли автора не зависело. Исключению были подвергнуты все высказывания Огарева против крепостного права и против правительства. Об одной из таких купюр (пропуск строк о попе, страдавшем горловой чахоткой, у которого Ник бывал на исповеди) упоминал Огарев в неизданном письме к Пассек от 8 февраля 1873 г. (см. его текст ниже, стр. 842).

Некоторая часть этих купюр была восстановлена Пассек в тексте «Полярной звезды» 1881 г. — лишнее доказательство ее заботы о качестве печатавшихся ею текстов. Так, в фразе: «Крестьянство, *после спасения отечества, ограбленное и* забитое чиновниками и помещиками, молчало со страха» — часть, выделенная курсивом, отсутствующая в тексте «Из дальних лет», восстановлена в «Полярной звезде». Но следующие за тем слова: «Император *благодушествовал и начинал побаиваться*» — не были восстановлены (следовательно, Пассек и в 1881 г. не могла не считаться с цензурой). Во всяком случае, «Полярная звезда» дает более полный текст первой и второй глав, а для третьей и четвертой глав она сохраняет значение первоисточника.

ПИСЬМА ГЕРЦЕНА И ОГАРЕВА В ВОСПОМИНАНИЯХ ПАССЕК

Пассек весьма охотно и в большом количестве включала в свои воспоминания письма лиц, о которых ведется рассказ. Разными путями добывала она эти письма: иногда они присылались ей ее корреспондентами в составе их воспоминаний или в виде дополнительного материала к ним (письма от Т. А. Астраковой и Н. А. Тучковой-Огаревой); иногда Пассек получала связки писем от наследников того, к кому они были адресованы (письма Герцена к Витбергу), или от самого адресата (письма Герцена к Огареву).

Среди множества использованных Пассек эпистолярных материалов *есть известная часть семейных писем, не имеющих прямого отношения* к Герцену и Огареву. Это, например, письма ее деда П. А. Яковлева к дочери, Елизавете Петровне Яковлевой (П., т. I, стр. 28—30) или княгини М. А. Хованской, княжны А. Б. Мещерской и других родственных лиц к тетке Татьяны Петровны по поводу смерти ее матери (П., т. I, стр. 135—138). Никак не связана с Герценом и Огаревым сама по себе чрезвычайно ценная публикация нескольких писем Т. Г. Шевченко к А. И. Толстой, введенных Пассек в текст глав ее воспоминаний, посвященных Ф. П. Толстому (П., т. II, стр. 343—352). В дальнейшем изложении названные материалы (а также аналогичные им) рассматриваться не будут.

Опубликование писем Герцена и Огарева составляет большую историческую заслугу Пассек. Ценность напечатанных ею писем возрастает еще и потому, что подлинники многих из них оказались позднее утраченными *и тексты их, включенные в воспоминания Пассек, приобрели* значение первоисточников для дальнейших публикаций в собраниях сочинений Герцена.

Так обстоит дело, например, с большой серией писем Герцена к А. Л. Витбергу за 1837—1845 гг. (П., т. II, стр. 50—51 и 126—159). Эти тридцать пять писем, напечатанные относительно полно (и лишь в отдельных случаях приведенные в отрывках), являются ценнейшим источником не только для изучения дружбы Герцена с Витбергом, но и для понимания внутренней жизни Герцена после его освобождения из вятской ссылки. Биографическое значение их неоспоримо, и Лемке, при всем его скептическом отношении к Пассек, ввел их в редактированное им собрание сочинений и писем Герцена (тт. II, III, IV). Беря за основу в большинстве случаев текст отдельного издания «Из дальних лет», Лемке обращался и к «Русской старине» и в некоторых случаях отдавал предпочтение тексту журнальной публикации, как более исправному. По тексту Пассек Лемке напечатал крайне интересное письмо Герцена к Т. А. Астраковой от 18 апреля 1839 г. (II, 259—260), полученное от самой Астраковой вместе с ее воспоминаниями (П., т. II, стр. 88—89). Достоверность этого эпистолярного документа, так же как и серии писем к Витбергу, никем не ставилась под сомнение.

Сложнее дело обстоит с детскими и юношескими письмами Герцена к «корчевской кузине», отрывки из которых также вошли в состав ее воспоминаний. Лемке ввел их в первый том, но при этом высказал ряд серьезных сомнений. Дело в том, что сама Пассек, в главе, посвященной аресту Герцена в 1834 г., рассказала о той тревоге, которая охватила ее и мужа при вести об аресте Саши: «Рассветало. Спать никто не ложился. В нашей комнате затопили печь, и мы сожгли все письма Саши и Ника к Вадиму и Саши ко мне, писанные с его восьмилетнего возраста и до моего замужества ⟨то есть с 1820 до 1832 г.— *А. Д.*⟩. Писем Сашиных ко мне сгорело более двухсот — содержания самого невинного» (П., т. II, стр. 30—31).

Сам по себе этот рассказ вполне правдоподобен: слишком велик был у многих тогда страх перед установленной после 1825 г. системой поли-

цейского сыска и террора. Еще раньше, в главе VIII первого тома, Пассек сообщила о том, что письма Саши, писанные им в «разное время», были «сожжены в то время, как его арестовали». Но вслед за тем она сделала очень существенное добавление: «Некоторые из них я переписала, отрывками, в переплетенную тетрадь белой бумаги, подаренную мне им же с надписью: „Не для вздорных статей“» (П., т. I, стр. 141). И это сообщение звучит также правдоподобно, особенно если принять во внимание столь характерную для той эпохи страсть к переписыванию в тетради или альбомы не только отрывков из прочитанных книг, рукописных сочинений, но и частных писем.

Но в другом месте первого тома Пассек по-иному объяснила наличие в ее руках отрывков из писем Герцена: «В продолжение года, проведенного мною в Корчеве, мы с Сашей беспрерывно переписывались. Жаль, что из этих писем уцелели только немногие отрывки,— и то случайно. Саша раз, перечитывая свои письма, взял у меня некоторые из них, понравившиеся ему юностью и свежестью, чтобы поместить в своих воспоминаниях, которые иногда отрывками набрасывал. Отдавая ему письма, я опасалась, что они у него затеряются, и сделала из некоторых выписки» (П., т. I, стр. 217).

Приведя эту выдержку, Лемке резонно замечает, что «до 1834 г. Герцен вовсе не приступал к своим воспоминаниям» (I, 22), и напоминает другое, нами выше процитированное заявление Пассек о сожжении всех писем Саши в 1834 г. Из всего этого Лемке делает следующий вывод: «Таким образом, все письма и отрывки 1834 года приходится принимать на веру» (там же).

Бесспорно, Пассек этими разноречивыми сообщениями весьма затруднила решение вопроса. Но разноречивость их оказывается не абсолютной: в сущности, в обоих случаях она пишет об оставшихся выписках из писем и только по-разному объясняет, почему эти выписки были ею сделаны. И у нас нет оснований сомневаться, что она действительно сохранила в отрывках некоторые из писем к ней Герцена.

Известное подтверждение правдивости ее сообщений мы находим в ее письмах к Рейхель и к Огареву. 28 апреля 1872 г. она писала к Рейхель: «Жаль, что его детские письма ко мне сожжены с другими бумагами, когда его арестовали. Он с 10 лет писал мне — и до моего замужества, потом и из ссылки нам с Вадимом вместе несколько раз. Из прежних писем его у меня есть некоторые, — немного их,— будут напечатаны в моих записках, в нашем общем былом, кое-что в памяти моей уцелело — все с любовью воскресает» (л. 9). В письме к Огареву от 19 сентября 1872 г. она писала: «К сожалению, письма его ко мне с 8-летнего его возраста и до моего замужества утрачены, есть некоторые отрывки, да два письма цельные из Новгорода» (лл. 1 об.—2). То же она повторила в письме к нему от 14 февраля 1873 г.: «Есть небольшие отрывки из его писем ко мне — были списаны. Было пропасть, все исчезло, уничтожено. Есть еще два его письма из Новгорода ко мне и к Вадиму» (л. 79 об.).

Трудно допустить, что она так последовательно, не сбиваясь, давала ложные сведения и в дружеских письмах, и в печатном своем труде. Нам представляется, что отрывки из писем Герцена к ней до 1834 г., которые Лемке принимал на веру и печатал поэтому с большим сомнением, должны быть признаны как достоверно принадлежащие перу Герцена. Разумеется, точность их текста проверена быть не может: Пассек могла и делать купюры, и сокращать длинноты, и заменять по своему усмотрению отдельные слова или выражения, как она это делала позднее при печатании писем к ней Огарева (см. ниже, стр. 602—603).

Письма Герцена к Пассекам, написанные после 1834 г., сожжению, повидимому, уже не подвергались. Но обменивались они письмами в эти годы очень редко в связи с идейным отчуждением, которое все больше от-

даляло их друг от друга. В приведенных выше словах Пассек говорится о двух «цельных» письмах из Новгорода. В составе воспоминаний «Из дальних лет» мы этих писем не находим — вероятно, Пассек не сочла, в конце концов, возможным их опубликовать. Но не исключено, что она неточно указала место их отправления. В ее книге мы находим большое письмо из Владимира от 4 ноября 1839 г., адресованное Вадиму и Т. П. Пассекам (II, 336—338; П., т. II, стр. 269—271). Другое большое письмо датировано 23 января 1841 г. и относится ко времени пребывания Герцена

ДОМ И ЦЕРКОВЬ В ПЕРХУШКОВЕ, ИМЕНИИ А. А. ЯКОВЛЕВА («ХИМИКА»)
Фотография, 1912 г.
Исторический музей, Москва

в Петербурге, перед отъездом в новую ссылку, в Новгород (II, 408; П., т. II, стр. 293—294). Кроме того, Пассек привела (П., т. II, стр. 288) приписку Герцена к письму Вадима Пассека к ней от 11 октября 1840 г., из Петербурга (II, 373—374) и два отрывка из позднейших писем (июнь 1843 г. — П., т. II, стр. 306; т. III, стр. 242 и лето 1844 г. — П., т. II, стр. 321; т. III, стр. 413—414).

Последний из этих отрывков Пассек сопроводила замечанием: «Почти этими словами он начал писать в Покровском ряд писем об изучении природы, обращенный к друзьям» (П., т. II, стр. 321). И действительно, этот отрывок почти точно совпадет с началом первого письма «Эмпирия и идеализм» из цикла «Письма об изучении природы» (изд. АН, т. III, стр. 91). Трудно сказать, существовало ли в самом деле подобное письмо Герцена к Пассекам, или Т. П. Пассек просто воспользовалась готовым текстом из «Отечественных записок» 1845 г.

Переписка Герцена с Пассек возобновилась в 1859 г., когда она с семьей выехала за границу и первоначально остановилась в Дрездене. В свои воспоминания она включила адресованную ей первую приписку Герцена в письме к Рейхель и два отрывка из последующих писем, полученных уже ею непосредственно (П., т. II, стр. 352—353; Лемке, X, 132, 183, 200). Третий отрывок («Тебе бог попрыскал очи такой водой...»), якобы тоже

из письма к ней, в действительности взят из письма Герцена к Огареву, приведенного ею позже, в третьем томе, стр. 141—142 (у Лемке — XX, 274—276—от 15 мая 1868 г.). Других писем этого периода в ее записках нет. О причинах этого мы узнаем из сохранившейся в архиве «Русской старины» рукописи главы XXXII (в отдельном издании—XLII) «Из дальних лет». После рассказа Пассек о встрече в Париже с Я. Толстым, которому она показала письма Герцена, в рукописи зачеркнута фраза: «Впоследствии я их сожгла без всякой надобности; сама не знаю, зачем» (ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 1977, л. 15 об.). Этому сообщению можно, повидимому, верить, хотя сожжению подверглись не все письма: два из них (от 12 мая 1860 г. и от 21 января 1861 г.) были позднее переданы ею Н. В. Соловьеву-Несмелову, сотрудничавшему в «Игрушечке». В 1914 г. их опубликовал И. Шляпкин («*Русский библиофил*», 1914, № 6, стр. 22—23; *Лемке*, X, 306 и XI, 19). В обоих этих письмах Герцен высказывает свой взгляд на взаимное увлечение сына Татьяны Петровны, Александра, и М. А. Маркович (Марко Вовчок). Возможно, что именно это и заставило Пассек отказаться от опубликования этих писем. После 1861 г. переписка между Герценом и Пассек прекратилась.

Во время второго выезда за границу (1872—1874) Пассек деятельно переписывалась с Огаревым. В своих воспоминаниях она напечатала ряд писем к ней Огарева. Общее количество опубликованных ею писем этой серии до сих пор не поддавалось точному учету. Б. П. Козьмин в предисловии к публикации девяти писем Огарева к Пассек по автографам Государственного архива феодально-крепостнической эпохи (ныне хранятся в ЦГАЛИ) указал, что она напечатала 22 письма («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 598). Однако эта цифра неверна, так как некоторые из писем печатались ею повторно, чего Б. П. Козьмин не учел. Составители библиографического указателя «Материалы для библиографии опубликованных писем Огарева» Л. С. и Р. С. Мандельштам писали о невозможности точно определить число изданных писем Огарева и ссылались при этом на пример с его письмами к Пассек: «Особенно затруднен подсчет писем, адресованных к Т. П. Пассек. Известно, как небрежно публиковала она документальные материалы. В различных ее публикациях встречаются письма, текст которых совпадает только в начале или в конце. Это обстоятельство ввело в заблуждение последующих публикаторов» («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 910).

Изучение всех дошедших до нас писем Огарева к Пассек (как опубликованных, так и сохранившихся только в автографах), а также сопоставление их с ответными письмами Пассек позволило нам установить их общее количество и определить их хронологическую последовательность. Результаты этого изложены нами в справке, помещенной в приложении к настоящей работе (см. стр. 641—646).

Из общего числа известных нам 30 писем Пассек опубликовала 16. В автографах до нас дошло 14 писем, из которых 9 было опубликовано в «Лит. наследстве», т. 39-40, 1941; 4 письма публикуются нами впервые (см. стр. 641); одно остается неизданным. Кроме того, в «Невском альманахе», вып. II, Пг., 1917, было опубликовано по автографам еще 4 письма (местонахождение этих автографов в настоящее время неизвестно). Из числа писем, опубликованных в названных изданиях, четыре были ранее напечатаны в воспоминаниях Пассек. Это дает нам возможность сделать более точные выводы о приемах ее обращения с письмами и о степени достоверности опубликованных ею текстов.

Обращение Пассек с текстами писем Огарева следует признать весьма свободным. Не считая случаев пропуска отдельных слов (в чем можно было бы видеть результат простой небрежности), она смело сокращала текст, опускала дату письма или заменяла ее ошибочными указаниями

на время его написания. Кроме того, она охотно прибегала к приему своеобразного монтажа, соединяя отдельные части разных писем или прибавляя к одному письму несколько строк от другого письма. При повторной публикации одного и того же письма она не всегда придерживалась опубликованного прежде текста и помещала или более полный, или более сокращенный его вариант. Но для объективной оценки работы Пассек необходимо принять во внимание, что, во-первых, производя сокращения в публикуемых письмах и допуская переделки, Пассек не преследовала при этом целей тенденциозного искажения текста и не извращала его смысла; во-вторых, мы не обнаружили ни одного случая, когда бы Пассек под именем Огарева напечатала свой собственный текст.

Особенно много писем было помещено Пассек в третьем томе «Из дальних лет». Среди них выделяются два крупных цикла: 1) письма сороковых-пятидесятых годов, присланные Пассек Н. А. Тучковой-Огаревой, среди них письма Огарева к Н. А. Тучковой, Н. А. Герцен к ней же, А. И. Герцена к дочерям А. А. Тучкова, его же к Огареву (П., т. III, стр. 87—120) и 2) письма Герцена к Огареву за период с 1866 по 1870 г. (там же, стр. 135—211). На последних мы в дальнейшем и остановимся, поскольку история их получения от Огарева и позднейшей публикации заключает в себе ряд эпизодов, представляющих большой интерес для нашей темы.

Начиная публикацию писем Герцена к Огареву, Пассек предпослала им короткую справку, в которой весьма глухо и неопределенно писала: «Имея несколько писем, писанных Александром Ивановичем в продолжение двух последних лет его жизни, я решилась поместить некоторые из них сперва в уважаемом мною журнале „Русская старина“, а потом среди моих воспоминаний „Из дальних лет“» (П., т. III, стр. 135). В действительности в публикацию ею были включены письма нескольких последних лет (1866—1870); в «Русской старине» было сказано правильно: «Имея несколько писем, писанных Александром к Огареву в продолжение четырех последних лет его жизни...» (РС, 1886, № 11, стр. 318). Более точные данные об обстоятельствах получения этих писем сообщены были ею в ранних главах «Из дальних лет». В главе XV «Ник» она впервые коротко рассказала о своей встрече с Огаревым в Женеве в 1873 г. Здесь мы читаем: «Я провела у Ника весь день. Зная, что я пишу мои воспоминания, для пополнения их Ник дал мне несколько писем Саши, писанных им к нему в продолжение двух последних лет его жизни, которые они провели розно: Ник — в Женеве, Саша с семейством — переезжая из места в место» (П., т. I, стр. 235; ср. вариант этого же сообщения—П., т. III, стр. 26—27). Наконец, более подробный и живой рассказ о передаче ей писем она дала в третьей главе «1873» третьего тома:

«Когда я вошла к Нику проститься, он был уж на ногах. Поздоровавшись со мною, он подошел к небольшому бюро красного дерева, стоявшему в углу гостиной, подозвал меня, вынул из бюро пачку писем, писанных к нему Герценом за упомянутые два года, и передал их мне, сказавши: „Так как ты пишешь свои воспоминания и более о людях и времени, в которое они жили, то вот тебе письма Александра, ко мне писанные во время его переездов за два последние года его жизни. Выбери из них те, которые найдешь большее подходящими для объяснения чего-нибудь, когда найдешь в этом надобность, и печатай в своих воспоминаньях „Из дальних лет“; предоставляю их тебе в твое полное распоряжение, как мою собственность“.

Я все письма перечитала, выбрала из них те, которые более объясняли тот период времени и его жизнь, в которой были писаны, а остальные возвратила Нику. У меня осталось 75 писем. Бóльшую часть из них я решилась поместить в моих записках, как исторический факт, не только что с разрешения самого Ника, но отчасти по его желанию и потому, что нашла

это частию полезным для прекращения ошибочных взглядов и обвинений на дорогие мне личности» (II., т. III, стр. 43).

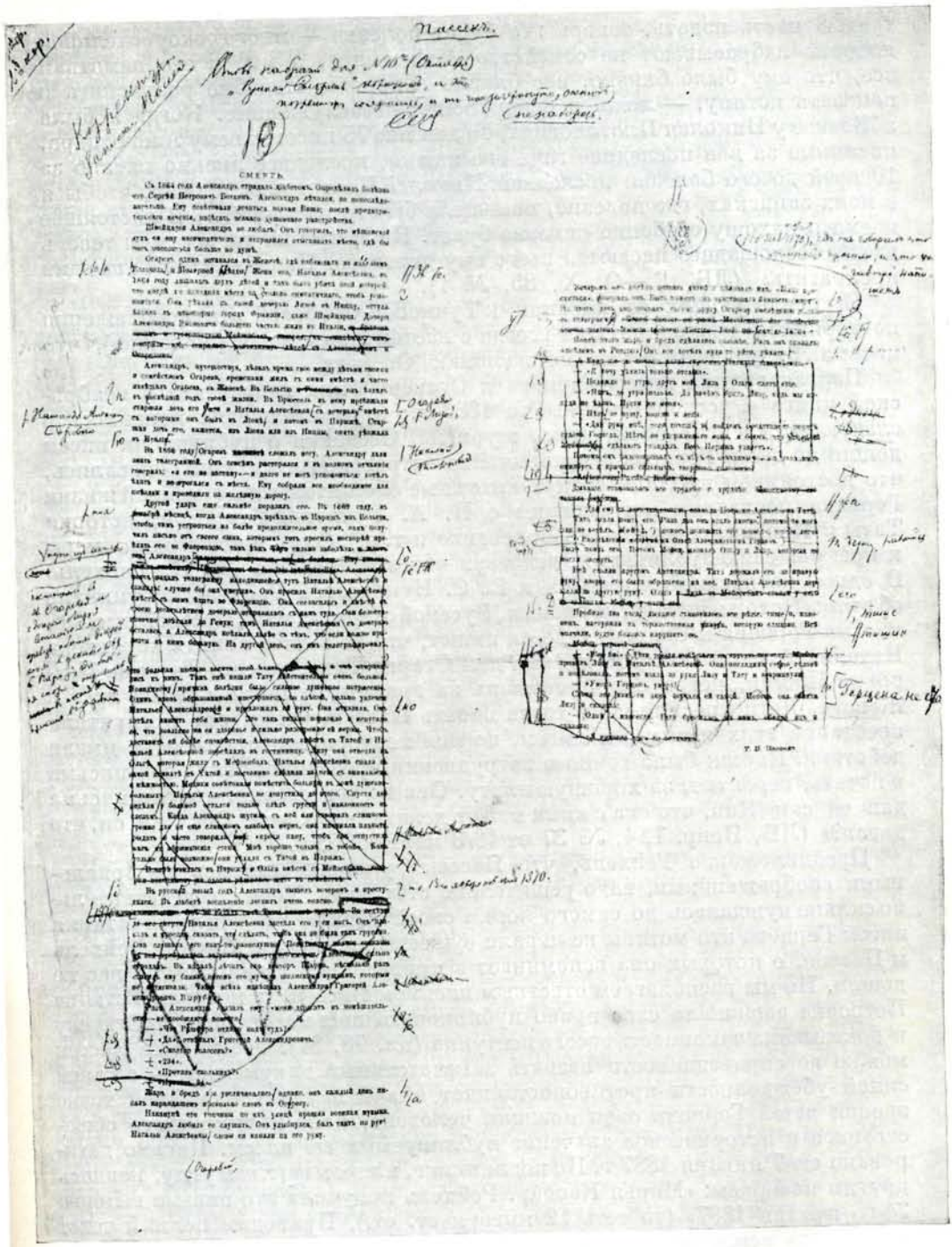
Этот рассказ Пассек требует критической проверки. Несомненным в нем следует считать только факт передачи ей Огаревым пачки писем в дни их июльской встречи 1873 г., а также общее количество полученных ею писем — 75 или около этого.

Можно не сомневаться в том, что она пересмотрела данные ею письма и выбрала из них часть (вряд ли только она имела время для внимательного прочтения и отбора — вернее всего, что дело свелось к беглому просмотру и отбору в значительной мере случайному). Но в приведенном рассказе подчеркнуто, что Огарев передал ей письма по своей инициативе и при этом предоставил ей право их печатать в составе ее воспоминаний. Это вызывает сомнение. Письма Пассек к Огареву (до лета 1873 г.) содержат многократно повторенные настойчивые просьбы прислать ей его раннюю переписку с Герценом (за тридцатые годы). Надо думать, что Пассек ехала в Женеву с твердым намерением преодолеть инертность Огарева и добыть у него письма, в то время очень для нее важные, поскольку она работала над ранними главами своих записок. Когда по приезде в Женеву она узнала о неизвестных ей раньше поздних письмах Герцена к своему другу, она, конечно, приложила все старания, чтобы получить хотя бы часть их. Она была в этом крайне заинтересована, и инициатива здесь принадлежала бесспорно ей.

Вряд ли Огарев, передавая ей письма, так прямо предназначал их для включения в состав «Из дальних лет»; вероятно, он имел в виду помочь ей ориентироваться в фактах биографии Герцена последнего периода и использовать эти письма как подсобный биографический материал. А для Пассек было очень важно опереться при позднейшем печатании этих писем на прямо выраженную волю Огарева, поскольку ей приходилось, как мы увидим ниже, оборонять свое право опубликования этих писем от детей Герцена. Косвенное подтверждение этого мы находим в письмах Пассек к Огареву, в которых она запрашивала его согласия на опубликование в «Русской старине», по желанию Семевского, некоторых из этих писем. 6 сентября/25 августа 1873 г. она писала: «Просит он ⟨Семевский⟩ еще письма два напечатать из данных тобой мне писем Саши — это можно только, где нет слова о семейных делах — а только говорящее за ваше чистое, благородное направление и любовь к родной стране. Что ты на это скажешь — немедленно на все отвечай аккуратно» (л. 28). Напоминая в одном из позднейших писем о том же предложении Семевского, она вновь просила: «Сообщи, согласен ли» (л. 32). Если бы Огарев передавал ей письма с прямым пожеланием напечатать их при первой возможности, у нее не было бы надобности через два-три месяца спрашивать у него согласия на публикацию этих писем.

Ни одно из писем Герцена к Огареву в 1873 г. напечатано в «Русской старине» не было. Не появились они и в 1876 г. и в последующие годы, когда печатались главы, вошедшие затем в состав первых двух томов «Из дальних лет». Надо думать, что публикации этих писем препятствовали цензурные условия. Только в середине восьмидесятых годов, когда Пассек работала над главами третьего тома своих записок, явилась реальная возможность напечатать хранившиеся у нее письма. Вместе с другими материалами третьего тома письма Герцена, по мысли Пассек, должны были служить целям опровержения «оскорбительной клеветы» против Герцена и его семейства, распространявшейся в русском обществе и нашедшей отражение в литературе (например, в романе Н. А. Таль* «Жизнь за жизнь»). 2 июля 1885 г. Пассек писала Н. А. Тучковой-Огаревой: «Думаю

* Н. И. Утиной.



КОРРЕКТУРНЫЕ ГРАНКИ НАБОРА «ВОСПОМИНАНИЙ» ПАССЕК ДЛЯ «РУССКОЙ СТАРИНЫ», 1887 г.

Экземпляр с вычерками А. А. Герцена из главы о смерти Герцена, написанной Н. А. Тучковой-Огаревой

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

третью часть издать, теперь это будет полезно — много оскорбительной клеветы набрасывают на семейство Александра, а мне и его память и все, что ему было близко, все близко и дорого. Надобно разъяснить и показать истину, — ложь и оскорбления незаслуженные. Когда я была в Женеве у Николая Платоновича, он дал мне 75 писем к нему Александра, писанные за два последние года его жизни, последнее письмо писано за 10 дней до его болезни последней. Николай Платонович просил, чтобы я в моих записках, где полезно, помещала бы эти письма <...> В настоящее время я нахожу особенно полезно будет. Несмотря на давность, и теперь да еще беспощаднее касаются всего ему дорогого. Надобно такие выходки прекратить» (ЛБ, Г.—О. X, 85, № 1).

В последующих ее письмах к Тучковой-Огаревой эти соображения повторяются неоднократно и всегда с настойчивым подчеркиванием, что письма будут печататься по желанию Огарева.

Первая группа писем Герцена к Огареву была напечатана в ноябрьской книге «Русской старины» за 1886 г.; продолжение их появилось в следующей, декабрьской, книге журнала. Сведения о публикации писем дошли до детей Герцена и чрезвычайно встревожили их. Они опасались, что достоянием публики станут интимные обстоятельства семейной жизни Герцена последних лет (нелады с Н. А. Тучковой-Огаревой, история Таты и Пенизи, ее нервное заболевание и т. п.). Они предприняли меры к прекращению публикации, действуя через посредство М. К. Рейхель. В одном из позднейших писем к Е. С. Некрасовой Рейхель вспоминала об этом: «Потом я читала, не знаю, в „Русской старине" или „Русской мысли", письма Герцена к Огареву, где он пишет, что не может понять характера Натальи Алексеевны. Эти письма дал Огарев Тане, то есть Татьяне Петровне Пассек, когда она приезжала за границу и когда Огарев жил в Женеве. Дети просили меня тогда писать Пассек, чтобы она прекратила печатание этих интимных писем, но мои повторяемые просьбы не имели действия. Пассек была вечно в затруднении средств и давала эти письма в печать, вероятно, за хорошую плату. Она на том стояла, что эти письма дал ей сам Ник, что она с ними может делать, что хочет. Знал ли он, что давал?» (ЛБ, Некр. I, 4, № 37 от 16/3 марта 1903 г.).

Предположение Рейхель, что Пассек руководствовалась материальными соображениями, надо решительно отбросить. Хотя она действительно сильно нуждалась до самого конца своей жизни, но в деле печатания писем Герцена эти мотивы не играли существенной роли. Письма Рейхель к Пассек, о которых она вспоминает в приведенной выдержке, до нас не дошли. Но мы располагаем ответным письмом Пассек, в котором Татьяна Петровна защищала свое право публиковать письма Герцена к Огареву и доказывала законность своего поступка (лл. 78, 81). Это письмо Пассек можно по справедливости назвать замечательным документом — с такой силой убежденности противопоставляет она в нем узко-семейной точке зрения детей Герцена свои позиции человека, ясно понимающего общественное и историческое значение публикуемых ею писем. Письмо датировано ею 7 января 1887 г. На подлиннике, в левом верхнем углу, надпись другим почерком: «Марья Каспар. Рейхель получила это письмо в Берне 24-го января 1887» (то есть 12 января ст. ст.). Приводим полный текст письма (за исключением приписки, в которой Пассек изложила содержание одной из журнальных рецензий на ее воспоминания):

«Милая Маша,

Я получила твое письмо, в котором ты сообщаешь, что дети Александра Ивановича протестуют против обнародования его писем к Н. П. Огареву и выражают желание, чтобы дальнейшее печатание этих писем было приостановлено.

Мне сердечно жаль, что дети А. И. Герцена могли выразить подобное желание, я полагаю, что если бы покойный отец их мог выразить свое мнение, ⟨он⟩, конечно, был бы против такого протеста.

Александр Иванович — прежде всего русский общественный деятель, и русское общество интересовалось его деятельностью не как семьянина, а как писателя и публициста. Время его деятельности входило в известную эпоху русской жизни, и знакомить с историческим ходом упадка его значения имеет интерес и в настоящее время, — и, по моему глубокому убеждению, наступил тот момент, когда следует, по возможности, осветить последние годы его жизни. Этой цели служит обнародование этих писем.

Я имела полное право выбора момента, когда их следует напечатать, потому что того, кому они были адресованы, кто мне их передал и кто, если б был жив, один мог судить о своевременном или несвоевременном их напечатании ⟨уже не было⟩. Но теперь я считаю своим долгом выполнить то, что он желал и для чего даны были мне эти письма.

Дети желают знать, почему напечатаны. Не считаю себя в праве отказать им в удовлетворении их желания. Вот почему: передавая мне эти письма, Ник сказал: „Ты печатаешь свои записки „Из дальних лет“,— вот тебе некоторые письма, письма Александра ко мне за два ⟨в действительности, за четыре — см. выше, стр. 603. —*А. Д.*⟩ последние года его жизни, время упадка „Колокола“; они имеют значение, и я желал бы, чтобы ты поместила, когда найдешь это возможным и удобным“. Скажу даже более. Это может удивить их — сотням тысяч учащейся молодежи даже незнакомо и имя Герцена. Об этом можно жалеть, но те, кто понимает, ценит покойного, должны, по возможности, стараться возбудить интерес к лицу, которое со временем, конечно, займет вполне заслуженное место среди выдвинувшихся русских людей.

Что же касается до твоего личного впечатления, оно меня нисколько не удивляет, ты слишком далеко от России и почти совершенно чужда ей и с русской точки зрения не можешь смотреть на Александра Ивановича и судить о нем. Ты судишь как близкий ему человек, забывая, что его нельзя приравнивать к частным лицам.

Письма же общественных деятелей, раз как они имеют историческое значение, нередко печатаются, почти вслед за их кончиной.

Надеюсь, этого объяснения достаточно.

Я не вижу права вмешиваться кому бы то ни было, следует ли печатать эти письма. Как на частного человека, равно как и на детей его, письма эти не бросают никакой тени. Неужели они забывают, что обязанность литературы выше личности? Общественный же интерес и память об их отце как выдающемся русском деятеле заставляет напоминать о нем и выставлять в истинном свете именно теперь, когда в России начинают забывать его. Им, живущим вдали родины, быть может неизвестно, что есть много интеллигентных лиц в России, которые знакомы с Александром Ивановичем только понаслышке. Даже письма Жуковского, Тургенева, Пушкина, Костомарова и многих других, даже письма покойного императора А⟨лександра⟩ Н⟨иколаевича⟩ самого интимного характера печатались теми, в руках которых они находились или находятся. Все, что я могу сделать, это предъявить ⟨!⟩ дальнейшее печатание записок, что дети Александра Ивановича не желают, чтобы письма эти ⟨были⟩ обнародованы, и при этом объяснить причины, по каким я не считаю себя вправе сделать то, что они желают.

В кратких словах я тебе изложила в этом письме все, что касается этого дела.

Дружески жму тебе руку

Т. П а с с е к».

24 января М. К. Рейхель переслала письмо Пассек А. А. Герцену, сопроводив его следующими словами: «Препровождаю сейчас полученное мною письмо от Татьяны Петровны и предоставляю тебе судить о ее выводах...» (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 322, л. 1).

Копию этого письма Пассек тогда же послала М. И. Семевскому, находившемуся за границей, в Висбадене. 4/16 февраля он отвечал ей: «Письмо ваше от 20 января с приложением копии письма к М. Рейхель я получил 25 января ⟨...⟩ Очень хорошо вы сделали, что написали ваше разумное письмо к г-же Рейхель. Обождите терпеливо моего возвращения в первой половине мая месяца в СПб; тогда мы перетолкуем о продолжении ваших записок и напечатании к ним приложений» (ИРЛИ, ф. 430, № 26, л. 5).

Следовательно, печатание материалов Пассек после декабря 1886 г. было приостановлено Семевским. Он вынужден был пойти на это, потому что А. А. Герцен, действовавший от имени всех детей Герцена, не ограничился обращением к Пассек через посредство Рейхель: в декабре 1886 г. он направил в адрес «Русской старины» на имя Семевского телеграмму с просьбой остановить дальнейшее печатание публикаций Пассек. Не посчитаться с телеграммой Семевский не мог. Но при этом он предпринял меры, чтобы запрет с писем был снят. 12/24 февраля 1887 г. он обратился к А. А. Герцену с письмом (оно сохранилось в «пражской коллекции»— ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 322), в котором писал:

«Во исполнение вашего желания я немедленно приказал моему помощнику остановить помянутое печатанье записок Татьяны Петровны, несмотря на то, что окончание ее записок уже было набрано и *в корректуре* оттиснуто.

Сегодня я получил через СПб из конторы моего журнала письмо ваше от 26 января/7 февраля 1887 г.

Мне очень было приятно прочесть в нем, что вы никогда ничего не будете иметь против издания документов относительно отца вашего.

Впрочем, не могло и быть иначе со стороны человека науки, каковы вы, и притом сына публициста, всегда ратовавшего за самую широкую гласность и пользовавшегося ею в самых значительных размерах.

Ввиду этого и чтоб удовлетворить, хотя частью, желание Татьяны Петровны Пассек — женщины высоко достойной и глубоко сердечно расположенной ко всей вашей фамилии, не позволите ли вы прислать вам *корректуру* последней серии сообщенных ею документов? Вы просмотрите корректуры, сделайте надлежащие по вашему личному желанию необходимые исключения и затем корректуры пришлите ко мне.

Затем я приму на себя — перед Татьяной Петровной, *будто бы* я сделал все помянутые исключения, на что как редактор журнала я, конечно, имею право.

Итак, жду от вас ответа; согласно с ним пришлю вам корректуру, но прошу ее не пересылать в Париж, а поступать исключительно по вашему усмотрению и корректуру во всяком случае мне возвратить сюда...».

Свое обещание Семевский выполнил и послал А. А. Герцену на просмотр корректурные гранки набора «Из дальних лет» (последняя группа писем Герцена к Огареву, 1869 г.—начало 1870 г., и воспоминания Н. А. Тучковой-Огаревой о болезни и смерти Герцена). В архиве «Русской старины» сохранился экземпляр этих гранок, возвращенный А. А. Герценом (ИРЛИ, ф. 265, оп. 1, № 37, лл. 217—224). На обороте последнего листа адрес: «Mons. M. Semevski. Deutscher Hof. Interlaken» и три почтовых штемпеля: «Lausanne — 28.VII.87, Bern — 28.VII.87, Interlaken — 28.VII.87».

Этот любопытный документ позволяет определить характер той «домашней» цензуры, которой подвергнута была публикация Пассек. Гранки испещрены вычеркиваниями отдельных мест, а иногда целых столбцов.

Полностью были вычеркнуты письма 1869 г.: от 2 ноября (XXI, 512), от 11 ноября (XXI, 516—517), от 12 ноября (XXI, 517—518), от 13—14 ноября (XXI, 522—524), от 22—23 ноября (XXI, 528), от 26 ноября (XXI, 529—530), от 19 декабря (XXI, 538), от 23 декабря (XXI, 540—541). Кроме того, были вычеркнуты отдельные куски в ряде других писем. Правке подверглись и воспоминания Тучковой-Огаревой о болезни и смерти Герцена, в частности был перечеркнут подробный рассказ о болезни Таты и самый конец главы: «Потом она ⟨Н. А.⟩ обняла Лизу и сказала: „Одни и навсегда". Тата бросилась к ним, обняла и сказала: „Я никогда вас не оставлю"». В корректуре был набран уже смягченный Пассек вариант этого конца. В черновой рукописи стояло: «Обнявши Лизу, я сказала: „И навсегда мы одни". Тата бросилась к нам и прижала нас к сердцу. „Я никогда вас не оставлю",— сказала она, и я поверила. И она, которую я спасла, она меня оставила» (ИРЛИ, ф. 430, № 54, л. 4).

Дети Герцена добились таким образом изъятия всего, что в письмах Герцена или в рассказе Тучковой-Огаревой характеризовало семейные нелады, неприязнь между ними и Натальей Алексеевной, всего, что касалось нервного потрясения, пережитого Татой. В таком урезанном виде публикация и появилась в октябрьской книге «Русской старины» за 1887 г.

Семевскому не удалось утаить от Пассек факт его обращения к сыну Герцена. В письме к Н. А. Тучковой-Огаревой от 23 октября 1877 г. она изложила всю историю, обнаружив при этом правильное понимание позиций, занятых в этом вопросе детьми Герцена: «Семевский пробыл за границей все лето и часть зимы. Виделся с Сашей Герценом *, который говорил ему, что он и сестры его очень встревожились, узнав, что печатаются письма их отца к Огареву. Они думали, что в этих письмах будет говориться о Наташе, о любви к ней слепого, об ее помешательстве и об истории покойной Натали. Дивлюсь, как это могло им придти в голову. Семевский показал ему письма Александра, в которых вредного ни для кого нет, и сказал им, что главный интерес их отец, а о детях даже позабыли в России, что они существуют» (ЛБ, Г.—О. X, 87, № 3).

Дальнейший текст этого письма представляет значительный интерес тем, что проливает свет на вопрос о судьбе находившихся в руках Пассек подлинников писем Герцена к Огареву: «При этом Семевский сказал ему, по моему поручению, что я, взявши от Огарева эти письма, решила по напечатании передать их детям и пятнадцать лет продержала у себя и решилась исполнить желание Ника, когда, по моему мнению, настало для этого время ⟨...⟩ Когда вышел возмутительный роман Утиной и ко мне стали обращаться с вопросами, так ли это, — я решила, что настала пора издавать эти письма, также писанные Натали Герцен и Огаревым и тебе. Они были осязательные факты, оправдывающие все дорогие мне лица, которые были так позорно заклеймены. И они оправдали. Повидимому, все они теперь успокоились При этом Семевский сказал Саше, что как только письма будут напечатаны, то он, по моему поручению, доставит к нему их. И на слова Саши, что он готов мне заплатить за них деньги, Семевский сказал, что я никаких денег не возьму. Тогда он сказал, что пришлет мне за них письма Ника, писанные в ответ на эти письма, и что я могу их напечатать в моем отдельном издании» (там же).

Мы имеем возможность документально подтвердить достоверность этого сообщения Пассек. Среди ее бумаг, далеко не полностью дошедших до нас, сохранилось письмо к ней Семевского: «Только сегодня, 13 ноября 1887 г., исполнил я возложенное на меня вами поручение возвратить письма профессору Герцену, писанные его отцом к Н. П. О—ву ⟨...⟩

* Находящиеся в нашем распоряжении материалы не подтверждают факта личной встречи Семевского с сыном Герцена, хотя такая встреча, возможно, и состоялась.

Отправил в заказном пакете (имею почтовую расписку) и вложил ваше к нему письмо; надеюсь, что он исполнит свое обещание и пришлет письма покойного поэта Николая Платоновича, которые я вам и передам для записок» (ИРЛИ, ф. 430, № 26, л. 7). Возможно, что именно об этой пачке возвращенных писем писала Н. А. Герцен Лемке как о своей неожиданной находке (см. в настоящем томе, стр. 834—835).

Факт возвращения сыну Герцена писем его отца к Огареву засвидетельствован записью А. А. Герцена, сохранившейся в «амстердамской коллекции»: «56 писем Герцена к Огареву за три последние года получены от г-жи Пассек в обмен на посланную ей переписку Огарева с его первой женой. Конец 1887» (подлинник на французском языке).

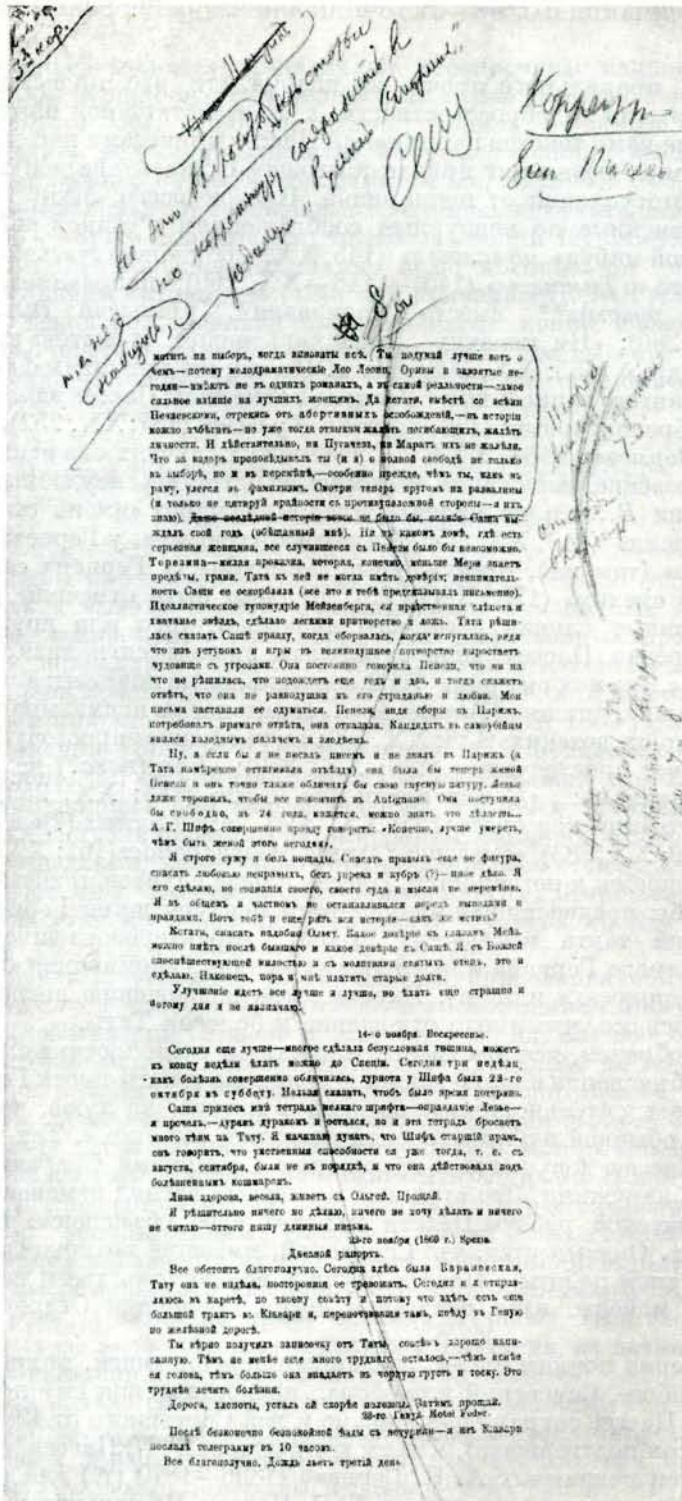
Как видим, А. А. Герцен несколько своеобразно сдержал свое обещание: вместо писем Огарева к Герцену он прислал в распоряжение Пассек письма Огарева к его первой жене Марье Львовне, которые не представляли никакого общественного интереса (см. об этом письмо Пассек к Н. А. Тучковой-Огаревой от 17 января 1888 г.—ЛБ, Г.—О. X, 88). Естественно, что и Пассек, и Семевский посчитали их публикацию нецелесообразной.

Последний вопрос, который необходимо осветить в связи с письмами Герцена к Огареву, касается текстологического качества публикации Пассек. Лемке, печатая письма, — впервые приведенные у Пассек,— по подлинникам архива семьи Герцена и Пушкинского дома, а иногда по копиям Пушкинского дома (о них см. ниже, стр. 613), каждый раз неукоснительно отмечал: «напечатано неисправно у Пассек», «несколько неполно и неисправно», «очень неисправно» и т. д. Требованиям научной текстологии XX века работа Пассек, разумеется, не соответствует, но характер допущенных ею неисправностей не дает оснований для такой резкой оценки.

Прежде всего, Пассек допустила много ошибок в датировке писем, в частности, неверно указывая год написания писем. Но очевидно, что, в условиях полной неразработанности биографии Герцена в те годы, ни одному публикатору не под силу было бы точно датировать письма, не имеющие обычно у Герцена обозначения года. Не всегда легко было установить и место отправления письма. В таких случаях Пассек прибегала к помощи Н. А. Тучковой-Огаревой — единственно доступного ей человека, который мог восстановить последовательность частых переездов Герцена в последние годы его жизни. В письмах Пассек к Тучковой-Огаревой мы встречаемся с настойчиво повторяемыми просьбами сообщить ей порядок переездов Герцена. Мы не знаем, удовлетворила ли Наталья Алексеевна ее просьбы, но, думается, что и она не всегда в состоянии была ответить на эти вопросы Пассек.

Сознавая, что в хронологии писем ей не удалось до конца разобраться, Пассек — и в этом еще раз сказалась ее добросовестность как публикатора — в рукописи главы второй третьего тома своих воспоминаний поместила следующую оговорку: «...Из числа писем, полученных мною от Огарева, я отобрала себе 75 писем, без хронологического порядка, а по содержанию, которые показались мне более интересными, остальные возвратила Огареву. Поэтому трудно определить правильно, в какое время и в каком порядке совершались переезды Александра с места на место,— можно только по догадке и некоторым данным» (ИРЛИ, ф. 265, оп. 1, № 37, л. 92—92 об.). В текст главы, напечатанной в «Русской старине», этот абзац не вошел.

Пассек прилагала немало усилий, чтобы верно разобрать трудный почерк Герцена, не ошибиться в написании названий местностей, упоминаемых им (так, например, ее смутило название: «Prangius», т. е. Prangins, о котором она тоже запросила свою корреспондентку). И если она не всегда



КОРРЕКТУРНЫЕ ГРАНКИ НАБОРА «ВОСПОМИНАНИЙ» ПАССЕК ДЛЯ «РУССКОЙ СТАРИНЫ», 1887 г.

Экземпляр с вычерками А. А. Герцена из писем Герцена к Огареву

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

добивалась правильного прочтения письма, то это происходило не от небрежности или недобросовестности, а от недостаточной опытности.

Сличение нами текстов публикаций Пассек с текстами писем, приведенными у Лемке, позволяет придти к выводу о характере допущенных ею ошибок и отступлений от подлинника. Прежде всего, легко выделяются места, измененные по цензурным соображениям*: «какой-нибудь *ш—ъ*» вместо «какой-нибудь *шуваловец*» (145; XX, 260); «Одна статья о *Г—еве* хороша» вместо «о *Тимашеве*» (145 — 146—XX, 260); «поправляет, урезывает (*властною рукою*)»** вместо «поправляй, урезывай *самодержавно*» (146; XX, 260); «Ни мерзких ...*ских* харь наших туристов» вместо «*генеральских* харь» (155; XX, 308) и т. п. По тем же причинам фамилии русских эмигрантов, написанные у Герцена полностью, Пассек заменяла в ряде случаев аббревиатурами: «*Гу...*» вместо «*Гулевич*» (137; XX, 252), «с *В—сом*» вместо «с *Вормсом*» (168; XXI, 20). Во многих случаях она исключала резкие герценовские выражения, которые ей казались неудобными для печати: «имени *В...мса* не произносил», у Герцена: «имени *сопли Вормса* не произносил» (145; XX, 259); «я его изругаю *по-*», у Герцена: «изругаю *по-матерно*» (там же), «окруженные... смехом», у Герцена «окруженные *ерническим* смехом» (170; XXI, 25). Должны быть отмечены и довольно многочисленные случаи неверного прочтения того или другого слова, причем нередко Пассек вопросительным знаком сигнализировала свое сомнение: «...из них ему долг 7000, а остальное на подмазывание *польск.*— типогр., наших, детских (?)» вместо «... остальное на подмазывание *колес* — типогр., наших, детских» (136; XX, 37); «*единодушное* простодушие» вместо «*естественное* простодушие» (136; XX, 250); «*Как* (*пока*?) не найти мне места», правильно: «*Как* не найти мне место» (144; XX, 259), «морская *база*» вместо «морская *биза*» (155; XX, 304), «имел *tochets* (?)» вместо «имел *lachêté*» (159; XX, 383), «*sombonds*»(?) вместо «*sous bande*» (161; XXI, 9). Кроме всех этих ошибок и неточностей, Пассек в ряде случаев прибегала к купюрам. Как бы предвосхищая «домашнюю» цензуру детей Герцена, она из соображений такта исключила строки, характеризовавшие состояние здоровья самого Герцена или членов его семьи (упоминания о «прыщах», «чирьях», «поносах» и т. д.). Вместе с тем исключению последовательно подвергалось все, что имело отношение к болезни Таты.

Таким образом, все эти «неисправности» и «неполнота» получают естественное объяснение и оправдание. В целом же тексты писем Герцена даны у Пассек относительно точно, во всяком случае, не хуже, чем это было принято в обычной публикаторской практике той эпохи. Тех вольностей, которые Пассек допускала в обращении с письмами Огарева к ней, мы здесь не обнаружили. Это странное на первый взгляд изменение качества текстологической работы Пассек находит свое объяснение в архивных материалах. Оказывается, что Семевский, имевший возможность за много лет совместной работы с Пассек изучить все достоинства и недостатки ее авторской манеры, взял печатанье писем Герцена к Огареву под свой контроль.

Не доверяя копиям писем, сделанным переписчицей, помогавшей Пассек в ее работе, Семевский потребовал предоставления ему подлинников. В бумагах Пассек сохранилось письмо к ней Семевского от 19 мая 1886 г., в котором он подтверждает, что им получено от Т. П. Пассек «*шестьдесят восемь* писем подлинных А. И. Герцена (1866—1870 гг.) для напечатания их в „Русской старине" в записках Т. П. Пассек „Из дальних лет"» (ИРЛИ, ф. 430, № 26, лл. 1—2). А в октябре того же года он, посылая ей корректуру и ее копии, заклинал ее: «...но бога ради, не по ним делайте поправки,

* В последующих примерах даем ссылки на страницу третьего тома «Из дальних лет» (СПб., 1906) и затем на том и страницу издания Лемке.

** Скобки должны были намекать на произведенную здесь замену.

ибо копии вашей милой и симпатичной переписчицы исполнены самых грубых описок и ошибок: она, видимо, не могла разобрать многих слов подлинников, о чем, впрочем, и сама говорила и вам, и мне. Вы же не удосужились ее копии сличить. Мои же копии в высшей степени верны, в них каждая буква выверена» (там же, л. 3—4).

Этим устанавливается важный факт, что письма печатались по копиям Семевского — кстати сказать, это те самые «копии Пушкинского дома», которыми позднее пользовался Лемке и по которым он давал тексты писем, подлинники которых не были ему присланы Н. А. Герцен. И хотя Семевский, вероятно, оценивал качество своих копий несколько самоуверенно, его опыт и знания определили достаточно высокое по тем временам качество публикации, осуществленной на страницах «Русской старины».

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ГЕРЦЕНА И ОГАРЕВА В ВОСПОМИНАНИЯХ ПАССЕК

Высочайшим повелением от 18 февраля 1871 г. было «постановлено не допускать к выходу в свет сочинений лиц, признанных изгнанными из отечества, тайно покинувших его, и государственных преступников, какого бы содержания ни были эти сочинения и в каком бы виде они ни издавались, под собственными ли именами авторов, или под какими-либо псевдонимами или знаками» (ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 4, 1869 г., ед. хр. 342, л. 79). Сочинения Герцена и Огарева полностью подпали под действие этого «повеления». Русскому читателю, интересовавшемуся этими сочинениями, приходилось или разыскивать их в старых журналах (ранние произведения, опубликованные до эмиграции авторов), или раздобывать заграничные издания, нелегально проникавшие в Россию. Оба эти способа были доступны, естественно, весьма немногим. Широким же кругам русского общества произведения Герцена и Огарева практически были недоступны.

В этих трудных условиях Т. П. Пассек, при энергичной поддержке М. И. Семевского, сумела включить в свои воспоминания многочисленные фрагменты произведений Герцена и Огарева, а в ряде случаев она опубликовала некоторые из них в полном виде. По существу, до выхода в свет павленковского издания сочинений Герцена записки Пассек оставались единственной легальной книгой в России, где можно было найти подлинное слово Герцена и Огарева. Общественное и историческое значение сделанного ею в этом отношении не может быть оспорено. Поэтому в состав настоящего исследования мы должны включить и рассмотрение вопросов об источниках, использованных Пассек, о качестве напечатанных ею текстов и о приемах включения их в состав ее воспоминаний. Для удобства изложения мы остановимся сначала на представленных у нее произведениях Огарева, а затем на произведениях Герцена. При этом и в том и в другом случае целесообразно отделить извлечения из печатных источников от произведений, опубликованных по рукописям.

При самом начале работы над своими воспоминаниями Пассек решила сопроводить отдельные их главы эпиграфами из стихотворений и поэм Огарева. Уже в первом письме к Огареву, от 19 сентября 1872 г., она сообщала ему: «...самые эпиграфы в главах — из ваших стихотворений» (л. 4 об.). Повторив в следующем письме (от 22 декабря 1872 г./3 января 1873 г.) эту мысль: «Эпиграфы всех глав — ваши, „Юмор“ и пр.» (л. 6 об.)— она и в дальнейшем почти в каждом письме напоминала Огареву об этом. Заметим попутно, что у Огарева она заимствовала и заглавие для своих воспоминаний. При начале публикации первых глав в «Русской старине»

она назвала их: «Из ранних лет, из жизни дальней». Это — перифраз двустишия из «Юмора»: «Из дальних стран, из жизни дальней, || Из дальней жизни ранних снов». Остановившись позднее на более коротком заглавии — «Из дальних лет» — она завуалировала связь его со стихами Огарева.

Несмотря на письменные заверения Пассек, не все главы ее воспоминаний снабжены эпиграфами из Огарева (некоторые главы оставлены без эпиграфов, в других эпиграфами служат отрывки из произведений Герцена, Пушкина, Е. Ростопчиной), но чаще всего она действительно использовала для этой цели его произведения. В качестве источника ей служили первоначально только солдатенковские издания 1856 г. (или его последующие переиздания 1859 или 1863 г.). Несколько позднее, в первой половине февраля, она получила от Огарева том его стихотворений — очевидно, лондонского издания 1858 г. (о получении его она сообщила Огареву в письме от 14 февраля 1873 г.). Несколько эпиграфов Пассек заимствовала из рукописной поэмы «Радаев», автограф которой Огарев подарил ей в 1873 г. Но изучение эпиграфов показывает, что, кроме этих книг, в ее распоряжении были и другие лондонские издания: «Юмор» 1857 г., откуда она взяла несколько эпиграфов, и одна из книг Рылеева, изданных в Лондоне («Думы» или «Собрание сочинений»), откуда она позаимствовала несколько строк из стихотворения Огарева «Памяти Рылеева» (гл. XII). В ее переписке с Огаревым никаких упоминаний об этих изданиях нет. Вероятнее всего, что их она получила в 1859—1861 гг. от Герцена в числе других, выпущенных Вольной типографией. Из письма Пассек к М. К. Рейхель от 1 января 1873 г. выясняется, что при возвращении в Россию из своей первой заграничной поездки она, не желая рисковать, оставила эти книги у Рейхель. В названном письме она напоминала об этом и просила переслать ей книги, если они сохранились.

Огарев, кроме тома стихотворений, одновременно прислал Пассек и брошюру «Восточный вопрос в панораме», изданную в Женеве в 1869 г. Использовать этот политический памфлет Пассек, разумеется, не имела возможности, но она сохранила его. Принадлежавший ей экземпляр этой чрезвычайно редкой брошюры находится теперь в библиотеке ИРЛИ (см. справку в комментариях к стихотворениям и поэмам Огарева — т. II, 1938, стр. 433).

Помимо эпиграфов, к печатным источникам восходит еще несколько стихотворений и стихотворных отрывков Огарева, введенных Пассек в текст ее воспоминаний. В главе XV «Ник» она привела отрывок из «Юмора» (ч. II, гл. 9), а следующую главу — «Les premiers amours» — она закончила стихотворением «Старый дом» (при публикации главы в «Русской старине» 1876 г. это стихотворение подверглось цензурному исключению — см. ниже, стр. 632). В обоих этих случаях Пассек могла воспользоваться текстом «Былого и дум» — Герцен привел эти стихи Огарева в главе IV «Ник и Воробьевы горы». Еще один отрывок из «Юмора» (ч. I, гл. 4) дан у нее в главе XXIV «Товарищеский круг». Наконец, в т. III (стр. 117) мы встречаем у нее стихотворение Огарева «Ему», обращенное к Герцену. Пассек могла взять его из «Полярной звезды» на 1857 г., где оно появилось впервые под заглавием «И‹сканде›ру», или из лондонского издания, где оно было перепечатано с тем же заглавием.

Сопоставление приведенных у Пассек текстов названных выше стихотворений и отрывков с печатными источниками, которыми она могла пользоваться, показывает, что, допустив много мелких неточностей и погрешностей, она ни в одном случае не исказила смысла огаревских стихов.

Прежде, чем мы перейдем к обзору произведений Огарева, впервые опубликованных Пассек по рукописям, укажем, что она печатала стихотворения своего старого друга не только в книге «Из дальних лет».

В издававшемся Пассек журнале для детей «Игрушечка» за 1882—1884 гг. она напечатала пятнадцать стихотворений Огарева, преимущественно пейзажного и лирического характера (с подписями «Н. О.», «Н. Ог..в», «Н.» или без подписи). Через посредство Пассек Н. А. Тучкова-Огарева передала Семевскому для напечатания в «Русской старине» большое количество неопубликованных стихотворений Огарева, преимущественно относящихся к раннему периоду его творчества. В течение 1888—1890 гг. на страницах «Русской старины» появилось более 60 новых стихотворений Огарева. Эта публикация не могла не способствовать популяризации в читательских кругах имени поэта-революционера и его творчества. С текстологической точки зрения стихотворения Огарева печатались в «Русской старине» достаточно исправно, потому что, как показывает переписка Пассек с Н. А. Тучковой-Огаревой по этому вопросу, Семевский поставил непременным условием предоставление ему подлинных автографов Огарева, присланных им Пассек вместе с письмами или переданных ей непосредственно при их свидании летом 1873 г. Самым крупным из этих подарков Огарева была рукопись поэмы «Радаев» (о ее получении в Женеве Пассек сообщает на стр. 43—44 третьего тома «Из дальних лет»).

Пожелание Огарева, чтобы поэма увидела свет в России, выполнить было нелегко, но Пассек все же напечатала ее, и даже не один раз. При жизни Огарева ей удалось поместить в главе «Дом Ивана Алексеевича Яковлева» пять отрывков из поэмы (РС, 1876, № 11), без указания ее заглавия и имени автора. Эти отрывки, рисующие одинокую старость дяди Огарева — Матвея Радаева, Пассек без всяких оснований использовала

ЭМСЪ.

ГОРЫ спятъ подъ дымкой
Легкаго тумана,
И волной лѣнивой
Звучно льется Лана.
Мѣсяцъ лучезарный
Свѣтитъ на вершины;
Тянутся безмолвно
Темныя долины.
Въ синевѣ небесной
Звѣзды блещутъ ясно;
Вѣтеръ притаился,
Ночь лежитъ безгласно.
Думы возникаютъ,
Да мольбы, да грезы;
На душѣ такъ полно,
Что катятся слезы.

Н. О—нъ.

СТИХОТВОРЕНИЕ ОГАРЕВА «ЭМС», НАПЕЧАТАННОЕ ПАССЕК В ИЗДАВАВШЕМСЯ ЕЮ ЖУРНАЛЕ ДЛЯ ДЕТЕЙ «ИГРУШЕЧКА» № 13, 1882 г.

для характеристики отца Герцена. Это, повидимому, и дало повод Гершензону выдвинуть ошибочное утверждение, что в поэме изображен И. А. Яковлев и описан его дом (ошибка эта была отмечена в сборнике «Стихотворения и поэмы Н. П. Огарева», т. II, изд. «Библиотека поэта», 1937, стр. 430).

Вскоре после смерти Огарева Пассек предприняла попытку опубликовать отрывки из поэмы «Радаев» и обратилась к А. С. Суворину с предложением поместить их в «Новом времени», сообщив при этом о результатах своих предварительных переговоров с цензором: «Я показывала все эти стихи цензору Ратынскому; он, сделавши некоторые исключения, сказал, что печатать можно, только не обозначая вполне названия и с подписью не Огарева, а „старого поэта“» (18 октября ‹1878?›. ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, ед. хр. 3193, л. 10 об.). Повидимому, Суворин отказался от этого предложения, потому что отрывки из поэмы (вступление и вторая глава — с большими сокращениями) появились в другом издании — в «Газете А. Гатцука», 1879, №№ 3 и 6. При этом, в соответствии с рекомендацией цензора, заглавие поэмы было скрыто («Отрывок из неоконченной поэмы. Р....в»), а автор назван «известным *„Старым поэтом“*». Но в указателе содержания газеты за год было обозначено: «...Старого поэта (Н. О—ва)». Скрытый намек на авторство Огарева заключался также в предпосланном поэме предисловии от редакции: «Полагаем, что для наших читателей это произведение интересно будет не только само по себе, но и для характеристики нашего замечательного поэта, как последнее его крупное создание, писанное в преклонных летах за границей» («Газета А. Гатцука», 1879, № 3, стр. 40). Эти строки были вставлены для того, чтобы подсказать привыкшему к эзопову языку читателю имя автора — в них заключалось явное противоречие с датировкой поэмы, данной в начале того же предисловия: «Писано в 50-х годах».

Относительно полный текст поэмы (с заглавием «Радаев» и с подписью «Н. П. О—в») Пассек напечатала в приложении к первой главе III тома «Из дальних лет» (РС, 1886, № 2, стр. 465—481). Этот же текст был повторен в отдельном издании III тома (1889, стр. 46—63 —с приведением некоторых вариантов автографа и с полной подписью: «Н. Огарев»). Дефекты этого текста, вызванные отчасти недостаточной внимательностью Пассек, а в значительной части цензурными причинами (пропуск в общей сложности 115 строк), отмечены в комментариях к поэме в названном выше издании серии «Библиотека поэта» (т. II, стр. 429).

Пассек не только опубликовала текст поэмы, но и бережно сохранила драгоценный автограф, впоследствии подаренный ею М. И. Семевскому (дарственная надпись помечена 7 августа 1885 г.). В настоящее время этот автограф находится в ИРЛИ (фонд «Русской старины»).

Из присланных Огаревым нескольких его стихотворений Пассек удалось напечатать, повидимому, не все. Наиболее значительное из них — «Памяти друга», посвященное Герцену (получено ею в марте 1873 г.). В ответном письме она называет стихотворение — «Памяти Герцена». Возможно, что это заглавие и стояло в автографе, до нас не дошедшем. Текст Пассек (*первоначально* — П., т. I, 1878, стр. 259; *повторно* — «Полярная звезда», 1881, № 5, стр. 135) является единственным первоисточником.

В том же отдельном издании она впервые напечатала стихи Огарева «Напиваясь влагой кроткой...» (т. I, стр. 261; повторно — «Полярная звезда», 1881, № 4, стр. 131), сопроводив их живым рассказом о том, как во время беседы с нею (следовательно, в июле 1873 г.) Огарев набросал на листке эти горькие строки. Весь этот рассказ Пассек надо считать художественным вымыслом: стихи были ей сообщены Огаревым при письме от 13 июля 1874 г. («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 605). Как вы-

ясняется из опубликованной позднее незаконченной поэмы Огарева «Моя биография», интересующие нас строки служат к ней эпиграфом («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 658).

В «Русской старине» (1886, № 2, стр. 461—462) Пассек напечатала еще два стихотворения Огарева, позднее вошедшие в отдельное издание III тома «Из дальних лет» (стр. 24—25). Автограф первого из них — «Ожидание» — не сохранился; второе — «Вопрос» — публикуется в последних изданиях по рукописи Библиотеки им. В. И. Ленина. В отдельном издании III тома (стр. 130—131) Пассек опубликовала стихотворение «Прощание с Россией», текст которого был, вероятно, получен ею от Н. А. Тучковой-Огаревой (по крайней мере, оно было повторно напечатано в «Русской старине», 1889, № 8, стр. 386, в составе других стихотворений Огарева, доставленных в редакцию Натальей Алексеевной).

Наконец, в заключение обзора произведений Огарева, обнародованных Пассек, надо отметить, что в № 5 «Полярной звезды» за 1881 г. она поместила семь лирических стихотворений Огарева, которым предпослала следующие строки: «Недавно получила я семь неизвестных стихотворений Ника; прочитав мои воспоминания о нем, их прислали с тем, чтобы я их поместила среди моих записок» (стр. 136). Как было позднее установлено, эти стихи были извлечены из альбома Евдокии Васильевны Сухово-Кобылиной («Душеньки») ее сестрой, Е. В. Салиас, и доставлены Пассек через сына Салиас — редактора-издателя «Полярной звезды». До недавнего времени альбом со стихами Огарева считался недоступным (редакторы издания «Библиотеки поэта» предполагали, что он находится в архиве Салиас в Париже), а текст Пассек — их единственным первоисточником. В действительности этот альбом («Buch der Liebe») сохранился в семье наследников «Душеньки» (в замужестве Петрово-Соловово), и его содержимое было опубликовано в 1953 г. в т. 61 «Лит. наследства» (см. комментарий на стр. 648—652 названного тома).

* * *

Несравненно большее место, чем произведения Огарева, занимают в воспоминаниях Пассек произведения Герцена и многочисленные извлечения из них, что, как мы уже выяснили, определялось основной целью ее работы.

Прежде всего необходимо отметить те случаи, когда Пассек выступала как *публикатор* текстов Герцена, а затем рассмотреть вопрос о многообразных формах *использования ею* произведений Герцена *как вспомогательного материала* для создания ее собственных мемуаров.

В главе «Тимофей Николаевич Грановский» Пассек привела полный текст двух статей Герцена о публичных лекциях Грановского (П., т. II, стр. 308—312 и 314—320). Первая из них была первоначально помещена в «Московских ведомостях» за 1843 г., № 143, вторая — в «Москвитянине» за 1844 г., № 7. В журнальной публикации названной главы было дано примечание от редакции, отсутствующее в отдельном издании «Из дальних лет». В примечании был назван источник, откуда был взят текст обеих статей: «Помещаем это письмо и следующее с печатных оттисков, полученных Т. П. Пассек от самого автора. Оттиски, сохранившиеся в библиотеке П. А. Ефремова, также весьма обязательно сообщены им „Русской старине“» (РС, 1877, № 7, стр. 447). Текст обеих статей воспроизведен у Пассек точно, если не считать четырех мелких погрешностей в первой статье.

Из того, что было опубликовано Герценом до его отъезда за границу, Пассек напечатала шуточную заметку-объявление: «Истинная и последняя эманципация рода человеческого от злейших врагов его»

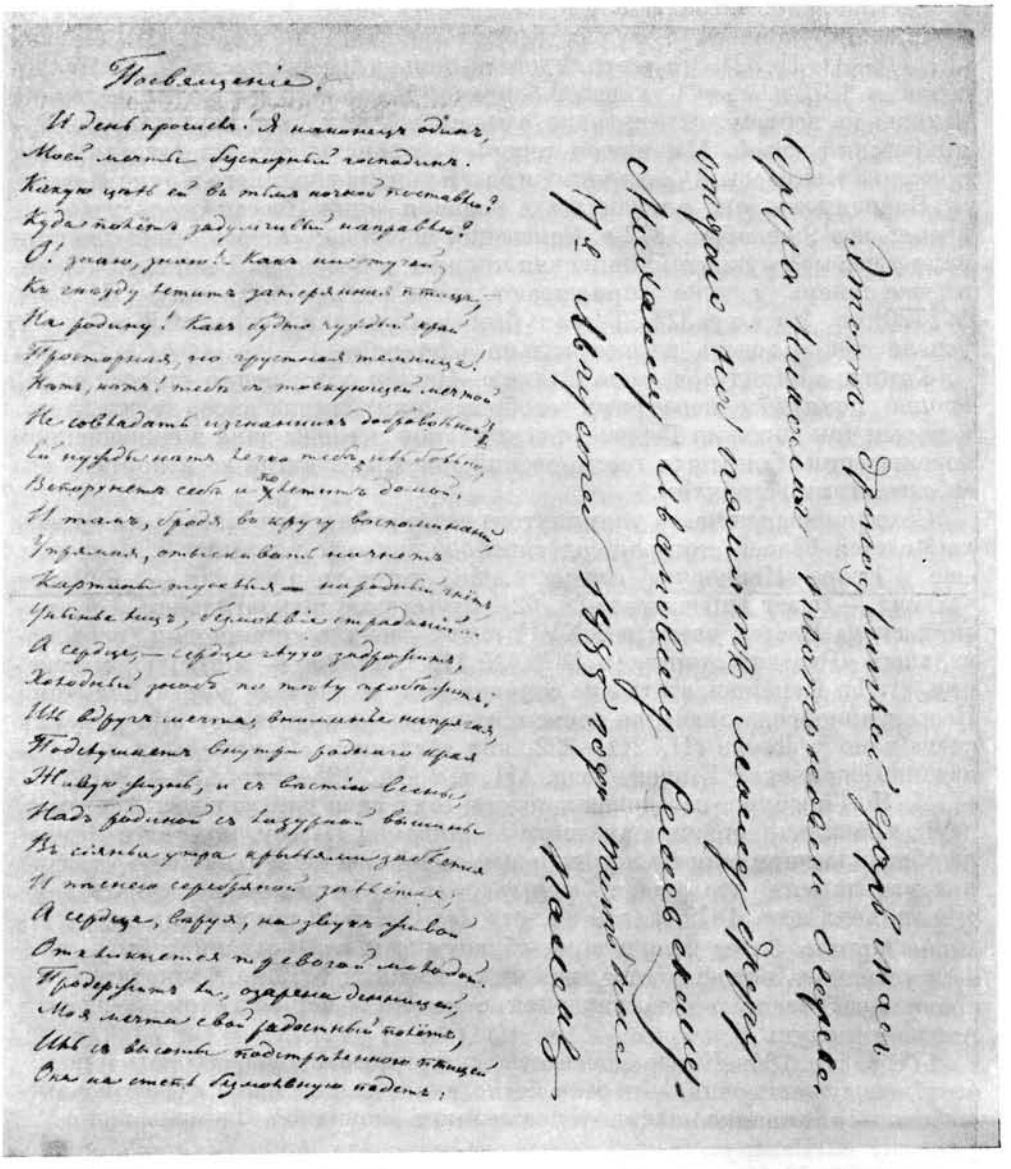
(первоначально — РС, 1874, № 2, стр. 401—406, позднее — во II томе «Из дальних лет»). Текст «Рекламы», как она назвала эту заметку, она сопроводила рассказом об обстоятельствах ее написания, причем ошибочно отнесла ее ко времени первого приезда Герцена из Владимира в Москву, то есть к 1838 г. Между текстом Пассек и первопечатным текстом «Отечественных записок» (1844, № 11; автограф неизвестен), есть ряд существенных расхождений, которые, однако, не могут быть объяснены только ее небрежностью. В некоторых случаях ее текст исправнее, чем подцензурный текст «Отечественных записок». В комментариях к этой статье в тридцатитомном собрании сочинений Герцена высказано предположение, «что в воспоминаниях Пассек приведена рукописная редакция текста, подвергшаяся перед печатанием стилистической, а быть может, и вызванной цензурными соображениями правке» (т. II, М., 1954, стр. 451). Письма Пассек к Рейхель дают возможность несколько прояснить вопрос об источнике, которым она пользовалась.

Задумав ввести в свои записки этот оригинальный эпизод, о котором она смутно помнила, Пассек обратилась в феврале 1873 г. за содействием к Рейхель: «Не помнишь ли, Маша, в котором году Карл Иванович Зонненберг привез фазанов с Кавказа — продавать; кажется, их сотня жила в старом доме. Нигде не могу добыть маленькой брошюрки сашиной, было в „Северной пчеле“ — объявление о продаже Карлом Ивановичем порошка персидской ромашки. Не найдется ли она у тебя? Если бы ты отрыла! Она игрива — и должна войти при разборе всех его сочинений» (письмо без даты; лл. 40 об.—41). Рейхель быстро откликнулась на эту просьбу, и уже 6 марта Пассек благодарила за присылку ей переписанной «игривой» статьи (л. 46). Эта копия, сделанная Рейхель, и была использована Пассек при ее публикации. Остается неясным, с чего снимала Рейхель копию: с рукописи (что мало вероятно) или с печатного оттиска «Отечественных записок», на котором Герценом могли быть исправлены опечатки и восстановлены цензурные купюры. В некоторой же части разночтений можно видеть результат случайных ошибок, допущенных Рейхель при переписывании или Пассек — при печатании.

Другие публикации произведений Герцена в составе воспоминаний Пассек восходят к рукописным источникам, полученным ею разными путями.

В главе XXVI «Арест и симпатия» (в «Русской старине» — «Разлука и симпатия») Пассек напечатала «Мартиролог святой Феодоры», сопроводив его явно вымышленной версией о происхождении печатаемого ею текста: «Под влиянием религиозного настроения Наташи, с которой он еще раз виделся, Саша стал изучать „Четии-минеи“ и перелагал на литературный язык жития некоторых святых, которые посвящал своей двоюродной сестре Наталье Александровне Захарьиной. Я читала некоторые из них. Описанный им „Мартиролог святой Феодоры“, находящийся в житиях святых за сентябрь, так ярко остался у меня в памяти, что отрывки из него в 1840-х годах я вписала в мои заметки» (П., т. II, стр. 39).

Мы могли бы разделить с Лемке его ироническое удивление перед «феноменальной памятью» Пассек, если бы в нашем распоряжении не было материалов, проливающих свет на этот вопрос. В дошедшем до нас в неполном виде январском письме 1873 г. к Огареву она, рассказывая об имеющихся у нее рукописных материалах, писала: «Кто-то прислал Семевскому переплетенную тетрадь, купленную под *Сухаревой башней*, вся исписана рукой Саши во Владимире и Москве, там легенда о *Феодоре* — в первой главе лирические чувства Саши в Крутицких казармах, посвящено *Наташе*, *переправлено в Вятке 1835 года*. Потом длинная статья „Германский путешественник“, посвящено Сазонову, все писано рукой Саши. Писано в Крутицких казармах, переправлено в Вятке. *Не печатано*,



АВТОГРАФ ПОЭМЫ ОГАРЕВА «РАДАЕВ» С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ Т. П. ПАССЕК М. И. СЕМЕВСКОМУ ОТ 7 АВГУСТА 1885 г.

Лист 1

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

а теперь напечатается. Рукопись у меня, пойдут между моих воспоминаний» (л. 62).

Это детальное описание не оставляет сомнений в том, что речь в письме шла о «Записной тетради 1836 года», которая в настоящее время находится в Отделе рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина (ЛБ, Г.—О. II, 32). Эта тетрадь действительно была куплена Е. С. Некрасовой в 1872 г. «под Сухаревой башней в Москве», о чем ею была сделана надпись на первом листе тетради, а затем, в 1882 г., она передала ее в Румянцевский музей. Мы можем теперь установить, что эта тетрадь была прислана Некрасовой Семевскому и затем попала через него в руки Пассек.

Повидимому, она находилась в распоряжении Пассек очень недолгое время: еще 9 декабря 1872 г. Семевский писал ей: «Боюсь, чтобы не пропала у вас моя рукопись: Записная книжка, в 4-ю долю. Книга эта чужая, и уже теперь у меня спрашивают, скоро ли я ее возвращу» (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 326). Тетрадь была возвращена Некрасовой, и Пассек успела использовать из нее только «Легенду».

Готовя «Легенду» к напечатанию, Пассек совершенно отбросила (по вполне понятным цензурным соображениям) лирическое предисловие, которым так дорожил Герцен, а текст самой легенды дала в сокращенном переложении. Сокращая герценовский текст, она нигде не испортила его собственными вставками.

Сохранившаяся часть упомянутого выше январского письма к Огареву начинается фразой, которая содержит одно важное указание: «...Нашлась еще у Егора Ивановича статья Саши, когда-то писанная — „Римские элегии“ — будет напечатано» (л. 62). Эту статью под заглавием «Из римских сцен» Пассек ввела в XXVII главу своих воспоминаний (первоначально в «Русской старине», 1876, № 11, повторно — в отдельном издании, т. II). Рукопись статьи не сохранилась, вследствие чего публикация Пассек приобрела значение первоисточника — по ее тексту «Из римских сцен» дано у Лемке (II, 211—222, под заглавием «Лициний») и в новом издании сочинений Герцена (изд. АН, т. I, М., 1954, стр. 183—195).

Л. Я. Гинзбург, готовившая тексты этих сцен для издания Академии наук, правильно оценила значение публикации Пассек, но, как и Лемке, не обратила внимания на журнальный ее текст и даже ошибочно указала в комментариях, что статья была *впервые* опубликована во втором томе «Из дальних лет», 1879 г. (там же, стр. 505). Между тем публикация «Русской старины» более исправна, и обращение к ней позволило бы в ряде мест устранить погрешности отдельного издания 1879 г. Приводим ниже правильный текст в сопоставлении с текстом первого тома издания Академии наук:

1) т. I, стр. 184: «Какое блаженство существовать, существовать и понимать, что существуешь, — в этом бесконечное наслаждение; существовать, любить — два великие начала и два великие окончания природы, положив в основу ей Венеру».

РС, 1876, № 11, стр. 552: «Какое блаженство существовать, существовать и понимать, что существуешь, — в этом бесконечное наслаждение; существовать, любить — два великие начала и два великие окончания природы. *Любовь — огонь, льющийся по жилам космоса, без него бы все окоченело, все сосредоточилось бы в эгоизме. Лукреций прав, он постигнул тайну природы,* положив в основу ей Венеру».

2) т. I, стр. 188: «Варвары, приносящие на жертву людей, *закалывают* их...» (у Пассек в отдельном издании явная опечатка: «закаляют»).

РС, стр. 554: «Варвары, приносящие на жертву людей, *закалают* <!> их...».

3) т. I, стр. 193: «Но кто мощный, великий, который вольет новую кровь в наши жилы...».

РС, стр. 558: «Но кто? *кто* мощный, великий, который вольет новую кровь в наши жилы...».

4) т. I, стр. 194: «Кружок *обдерганных* плебеев...».

РС, стр. 559: «Кружок *обтерханных* плебеев...».

Кроме рукописи «Римские элегии», Пассек получила от Е. И. Герцена из оставшихся в его московском доме бумаг Герцена еще черновой автограф повести «Сорока-воровка». В свои записки она ее не ввела, но незадолго до смерти передала Семевскому, который и напечатал текст этого автографа в апрельской книжке «Русской старины» 1889 г., вышедшей в свет через неделю после смерти Пассек. Сохраненный Пассек черновой автограф повести (ныне находится в ИРЛИ, фонд «Русской старины») имеет большое текстологическое значение, поскольку первоначальный текст «Современника» 1848 г. в ряде мест был испорчен вмешательством цензуры (см. изд. АН, т. IV, стр. 328—330).

Переходя к вопросу о напечатанных герценовских текстах, в многочисленных выдержках использованных Пассек в ее записках, мы можем отметить прежде всего, что источником для нее служили, главным образом, «Былое и думы», а затем «Записки одного молодого человека».

Оказавшись за границей, Пассек приняла меры к тому, чтобы иметь под рукой эти произведения Герцена. В письме к Рейхель от 22 декабря 1872 г./3 января 1873 г. она просит прислать ей выпуски «Полярной звезды» и поясняет: «Мне очень нужно „Былое и думы" для соображения моих записок. Я с собой не взяла из России, затруднительно будет обратно провезти» (л. 53—53 об.). С просьбой прислать ей экземпляр «Былого и дум» Пассек в тот же день обратилась и к Огареву. М. К. Рейхель быстро выполнила просьбу Пассек, и уже 1/13 января Пассек благодарила ее за две части «Полярной звезды», добавляя, что еще нужна третья (л. 15). У Огарева книги под рукой не оказалось, и он передал просьбу Пассек в Цюрих, Н. А. Тучковой-Огаревой. Выполнила *ли* она эту просьбу, остается неизвестным.

Первоначально Пассек брала куски из «Былого и дум» в виде более или менее точных цитат, содержащих очерки характеров членов семьи Яковлевых и других лиц, окружавших Герцена в детские годы. В письме к Огареву она подчеркивала свое твердое намерение действовать в таком именно плане: «Очерки характеров я просто взяла из „Былого и дум" и указала на них, не перефразируя, хотя и предлагает Семевский это сделать, но я не делаю и *не буду*, а прямо, где надобно, для подтверждения моих слов, их истины, выписываю у Саши, так: „*так говорит Саша там-то*", и представьте, *прошло* то, что *читая прятались*» (письмо к Огареву от 8/20 января 1873 г.; л. 11—11 об.). Совет Семевского, о котором упоминает Пассек, содержится в его письме к ней еще от 9 декабря 1870 (?) г., сохранившемся в «пражской коллекции». Учитывая, вероятно, реакцию публики и цензурных кругов на только что опубликованные в декабрьской книжке «Русской старины» первые главы воспоминаний Пассек, он настойчиво побуждал ее писать дальше, но в то же время предупреждал: «В рассказе своем приводите смело выдержки из печатных источников, но непременно надо несколько перефразировать, так как цитаты из некоторых источников не могут еще иметь права гражданства в нашей печати» (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 326).

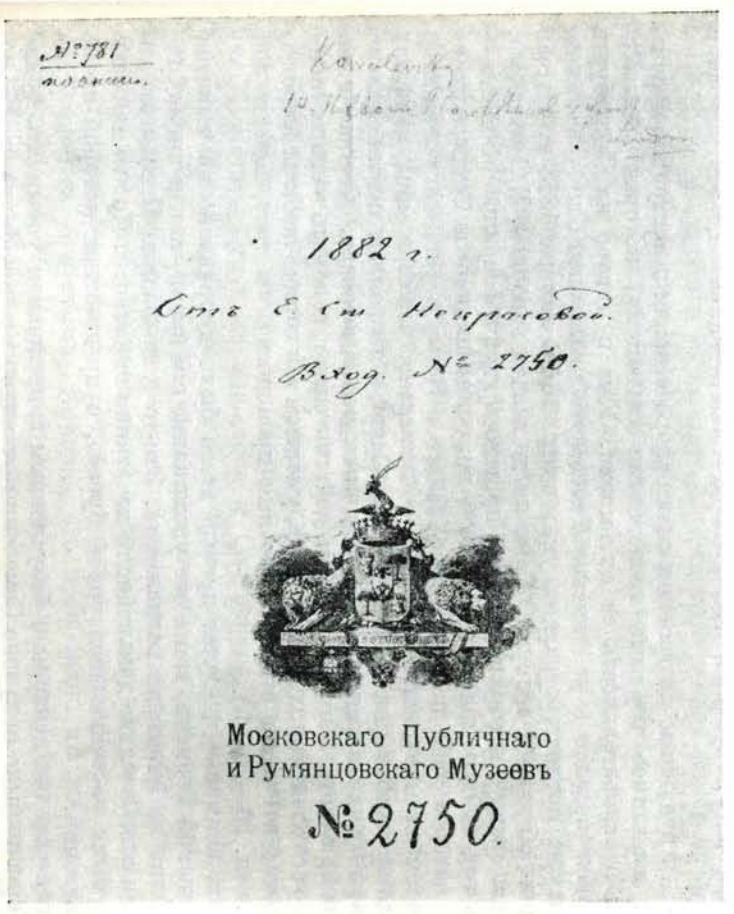
В результате цензурных требований, о которых будет подробно рассказано ниже, Пассек должна была быстро сдать свои позиции. Уже через восемь дней после приведенного выше письма, 16/28 января, она писала Огареву: «В первых главах очерки всех характеров я взяла прямо из „Былого и дум", указывая: *так говорил Саша*, а теперь не велят. Мы попробуем на разные манеры» (л. 21). В соответствии с создавшимся положением ближайшие главы, уже находившиеся в Петербурге, подверглись

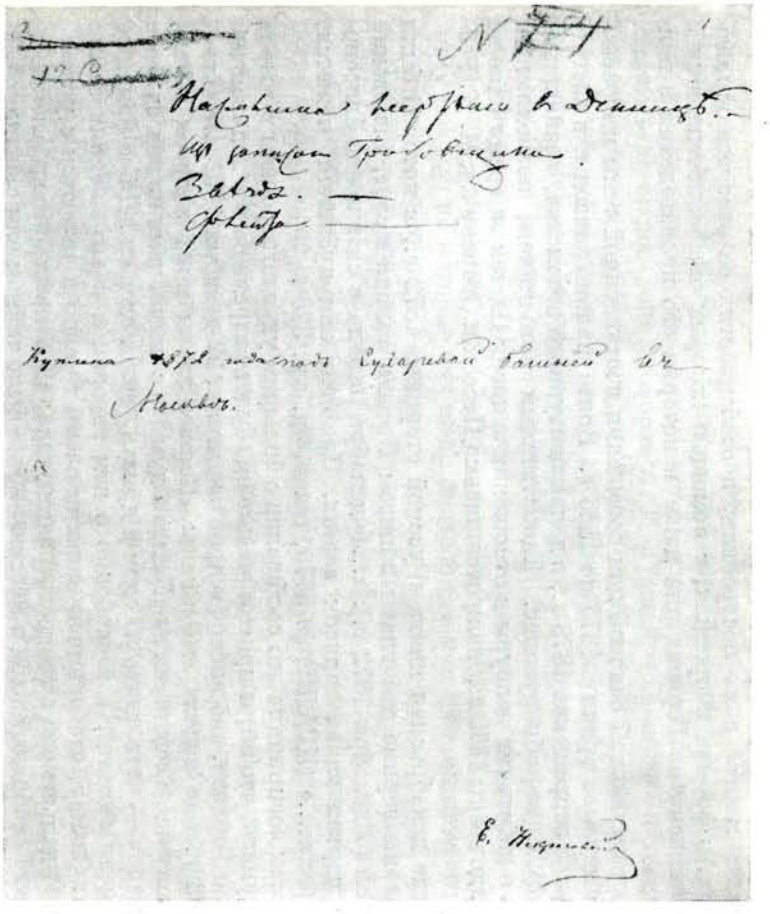
обработке в редакции «Русской старины», на что Пассек жаловалась Огареву в недатированном письме (начало февраля): «Мне больно, что изменяют мои слова, что я опиралась в истине моих слов на то же самое у Саши и говорю „Былое и думы", — там они просто от моего имени его слова махают. Ничего не поделаешь, да еще и издалека» (л. 77 об.). Те же жалобы повторяются и в следующем письме от 1/13 февраля: «...вычеркнули, где у меня было сказано: „Саша говорит", а просто пустили от третьего лица — ничего не поделаешь» (лл. 82 об.—83). В дальнейшем Пассек перестала сетовать на такие переделки, примирилась с новой манерой, подсказанной ей Семевским, и сама широко пользовалась ею во все последующие годы. Однако время от времени она делала попытки провести в печать тексты Герцена с прямой ссылкой на его авторство, но каждый раз наталкивалась при этом на непреодолимые препятствия. Так, для написания главы «Общий фонд» (т. III, гл. II) она использовала с некоторыми сокращениями, но в целом довольно точно, рассказ Герцена о его взаимоотношениях с «молодой эмиграцией» из главы XII шестой части «Былого и дум» (впервые напечатана в «Сборнике посмертных статей А. И. Герцена», Женева, 1870). В рукописи Пассек глава «Общий фонд» начиналась так: «Вот в сокращенных словах то, что сказано было А. И. Г—ом об общем фонде». Но Семевский, в предвидении цензурных придирок, тут же, в рукописи, не только еще больше сократил герценовский текст, но и вычеркнул вводную фразу Пассек (ИРЛИ, ф. 265, оп. 1, № 33, л. 218—218 об.). Переделывая и дополняя эту главу для отдельного издания третьего тома «Из дальних лет», Пассек не вернулась к своему первоначальному варианту. Все сказанное позволяет правильно объяснить те особенности ее обращения с текстами Герцена, которые впоследствии навлекли на нее столько нареканий со стороны Лемке и других герценоведов.

В целях преодоления цензурных препон и проведения в печать в скрытом виде выдержек из Герцена Пассек применяла разнообразные вводные формулы и обороты, примеры которых приводятся нами ниже, в главе о цензурной истории ее записок, а нередко вводила тексты Герцена без всяких сигналов, указывающих на их автора. Этим она весьма затруднила задачу выделения из ее записок фрагментов Герцена. Тем не менее эту работу нам удалось выполнить и результаты ее показывают, что обращалась она с текстами Герцена по-разному — от точного цитирования (хотя бы и без кавычек) — до сокращенного свободного пересказа своими словами, с сохранением лишь отдельных герценовских фраз и выражений. Но при этом нами не отмечено ни одного случая, когда бы Пассек использовала прямую или косвенную ссылку на Герцена для подачи, под прикрытием его имени, своего собственного текста. Мы вновь обращаем внимание читателей на это обстоятельство, потому что оно играет важную роль в рассмотрении особого круга вопросов, связанных с использованием Пассек в ее книге найденных ею «брошенных листков» — рукописного текста ранней автобиографии Герцена «О себе». Эти вопросы рассмотрены нами в отдельной публикации (см. настоящий том, стр. 9—55).

ЦЕНЗУРНАЯ ИСТОРИЯ «ИЗ ДАЛЬНИХ ЛЕТ»

Изучение цензурной истории воспоминаний Пассек дает возможность понять, в каких трудных условиях ей приходилось знакомить русское общество с жизнью Герцена, сколько препятствий возникало на ее пути, пока ей не удалось пробить глухую стену цензурного сопротивления. История прохождения записок Пассек через цензуру позволяет также





ЗАПИСНАЯ ТЕТРАДЬ ГЕРЦЕНА 1836 ГОДА

Была куплена Е. С. Некрасовой в 1872 г. «под Сухаревой башней в Москве» и позднее передана в Румянцевский музей

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

объяснить многое в их построении, в особенностях ее рассказа о жизни Герцена, в формах и приемах, с помощью которых она включала в свой текст выписки из Герцена или даже некоторые его произведения в полном виде.

Документальной основой для освещения поставленной темы мы располагаем лишь за время с 1875 по 1886 г. Более ранние эпизоды, в частности первое запрещение 1873 г., в делах цензурного ведомства, хранящихся в ЦГИАЛ, не обнаружены. Единственным источником, позволяющим судить о действиях цензуры в отношении записок Пассек за время с конца 1872 г. до весны 1875 г., являются письма Пассек к Огареву и к М. К. Рейхель.

Когда декабрьская книга «Русской старины» 1872 г., в которой были напечатаны первые две главы записок Пассек, вышла в свет, Семевский писал ей (9 декабря 1872 г.): «...1 декабря вышла в свет почти благополучно первая глава записок ваших. Приняты они публикой, кажется, с интересом...» (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 326).

Пассек восприняла это сообщение с большим удовлетворением и готова была думать, что ей, и притом *только* ей, будет разрешено и в дальнейшем писать о Герцене, его жизни и произведениях. 22 декабря 1872 г./3 января 1873 г. она писала к Рейхель: «Первые главы моих записок вышли благополучно, с ссылками на „Былое и думы", с выписками из них очерков характеров — чего никто не смел и думать, чтобы сделать. Даже фамилию едва смели сказать, а я свободно о нем говорю, и в выражениях самых теплых. Слышу, что приняты записки очень хорошо и читаются с увлечением». И дальше она с гордостью заключала: «Я открыла имени Александра первый свободный вход в Россию — все было тайком или с оглядкой...» (лл. 53 об.—54). 1/13 января 1873 г. она сообщала Огареву: «Первые главы моих воспоминаний прошли благополучно, приняты хорошо, заинтересовали, — желают продолжения. Дальше, по-моему, лучше идет. Это впервые допустили говорить о Саше, — дивятся, как прошло» (л. 3 об.).

Но эти радужные настроения очень скоро исчезли и наступило отрезвление, вызванное первыми тревожными сигналами, которые показали Пассек неосновательность ее оптимизма. Уже в январе из Петербурга в Дрезден пришло к ней письмо Семевского с известием о полученных им от цензуры предостерегающих указаниях. 16/28 января 1873 г. Пассек сообщила об этом Огареву: «О Саше нигде нельзя говорить. У Семевского, конечно, среди моих воспоминаний прошло и идет в февральской книге,— и весь год пойдут мои записки; но я получила письмо от Семевского на днях, которое тебе перешлю (оно теперь в Ниссы, к Ипполиту послано), в котором он мне пишет, что ему *обязательно*, чтобы в моих записках не было никаких выписок из сочинений Саши, а позволяют моими словами некоторые вещи передать — *не политического характера*. Хорошо и то, что можно очертить его, как он есть действительно, говорить о его деятельности, о его сочинениях, о его сердце, умевшем так горячо любить. Хорошо, что можно в России открыто его имя произносить и твое, мой милый Ник...» (л. 20—20 об.).

Итак, внимание цензуры прежде всего было направлено на выписки из сочинений Герцена, самое же упоминание его имени, как и имени Огарева, пока не вызывало возражений. Это-то и позволило Пассек питать иллюзии относительно дальнейшего печатания ее записок. Но эти иллюзии вскоре были рассеяны «цензурной бурей», о предвестиях которой писал ей Семевский.

Распоряжение цензуры с безусловным запрещением упоминать фамилию Герцена было получено Семевским очевидно в конце февраля 1873 г., о чем он немедленно известил Пассек письмом, полученным ею в Дрездене

6 марта. В тот же день она переслала это письмо Огареву. «Редакции *отдан приказ*, — писала Пассек, — имени, то есть фамилии, Саши не упоминать, и проч.; что мне неприятно, это то, что где я в удостоверение истины ссылаюсь на слова Саши, говорю, А. И. Герцен *там-то* вот как говорит, то и этого не допустили, а просто от моего лица *его слова* — это мне просто тяжело, неохотно писать. Что же, кто не знает, подумает?» (л. 49—49 об.). Из дальнейшей судьбы воспоминаний Пассек мы знаем, насколько обоснованными были ее опасения, вызванные тем, что слова Герцена проводились в печатном тексте «Из дальних лет» без всяких ссылок на источник. Достаточно вспомнить хотя бы о тех пренебрежительных замечаниях по этому поводу, на которые так щедр оказался Лемке в своих комментариях к собранию сочинений Герцена.

Несколько дополняет общую картину одновременно написанное письмо Пассек к Рейхель, где она процитировала фразу из не дошедшего до нас письма Семевского: «Я получил приказание или предостережение не печатать в ваших воспоминаниях фамилии Герцена и не допускать о нем восторженных отзывов» (л. 46 об.).

Это распоряжение было немедленно реализовано: еще во второй (февральской) книге «Русской старины» неоднократно упоминалось о «Саше Герцене», но в мартовской книге «крамольная» фамилия уже не встречается.

За этим вторым ударом незамедлительно последовал третий — окончательный: в апрельской книге «Русской старины» читатели не нашли продолжения воспоминаний Пассек — они были запрещены. Сообщая об этом Огареву, Пассек, не понимавшая всей серьезности политической обстановки, сложившейся вокруг личности Герцена, готова была винить в случившемся Семевского: «Редактор „Старины", желая явиться очень либеральным, в моих записках большей частью, что лично меня касалось, пропускал, а сближал все о Саше — вот результат. Лонгинов, главный начальник по делам печати, сказал Семевскому: „Пока шло о детстве Герцена и Яковлевых, я допускал, а теперь, когда он в университете и арест, не допущу его восхвалять и каждого журнала номер остановлю, где будут записки г-жи Пассек"» (л. 60; написано в апреле 1873 г.; точная дата письма неизвестна, так как начало его не сохранилось).

Сведения о том, что запрещение записок исходило непосредственно от Лонгинова, было подтверждено позднее Семевским: «*Лонгинов* запретил печатание записок Т. П. Пассек; после его смерти запрещение было немедленно снято министром внутренних дел *А. Е. Тимашевым*» (РС, 1889, № 9, стр. 645). Эта вторая часть справки Семевского заведомо неверна: Лонгинов умер в январе 1875 г., а печатание записок Пассек оказалось возможным возобновить только с апреля 1876 г.

За три года, прошедшие с момента наложения запрета, было сделано несколько (по большей части безуспешных) попыток преодолеть цензурный барьер. 6 сентября/25 августа 1873 г. Пассек писала Огареву: «Прилагаю тебе на рассмотрение только что полученное мною письмо из редакции „Русской старины" — от М. И. Семевского. Из него узришь, что воспоминания мои опять явятся в печати — там хлопотали и хлопочут еще за них. Печатать будут находящиеся у Семевского главы, где идет речь о тебе, о твоей дружбе с Сашей, и твои „Записки русского помещика" идут» (лл. 26 об.—27). В недатированном письме, которое относится, вероятно, к началу октября того же года, она снова извещала Огарева: «Также писала я тебе, чтобы ты продолжал записки,— они идут в печати; хлопотали, и разрешает цензура продолжать печатать мои записки, с некоторыми условиями — пустыми. Хорошо, что позволяют, мы всё проведем — помаленьку» (л. 32). Но цензура все же «не позволила», и печатание записок в 1873 г. возобновлено не было.

Хлопоты продолжались и в 1874 г. В февральской книге «Русской

старины» удалось напечатать юмористическое объявление, написанное Герценом по просьбе К. И. Зонненберга, озабоченного продажей привезенного им с Кавказа «персидского порошка» — пиретрума. Текст «Рекламы» сопровождался кратким послесловием Пассек, в котором излагалась история написания заметки (см. выше, стр. 618). Очевидно, предполагалось, что за «Рекламой» пройдут беспрепятственно и главы воспоминаний о Герцене. Во всяком случае, еще 15 января 1874 г. Пассек, уже вернувшаяся из-за границы в Петербург, писала Огареву: «Сегодня буду на вечере у Семевского — станут читать мои воспоминанья; кажется, в марте явятся они в „Русской старине", та часть, то есть те главы, где твои записки. Надеюсь, все пройдет» (л. 52—52 об.).

Но и этим надеждам не суждено было осуществиться: последовало новое и притом категорическое запрещение, исходившее от того же Лонгинова. Об этом возмущенная Пассек подробно и откровенно рассказала Огареву в письме от 19 июня 1874 г., посланном из Ясс, где она гостила у Ипполита Пашкова: «В Петербурге, в „Русской старине", напечатали в февральской книге „Рекламу" Александра,— помнишь, о продаже персидского порошка,— с моими объясненьями. Едва прошло три дня, подлец Лонгинов, теперь главный цензор, держал книгу — едва выпустили. В мартовскую стали набирать мои записки — четыре листа было набрано. Тут речь о тебе и вашей юной дружбе, и твои записки шли. Готово было выйти, как Лонгинов велел уничтожить все набранное и отпечатанное и сказал, что моих записок, возбуждающих симпатии к Герцену, он нигде не пропустит. Все это в угоду его другу Каткову, клеветавшему на Сашу, а теперь боятся, что моими записками обличатся их клеветы,— и стали преследовать. Я сказала, что напечатаю за границей, да еще добавлю разными сведениями о Саше, обличающими все клеветы на него» (лл. 54 об.— 55).

В рассказе Пассек об этом не лишенном общего интереса эпизоде обращает наше внимание еще одно обстоятельство. Опираясь, очевидно, на информацию Семевского, очень хорошо осведомленного в закулисных тайнах цензурного ведомства, Пассек со всей определенностью поставила в связь с очередным походом реакции против Герцена появившуюся на страницах «Русского архива» статью Д. Д. Голохвастова (см. о нем выше, на стр. 565). Документальным подтверждением этого мы не располагаем, но у нас нет никаких оснований для отвода этих заявлений Пассек как недостоверных. Во всяком случае, надо отдать должное проницательности Пассек, правильно воспринявшей статью Голохвастова как выпад не только против нее, но и против Герцена и его мемуаров. В уже цитированном нами письме от 19 июня 1874 г. Пассек продолжала свой рассказ о произволе реакции: «Что же ты думаешь? испугавшись этого, вся дрянная компания эта натравила сына Дмитрия Павловича Голохвастова, Дмитрия, написать против уже вышедших моих записок, чтобы подорвать доверие и к тому, что будет сказано, если напечатаю за границей, что все в моих записках, так же, как и в „Былом и думах",— ложь, что это два романа, а не записки, *что не любо не слушай нас с Герценом* и проч. Дерзкую, несправедливую статью сочинили. На это мы отвечаем теперь, конечно, не в их грязном тоне, но с доказательствами истины сказанного мной и Сашей. Вот негодяи-то, друг Ник!» (л. 55—55 об.); этот же рассказ, с незначительными вариантами, был повторен Пассек в письме к Огареву от 18 июля 1874 г. (см. л. 58 об.).

История следующей попытки возобновления записок Пассек раскрывается в документах С.-Петербургского цензурного комитета и в материалах архива «Русской старины». Новая, XV, глава воспоминаний была набрана в составе майской книги «Русской старины» 1875 г. Экземпляры отпечатанной книги 26 апреля были представлены в С.-Петербургский

цензурный комитет. А уже 29 апреля председатель комитета А. Петров сообщил в отношении на имя исправляющего должность начальника Главного цензурного управления по делам печати В. Григорьева о решении комитета исключить «статью г-жи Пассек» из журнала:

«В майской книжке бесцензурного журнала „Русская старина", представленной в Комитет 26 текущего апреля, помещена (стр. 81—100) статья „Воспоминания Т. П. Пассек" 1810—1842 гг., гл. XV. Первые четырнадцать глав были напечатаны в этом же журнале за 1872 и 1873 годы. Во

ДОМ ЛЕРХЕ НА БОЛЬШОЙ МОРСКОЙ (ТЕПЕРЬ УЛИЦА ГЕРЦЕНА, №25) В ПЕТЕРБУРГЕ. ЗДЕСЬ В 1840—1841 гг. ЖИЛ ГЕРЦЕН

Фотография 1946 г.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

всех этих статьях особенное внимание обращают на себя воспоминания о Герцене, близком родственнике г-жи Пассек, относящиеся к его юности. Многие биографические черты, мысли и рассказы, встречающиеся в статье, были уже напечатаны самим Герценом в его заграничных изданиях. Тут же встречаются воспоминания о другом политическом эмигранте, Н. Огареве, и помещено одно из его стихотворений.

Имея в виду высочайшее повеление, объявленное Главным начальником III Отделения собственной его императорского величества Канцелярии в сообщении господину министру внутренних дел от 18 февраля 1871 года, за № 211, о недопущении в печати сочинений государственных преступников и политических эмигрантов, Комитет считает необходимым задержать выпуск в свет майской книжки „Русской старины" впредь до исключения из оной статьи г-жи Пассек и имеет честь представить о сем на благоусмотрение вашего превосходительства» (ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 2, 1869 г., д. № 65, ч. 1, лл. 70, 70а).

Семевский вынужден был изъять из журнала главу записок Пассек и, не желая задерживать выпуск книги, не ввел никакой замены (стр. 81—100 в ней отсутствуют); вслед за этим постановление об аресте было отменено (там же, л. 80).

Уничтоженная глава была сохранена Семевским в архиве «Русской старины». Среди «рукописей, напечатанных в 1875—1878 гг.», там сохранились два последовательных корректурных оттиска главы XV «Воспоминаний» Пассек (ИРЛИ, ф. 265, оп. 1, № 18, лл. 196—203). Сличение этих оттисков между собой и их сопоставление с печатным текстом главы, опубликованной через год (РС, 1876, № 4), позволяет ясно понять, как редакция журнала пыталась приспособить записки к требованиям цензуры, прибегая к различным маскирующим приемам. Так, во второй корректуре набрано примечание от редакции, которого не было в первой корректуре. Оно имело целью представить воспоминания Пассек безобидным нравоописательным произведением, не имеющим никакого касательства к жизни политического эмигранта Герцена. Вот текст этого довольно искусно составленного примечания:

«Первые четырнадцать глав „Воспоминаний Т. П. Пассек“ помещены в „Русской старине“ 1872 и 1873 гг. Продолжительное отсутствие автора было причиною перерыва этих рассказов; цель их — воспроизведение в легких, живых очерках частного и общественного быта высшего московского дворянства почти полвека тому назад. Останавливаясь главным образом на близких своих родственниках и знакомых, шестидесятипятилетняя составительница „Воспоминаний“ не имеет ни малейших претензий придавать им историческое или историко-литературное значение; это не более как нравоописательские эскизы. Бо́льшую часть упоминаемых лиц Т. П. Пассек выводит под уменьшительными, кажется даже вымышленными именами, так как для ее рассказа важны не эти лица, нам совершенно неизвестные, а то, в какой мере выражалось в них поколение того времени, как отражалась та среда, в которой они взросли» (л. 196).

Вопрос о сокращениях и заменах, произведенных в самом тексте главы, освещен в другой нашей работе, где по корректуре перепечатываются и комментируются принадлежащие Герцену отрывки из главы XV «Воспоминаний» Пассек (см. настоящий том, стр. 16—26).

После изъятия из майской книги «Русской старины» XV главы записок начинается новый, затянувшийся почти на год, тур борьбы за их освобождение от запрета. 10 мая 1875 г., Пассек, находившаяся тогда в Одессе, послала письмо на имя министра внутренних дел А. Е. Тимашева. Придерживаясь той же тактической линии, которая была принята ею и Семевским на предыдущем этапе борьбы, она выдвигала в качестве главного мотива то обстоятельство, что ее записки имеют исключительно личный, бытовой характер, а упоминания в них о Герцене не играют существенной роли и совершенно невинны по своему содержанию:

«Милостивый государь Александр Егорович!

На закате дней моих я решилась поделиться с соотечественниками „Воспоминаниями“ о своей почти семидесятилетней жизни. Первые четырнадцать глав этих „Воспоминаний“ несколько лет тому назад были напечатаны в историческом издании „Русская старина“, но так как, говоря о своем детстве, проведенном под одною кровлею с близким моим родственником покойным Герценом, я не могла не упомянуть и о нем, то цензурный надзор стесняется ныне разрешить продолжение печатания „Воспоминаний“ моих.

Ваше высокопревосходительство! Мои „Воспоминания“ не имеют никакой предвзятой мысли превознесения чьей-нибудь личности или

изложения каких-либо политических учений, а просто и искренно излагают факты, относящиеся непосредственно до моей жизни, имея в виду, что таковые мемуары всегда читаются не только с интересом, но и с пользою; о моем же близком родственнике Герцене я говорю (не называя его по фамилии) лишь настолько, насколько моя жизнь соприкасалась с его жизнью, притом в моих „Воспоминаниях" он является только отроком и юношей до конца 1830-х годов, затем моя жизнь разошлась с его жизнью.

Всепокорнейшая просьба, которою я решаюсь утруждать вас, с полной верой, что при просвещенном отношении вашего высокопревосходительства к разработке отечественной истории вы признаете возможным ее исполнить, состоит в следующем: разрешите, ваше высокопревосходительство, печатание моих „Воспоминаний", с соблюдением общих правил, на этот предмет установленных законом...» (ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 11, 1875 г., ед. хр. 64, лл. 1—2).

Тимашев счел возможным не настаивать на запрещении записок Пассек. На полях документа имеется его карандашная помета: «Если „Воспоминания" действительно так невинны в политическом отношении, то не вижу причин к запрещению. 21 мая» (там же, л. 1). В его официальном ответе Пассек, датированном 7 июня, сообщалось «что к напечатанию „Воспоминаний", с соблюдением общих, установленных по цензуре правил, не может встретиться никаких препятствий. В предупреждение же задержек со стороны цензуры в случае напечатания этого сочинения без предварительного ее рассмотрения, оно может быть представлено до напечатания на рассмотрение предварительной цензуры» (там же, л. 3).

Вежливую формулу «может быть представлено» нужно было понимать в смысле «должно быть представлено». Таким образом, в изъятие из общего положения о «толстых журналах», в том числе и о «Русской старине», освобожденных от предварительной цензуры, воспоминания Пассек отдавались в ведение этой предварительной цензуры — обстоятельство, которое намного осложнило дальнейшую их судьбу: провести «зубров» из Цензурного комитета оказалось труднее, чем Тимашева.

5 сентября 1875 г. шесть рукописных тетрадей «Записок г-жи Пассек» поступили в С.-Петербургский цензурный комитет. В журнале заседаний Комитета от 10 сентября сохранился доклад цензора Ратынского об этой рукописи, который приводим в сокращенном виде.

«Содержание этой рукописи, взятое само по себе, без отношения к описываемым в ней лицам, не представляет ничего противного цензурным правилам, кроме двух-трех мест, которые могут быть исключены без всякого ущерба для достоинства сочинения. Г-жа Пассек,— вдова умершего в Москве в 1842 г. литератора Вадима Васильевича Пассека,— рассказывает о годах своей молодости, проведенных частью в Москве в доме дяди, частью в Корчевском уезде Тверской губ. у отца и мачехи (тетради 1 и 2-я), о семействе Пассек и несчастиях, которые вынесло оно 〈...〉 Но главное лицо в этих воспоминаниях, вокруг которого сгруппированы все события и которое придает особый интерес рассказу, есть товарищ молодости г-жи Пассек, сын ее дяди — Александр. Из его писем и заброшенных им листов приводятся целые выписки, например о холерном годе в Москве и о московском университете в начале 30-х годов. В них, как сказано выше, нет ничего противоцензурного, за исключением двух-трех мест. Поэтому, казалось бы, что разбираемая рукопись должна быть разрешена к напечатанию 〈...〉 За всем тем, однакож, при цензурном рассмотрении сказанной рукописи необходимо принять в соображение следующее обстоятельство: автор „Воспоминаний" г-жа Пассек есть та „*корчевская кузина*", о которой упоминается в записках Герцена, известных под названием „Былое и думы"; дядя Иван Алексеевич, у которого

она гостила в Москве, есть отец Герцена И. А. Яковлев; часто упоминаемый *Ник* есть Н. П. Огарев — известный эмигрант и поэт; ему же принадлежат некоторые из стихотворений, вставленных в текст рассказа г-жи Пассек. В „Воспоминаниях" встречаются места, почти тождественные с описанием одних и тех же событий в „Былом и думах", например поездка в с. Васильевское и пребывание там семейства И. А. Яковлева; холерный год и описание московского университета. Вероятно, найдутся и другие подобные места, но* цензор, не имея под рукой экземпляра „Былого и дум", не может указать на них. Наконец, та даровитая и симпатичная личность, около которой вертится нить рассказа, есть А. И. Герцен. Г-жа Пассек называет его то Сашей, то Александром, то И—ром; в этом последнем сокращении не трудно открыть литературный псевдоним Герцена — Искандер.

Вследствие всего вышеизложенного и в виду высочайшего повеления, объявленного февраля 18 дня 1871 года, о недопущении к выходу в свет сочинений политических эмигрантов, какого бы содержания они ни были и в каком бы виде они ни издавались, цензор не может принять на свою личную ответственность пропуск в печать „Воспоминаний г-жи Пассек" и имеет честь представить о том на разрешение Комитета. К сему он считает долгом присовокупить, что в рукописи те немногие места, которые по содержанию своему должны быть исключены безусловно, подчеркнуты *красным карандашом — подстрочно*, а те, которые или сходны с описаниями самого Герцена, или прямо принадлежат ему и Огареву, означены красным карандашом *на полях*...» (ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 3, 1875, ед. хр. 49, лл. 3—4).

На основании этого доклада С.-Петербургский цензурный комитет вынес решение запретить печатание записок, о чем и было сообщено 12 сентября в Главное управление по делам печати (ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 11, д. № 64, 1875, л. 7 об.).

Как явствует из приведенной цензором мотивировки этого решения, и на этот раз основанием для запрета явились выдержки из произведений Герцена и Огарева, включенные Пассек в ее записки. Отказаться от этого— означало бы лишить записки их главного значения, отречься от цели, ради которой они составлялись. Естественно, что в дальнейшем все старания Пассек были направлены на то, чтобы завуалировать эти выдержки, сделать их возможно менее заметными. Из сказанного мы имеем право сделать вывод, что цензурное преследование записок Пассек, в сущности, было преследованием сочинений Герцена и Огарева.

К рассмотрению вопроса о судьбе записок Пассек было привлечено и всемогущее III Отделение: 9 октября 1875 г. Н. В. Мезенцев, бывший тогда товарищем шефа жандармов и главного начальника III Отделения, извещал начальника цензурного ведомства В. В. Григорьева о мнении генерал-адъютанта Потапова, который «находит заключение С.-Петербургского цензурного комитета по поводу „Воспоминаний" г-жи Пассек совершенно правильным и не признает возможным дозволить эти воспоминания к печати в полном их объеме». За этим следовала характерная оговорка, гласившая: «Генерал-адъютант Потапов не встречает препятствия к разрешению напечатать настоящие воспоминания г-жи Пассек с исключением из рукописи всех тех мест, которые подчеркнуты цензором красным карандашом, как подлежащие безусловному исключению, а также и тех мест, которые означены красным карандашом на полях, если г-жа Пассек изъявит на это согласие» (там же, л. 10).

---

* В рукописи конец фразы от слова «но» зачеркнут синим карандашом и этим же карандашом сделана следующая вставка: «вероятно, при тщательном сличении с заграничным изданием Герцена оказалось бы много подобных мест».

Саше Герцену от автора
1873 года 5 февр.

ИЗЪ РАННИХЪ ЛѢТЪ, ИЗЪ ЖИЗНИ ДАЛЬНЕЙ.

Воспоминанія Т. П. Пассекъ.

1810—1842.

Кто имѣетъ право писать свои воспоминанія?
Всякій.
Потому что никто не обязанъ ихъ читать.
Я

Давно уже замѣчено, что русская литература весьма бѣдна записками женщинъ. Даже въ послѣднее время, когда на „Воспоминанія" явилось нѣчто въ родѣ моды, и то русская женщина рѣдко принимается за перо, не обнародовываетъ своихъ записокъ и охотнѣе вступаетъ въ литературу съ повѣстями и даже романами. Между тѣмъ, прошлое, пережитое нашимъ обществомъ, представляетъ обширное поле для наблюдательности женщины образованной, одаренной болѣе или менѣе художническимъ чутьемъ и впечатлительнымъ сердцемъ. Своеобразныя черты нравовъ разныхъ слоевъ нашего общества, встрѣчи и столкновенія съ людьми замѣчательными на тѣхъ или другихъ поприщахъ, факты историческіе и явленія общественныя, — все это даетъ богатый матеріалъ для разсказа занимательнаго, хотя бы простаго и безъискуственнаго. Нынѣ предлагаемыя „Воспоминанія", какъ намъ кажется, до нѣкоторой степени, восполняютъ указанный пробѣлъ...

Татьяна Петровна Пассекъ, вдова нѣкогда довольно извѣстнаго, даровитаго писателя Вадима Васильевича Пассека († 1842 г.), съ младенчества своего была поставлена въ среду *богатѣйшей древне-дворянской фамиліи*, старшимъ представителемъ которой былъ отецъ ея матери, Натальи Петровны Кучиной, генералъ Петръ Алексѣевичъ Яковлевъ. Эта фамилія, въ мужской вѣтви, нынѣ угасла. Въ свое же время, *то-есть въ концѣ прошлаго* и въ первыя десятилѣтія теку-

1

Дѣйствительно, это былъ ребенокъ худой, блѣдный, съ рѣдкими, длинными, бѣлокурыми волосами, съ большими, темно-сѣрыми глазами, *въ которыхъ порой блестѣли искры*, и рано засвѣтилась мысль. Не взирая на его чрезмѣрную живость, онъ рѣдко улыбался, шалилъ, ломалъ, шумѣлъ съ серьезнымъ видомъ, какъ-будто дѣлая дѣло. Часто, бросивши игрушки, онъ останавливалъ взоръ на одномъ предметѣ, и какъ бы вдумывался во что-то. Чувствуя нерасположеніе къ себѣ родныхъ со стороны отца своего, несмотря на ихъ видимое вниманіе, онъ и самъ ихъ не любилъ, и старался *избѣгать ихъ присутствія*. Въ особенности онъ старательно удалялся отъ княгини Маріи Алексѣевны Хованской, которая, изъ любви къ брату Ивану и по долгу христіанки, какъ она выражалась, желая сколько-нибудь исправить избалованнаго ребенка, всякій разъ, какъ только онъ попадался ей на глаза, читала ему правоученія и пугала его, говоря, что до нея доходятъ слухи, какъ онъ капризничаетъ и никого не слушаетъ, и что, если это правда, то она его запретъ *въ свой ридикюль* или табакерку. Потомъ, обращаясь къ брату, прибавляла: «отдай-ка мнѣ своего баловника на исправленіе, я его сдѣлаю шелковымъ». Александръ боялся ее до смерти, иногда достаточно было сказать: «Вотъ постойте, я скажу княгинѣ, что вы не слушаетесь», и онъ дѣлался шелковымъ.

Всѣ видѣли въ «Шушкѣ» только баловня, изъ котораго не будетъ никакого толка, но никто не умѣлъ, изъ-за баловства, разсмотрѣть, сколько ума, добродушнаго юмора и нѣжности было въ этомъ ребенкѣ. Никто не обратилъ вниманія на врожденныя ему чувства деликатности и человѣколюбія, которыя, не взирая на эгоистическую, полную деспотизма среду, въ которой онъ росъ и развивался и въ которой могъ быть первымъ деспотомъ, были въ немъ такъ сильны, что онъ рано почувствовалъ, а вскорѣ и понялъ все отталкивающее окружавшаго его міра, сочувствовалъ всему угнетенному, до слезъ возмущался несправедливостью, постоянно нуждался въ сердечномъ привѣтѣ, страстно, беззавѣтно отдавался чувству дружбы и любви, и умѣлъ сохранить эти свойства души. ×

Одинъ Иванъ Алексѣевичъ понималъ его, понималъ содержавшіяся въ немъ возможности и старался развить въ немъ сдержанность. Разъ, когда Александру было лѣтъ четырнадцать, вечеромъ,

ОТТИСК ИЗ ДЕКАБРЬСКОЙ КНИЖКИ «РУССКОЙ СТАРИНЫ», 1872 г., ГДЕ НАЧАЛИ ПЕЧАТАТЬСЯ «ВОСПОМИНАНИЯ» Т. П. ПАССЕК

Экземпляр с дарственной надписью А. А. Герцену и восстановленными рукой автора цензурными купюрами
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Это требование, немедленно доведенное до сведения редактора «Русской старины», нельзя было игнорировать. В переработанном виде, со всеми требуемыми изъятиями и изменениями, рукопись «Записок» (на этот раз только две тетради — с главами XV и XVI *) поступила 5 декабря 1875 г. в цензуру. Приводим доклад о ней, сделанный тем же цензором Ратынским на заседании С.-Петербургского цензурного комитета 17 декабря 1875 г.:

«Главы эти не заключают в *содержании* своем ничего противного цензурным правилам, почему цензору не представилось никаких оснований подчеркнуть в них красным карандашом какие-либо неудобные в печати места, подобно тому, как это сделано в предшествовавших главах. Цензор считает долгом повторить то же, что им сказано в отчете о главах предыдущих: все воспоминания г-жи Пассек вертятся около одного лица *Саши*, на котором сосредоточивается весь интерес рассказа; г-жа Пассек описывает, между прочим, такие события, которые касаются исключительно одного Саши, а нисколько ее самой; например, она описывает, как он вместе с приятелем своим *Ником* обедал на Святой, под Новинским у Яра; как он прогуливался с женою на Воробьевых горах; его чувства и мысли при виде панорамы Москвы; его воспоминания о Витберге, известном архитекторе, которого Герцен, удаленный в г. Вятку, застал там в изгнании. Также все содержание XVI главы, посвященной описанию московского университета начала тридцатых годов, нисколько не относится и не может относиться к личным воспоминаниям г-жи Пассек: как могла она слушать университетские лекции, определять относительные достоинства тогдашних профессоров, участвовать в студенческих пирушках и шалостях? Она себе этого и не приписывает, говоря исключительно о Саше и его студенческой жизни. А так как этот Саша (что объяснено в первом докладе) есть ее двоюродный брат *Александр Иванович Герцен*, то всю эту главу следует признать сокращением и *перифразом* собственных воспоминаний Герцена; именно перифразом, а не выписками *слово в слово*, как это сделала г-жа Пассек в некоторых местах своих прежних воспоминаний. Что касается *содержания* этих двух глав, то в них, как замечено выше, не находится ничего такого, что могло бы быть признано вредным или не согласным с цензурными постановлениями.

В заключение цензор считает обязанностью доложить, что стихотворение, которым заканчивается XIV глава, —

„Старый дом, старый друг, посетил я
Наконец в запустенье тебя“ и проч.—

принадлежит приятелю Герцена, известному эмигранту *Николаю Платоновичу Огареву*, который в разных местах „Воспоминаний“ г-жи Пассек упоминается под именем *Ника*. Хотя совершенно невинное по содержанию, стихотворение это не может быть допущено в печать на основании высочайшего повеления 18 февраля 1871 года» (ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 3, 1875 г., ед. хр. 49, лл. 7 и 8).

Таким образом, цензор счел возможным допустить к печати «Записки» потому, что в них дословное цитирование сочинений Герцена было заменено их свободным «перифразом». Обстоятельство это в значительной мере реабилитирует Пассек: вспомним, что бóльшая часть язвительных замечаний Лемке по ее адресу была вызвана именно ее «вольным» обращением с текстами Герцена.

---

* В документах названы XIV и XVI главы, но это очевидная ошибка: XIV глава была последней, на которой оборвалась публикация в 1873 г.

Но благоприятное мнение цензора не имело решающего значения. Цензурный комитет вынес решение запретить выпуск «Записок» в свет, указав, что «допущение их к печати, несмотря на цензурность содержания, было бы в противоречии, если не с буквою, то с мыслию вышеприведенного высочайшего повеления» (ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 11, д. № 64, 1875 г., лл. 13—15).

Вслед за тем Главное управление по делам печати снова запросило мнение III Отделения, откуда 24 января 1876 г. пришел ответ, в котором сообщалось, что «со стороны III Отделения собственной его величества канцелярии к напечатанию этих записок не встречается препятствий, но с тем, чтобы из них было исключено все то, что Цензурным комитетом признано будет неудобным для печати» (там же, лл. 16 и 17).

На этом драматическая история цензурных мытарств «Записок» Пассек закончилась: путь на страницы «Русской старины» был для них открыт. Начиная с апрельской книги журнала за 1876 г., печатание глав «Из дальних лет» было возобновлено, причем в оглавлении книги к заглавию «Воспоминания Т. П. Пассек» было сделано характерное добавление: «Очерки московского дворянского быта».

Отсутствие рукописей XV и XVI глав не дает возможности точно установить, какие купюры были в них сделаны по требованию цензуры. Только некоторые частичные данные можно извлечь из сопоставления печатного текста XV главы с ее текстом, сохранившимся в корректурах набора, который был сделан для майской книги 1875 г. (см. настоящий том, стр. 18—20). По приведенным там примерам можно судить о характере приспособления воспоминаний в целом к требованиям цензуры. Можно предполагать, что и в других главах изъятию подвергались все места, где речь шла о борьбе, юношеском свободомыслии, политических мечтах Герцена и его друга.

В печатном тексте были исключены все прямые указания на принадлежность Герцену отрывков, введенных Пассек в текст XV главы. Всюду в главе, где раньше выписки из Герцена давались со ссылкой на «брошенные листки», эта ссылка исчезла; кавычки, обозначавшие заимствованный текст, были сняты; изложение (почти всюду) было переведено из первого лица в третье. В одном случае взамен указания на «брошенные листки» Саши появилась специально сочиненная для маскировки ссылка: «Я с юных лет, от времени до времени, писала свой дневник. Перебирая бумаги, мне попались давно заброшенные листки дневника, и это давнопрошедшее утро прошло перед моим внутренним взором со всеми его впечатлениями» (РС, 1876, № 4, стр. 818).

Эта замена имеет большое значение для выявления герценовских текстов в «Записках» Пассек вообще, поскольку в ряде других случаев она применяла аналогичные приемы, прикрывая вымышленными ссылками свои заимствования из печатных и рукописных сочинений Герцена. Так, ссылкой на тот же мифический дневник был мотивирован рассказ, напечатанный Лемке под произвольным заголовком «Арест и высылка» (I, 180—186). Текст главы «Последний праздник дружбы» давался в «Русской старине» с таким указанием на источник: «Из заметок, найденных в бумагах покойного моего мужа, я имею сведения об этом вечере. Вот эти заметки» (1876, № 7, стр. 512) *. В других случаях Пассек вводила упоминание об «одном из наших талантливых писателей» или об «одном из талантливых молодых людей этого кружка»; наконец, встречаются и ссылки на якобы устные высказывания Саши, под прикрытием которых также даются выписки из сочинений Герцена.

---

* В отдельном издании несколько иначе: «Из заметок, найденных мной в бумагах Вадима и одного из его товарищей, вот что сказано об этом вечере» (П., т. I, стр. 416).

Все эти приемы камуфляжа, которые Лемке презрительно расценивал как результат безответственной игры фантазии Пассек, предстают теперь перед нами в своем истинном свете. Заметим попутно, что в отдельном издании своей книги Пассек заменила подобными же формулами прямые ссылки на Герцена, дававшиеся ею раньше, в первых главах, при их публикации в «Русской старине» 1872—1873 гг. Ограничимся для подтверждения этого только одним примером из главы IV, куда введена была характеристика Сенатора, взятая из «Былого и дум». Справка в тексте «Русской старины» — «как говорил потом Александр» (1872, № 12, стр. 628) — была заменена в отдельном издании следующим подстрочным примечанием: «Один из наших талантливых писателей ярко очертил членов фамилии Яковлевых, окружавших детство и юность мою и Саши. После характеристики этих личностей, начертанных с необыкновенной жизнью и верностью его мастерским пером, я не решилась говорить о них с этой стороны, а так как обойти этого не могла, то и позволила себе воспользоваться несколькими отрывками из записанных им характеристик и событий по их общности с моей жизнью и жизнью Саши» (П., т. I, стр. 71).

Возвращаясь к обзору цензурной истории воспоминаний Пассек, мы должны сказать, что, начиная с 1876 г., печатанье их проходило беспрепятственно. Сохранившиеся в делах С.-Петербургского цензурного комитета доклады цензоров об отдельных книгах «Русской старины» с главами «Из дальних лет» не содержат запрещения (ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 2, 1869 г., д. № 65, ч. 1, лл. 108—109, 114—115). Только в одном случае, в отношении главы XXXI, посвященной Грановскому и включавшей в себя две статьи Герцена о публичных лекциях его друга, заимствованные Пассек из «Московских ведомостей» 1843 г. и «Москвитянина» 1844 г., по докладу цензора Лебедева Цензурный комитет вынес решение задержать июльскую книгу «Русской старины» за 1877 г. (там же, ф. 776, оп. 4, 1869 г., д. 342, лл. 78—80). Однако это запрещение было, повидимому, отменено высшей инстанцией, потому что книга благополучно вышла в свет с обеими статьями Герцена и даже с примечанием от редакции, в котором сообщалось, что обе статьи даются по печатным оттискам, полученным Т. П. Пассек от самого автора.

В 1878—1879 гг. воспоминания «Из дальних лет» вышли отдельным изданием (тт. I и II), в значительно расширенном и дополненном, по сравнению с журнальными публикациями, виде, не вызывая, на этот раз, возражений со стороны цензуры (см. доклад цензора Ратынского о втором томе, датированный 29 сентября 1879 г. — ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 3, 1875 г., д. № 49, лл. 13—14).

После выхода в свет двух томов «Из дальних лет» работа Пассек над ее воспоминаниями не прекратилась. В 1881 г. в первых пяти номерах журнала «Полярная звезда», издававшегося Салиасом де Турнемир, появилось несколько новых глав, посвященных Огареву. В дальнейшем эти главы не были включены в третий том «Из дальних лет» и вообще никогда не перепечатывались. В июльской книге «Русской старины» 1882 г. появились две главы, обозначенные как XXXVII и XXXVIII, что указывает на отсутствие у автора в тот момент плана подготовки и выпуска третьего тома. И лишь в феврале 1886 г., в «Русской старине» была опубликована новая глава «В Швейцарии», обозначенная: «Часть III, гл. I». Последующие главы, вошедшие затем в третий том, печатались (с перерывами) в течение 1886—1887 гг.

Цензурных материалов по этим главам почти не сохранилось, но их содержание позволяет судить о существенных изменениях, происшедших с конца семидесятых годов. Личность и деятельность Герцена и Огарева все дальше уходили в историю, теряя, вместе с тем, в глазах правящих

кругов России свою политическую опасность. Этим, видимо, и можно объяснить появление на страницах «Русской старины» в составе воспоминаний Пассек рассказа о свидании ее с Огаревым в 1873 г. с приведением его писем к ней и нескольких его стихотворений, а также его поэмы «Радаев». В прежние годы была бы невозможна и публикация полученных Пассек воспоминаний Н. А. Тучковой-Огаревой, включающих в себя большое количество писем Герцена и Огарева сороковых-пятидесятых годов, и, конечно, совершенно немыслимо было опубликование многих писем Герцена к Огареву 1866—1870 гг. (см. о них стр. 603—604).

В делах С.-Петербургского цензурного комитета сохранились документы, относящиеся к пропуску в печать ноябрьской и декабрьской книг «Русской старины» 1886 г., где начата была публикация этих поздних писем Герцена к его другу. В заседании Комитета от 13 октября 1881 г. было заслушано донесение цензора Ведрова, который отмечал, что содержание новой главы воспоминаний Пассек «состоит из жизнеописания А. И. Герцена», что в ней рассказывается об основании типографии, о появлении в свет „Полярной звезды" и „Колокола"». По поводу же самих писем Герцена цензор писал: «Резкие и неприязненные суждения о России и русских не прекратились и в последние годы его жизни, достаточно прочесть две страницы, полные злости и отвратительного цинизма» (ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 2, 1869 г., д. 65, ч. 1, л. 431 об.— 432). Цензор ссылался здесь на стр. 328 и 329, где было помещено письмо от 2 мая 1868 г., содержащее много резких выпадов против «молодой эмиграции» (XX, 266—267). Разумеется, это замечание цензора было вызвано не желанием взять под защиту революционную эмиграцию конца 60-х годов — блюстителя общественных нравов смутили «крепкие» выражения, употребленные Герценом.

Еще более суровыми были замечания того же цензора по поводу декабрьской книги «Русской старины», где продолжалось печатание V главы. Характер доклада цензора выясняется из письма, которое было направлено председателем Комитета 27 ноября 1886 г. в Главное управление по делам печати:

«Цензор, рассматривающий журнал „Русская старина", доложил комитету, что в декабрьской книжке сего издания, представленной в комитет 25-го декабря, особенное внимание обращает продолжение воспоминаний г-жи Пассек, под названием „Из дальних лет" — часть III, глава V. Статья всецело посвящена жизни известного демократа-эмигранта Александра Герцена. Переписка Герцена с Огаревым хотя и доказывает отчасти упадок той энергии, какая воодушевляла в начале этих революционеров, но заключает в себе еще много цинизма, хвастливости и обнаруживает тот ход революционной пропаганды, какой был издавна веден ими без соблюдения скромности в названии фамилий лиц, им сочувствующих. Резкие и немногим известные названия и слова скрыты под точками. Несмотря на это встречаются такие странные изречения:

На стр. 660: „Смотри, как бог-то иронию загибает".

На стр. 679: „Ах, старче, ведь чудны дела господни, на душе скребет, а все же жизнь-то смешна".

На стр. 682: „Не забудь Бакунина спросить насчет 50 тысяч революционеров в России".

На стр. 684: „И. С. Тургенев читал „Полярную звезду" и расчувствовался, в силу чего избрал день смерти Николая Павловича, чтобы снова завести корреспонденцию".

На стр. 687: „Молитву получил; конечно, смешно — но per che?" *

Много ехидства рассыпано во всей статье умирающего революционера.

* зачем? (итал.).

Цензор находит в ней какое-то благоговение к памяти лица, затронувшего все основы русской жизни, как несогласные с его миропониманием, и указание на способы противодействия (в подробностях переписки), и полагает, что обнародованием такой статьи и в бесцензурной прессе может повлиять на бурную молодежь, жадно ищущую себе опоры в прежних деятелях. Еще недавно журналы „Колокол" и „Полярная звезда" были поводом к преследованиям — теперь же спокойно обсуждаются их издание, польза от них и т. п. ...» (ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 4, 1863 г., д. 372, лл. 150, 151).

Казалось бы, что после подобного доклада можно было ожидать только одного решения — запретить! Но, повидимому, в Комитете верх взяло другое мнение, и было вынесено благоприятное для автора записок и для журнала решение: «По выслушании изложенного, Комитет пришел к заключению, что настоящая часть воспоминаний г-жи Пассек, замечательная в цензурном отношении, как вся посвященная письмам, принадлежащим известному, давно умершему эмигранту, но не представляет достаточных оснований к задержанию книжки журнала, о чем и имеет честь представить на благоусмотрение Главного управления по делам печати» (там же, л. 151). Ответ Главного управления нам неизвестен, но, очевидно, он был положительным: декабрьская книга «Русской старины» вышла в свет с материалами Пассек, но отмеченные цензором места были исключены. Впоследствии Лемке, печатая письма Герцена к Огареву, сверил их тексты с подлинниками Пушкинского дома и архива семьи Герцена (см. XX, 391; XXI, 240, 317 и 329). Только в одном случае, при печатании письма от 20 февраля 1869 г. (XXI, 296), помещенного в «Русской старине» на стр. 682, Лемке располагал неполным подлинником письма, сохранившимся в архиве семьи Герцена, и мог сверить только первую половину текста. Вторая же дана им по третьему тому «Из дальних лет». Таким образом, приведенный нами документ дает возможность восстановить в этом письме цензурную купюру: «Не забудь Бакунина спросить насчет 50 тысяч революционеров в России». К сожалению, остается неизвестным место, которое занимала эта фраза в подлинном письме, но можно предположить, что она заканчивала письмо.

После этого цензурного эпизода печатание писем Герцена в воспоминаниях Пассек было благополучно завершено, если не считать изъятий, произведенных «домашней цензурой» детей Герцена, о чем уже было сказано в другом месте настоящей статьи (см. стр. 608 настоящего тома).

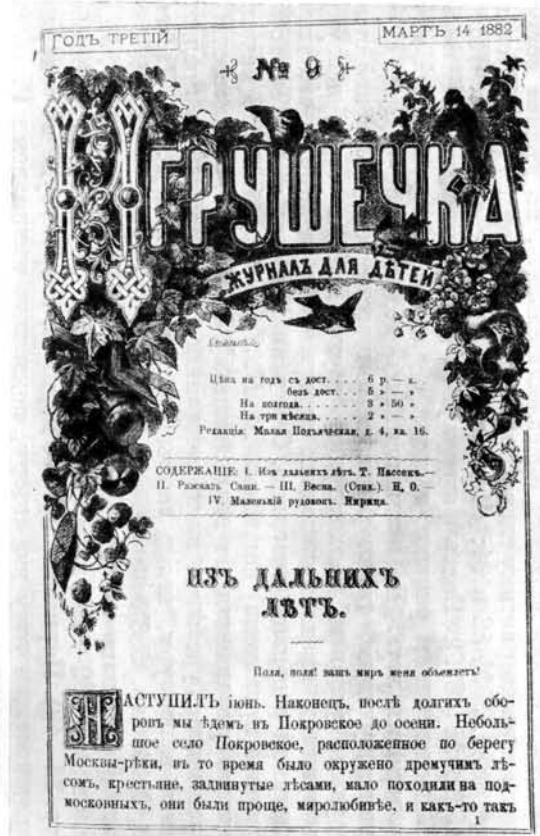
В октябре 1887 г. журнальная публикация последних глав «Из дальних лет» была закончена, и Пассек приступила к подготовке отдельного издания третьего тома. Несмотря на преклонный возраст и тяжелую болезнь, она сумела довести эту работу до конца. Но книга вышла в свет уже после ее смерти, с прибавлением нескольких глав, найденных среди бумаг покойной.

Так был завершен многолетний труд, истинное значение которого мы имеем теперь возможность оценить вполне объективно, без ненужной идеализации, но и без всякого предвзятого мнения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Произведенный нами анализ «Воспоминаний» Пассек и составных элементов, в них входящих, позволяет нам ответить на вопрос об общественном и историческом значении этой книги, долгие годы сохранявшей широкую популярность в читательских кругах.

Сочувственное отношение эта книга встретила со стороны людей, близко знавших Герцена.



ГОДЪ ТРЕТІЙ МАРТЪ 14 1882

№ 9

ИГРУШЕЧКА

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

Цѣна на годъ съ дост. . . . 6 р. — к.
безъ дост. . . 5 » — »
На полгода. . . . . 3 » 50 »
На три мѣсяца. . . . . 2 » — »
Редакція: Малая Пушкарская, д. 4, кв. 16.

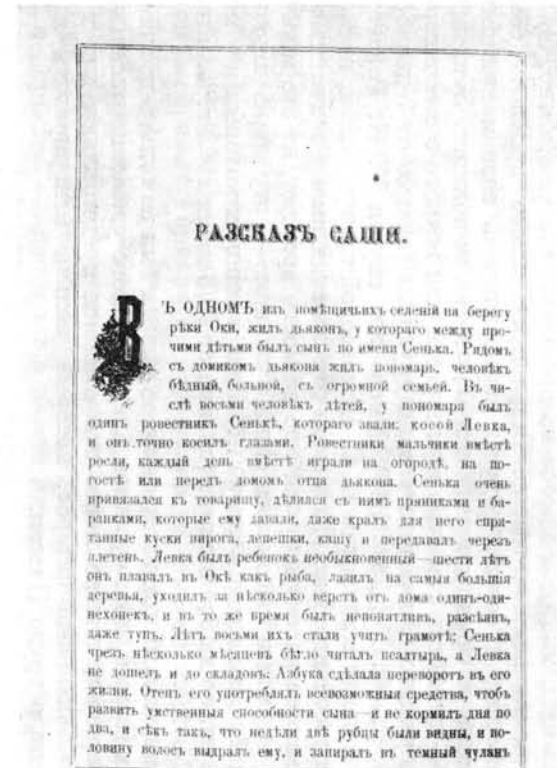
СОДЕРЖАНІЕ: I. Изъ дальнихъ лѣтъ. Т. Пассекъ.— II. Разсказъ Саши. — III. Весна. (Стих.). Н. О. IV. Маленькій рудокопъ. Кирилл.

ИЗЪ ДАЛЬНИХЪ ЛѢТЪ.

Поля, поля! вашъ міръ жена объемлетъ!

НАСТУПИЛЪ іюнь. Наконецъ, послѣ долгихъ сборовъ мы ѣдемъ въ Покровское до осени. Небольшое село Покровское, расположенное по берегу Москвы-рѣки, въ то время было окружено дремучимъ лѣсомъ, крестьяне, задвинутые лѣсами, мало походили на подмосковныхъ, они были проще, миролюбивѣе, и какъ-то такъ

1



РАЗСКАЗЪ САШИ.

ВЪ ОДНОМЪ изъ помѣщичьихъ селеній на берегу рѣки Оки, жилъ дьяконъ, у котораго между прочими дѣтьми былъ сынъ по имени Сенька. Рядомъ съ домикомъ дьякона жилъ пономарь, человѣкъ бѣдный, больной, съ огромной семьей. Въ числѣ восьми человѣкъ дѣтей, у пономаря былъ одинъ ровесникъ Сенькѣ, котораго звали: косой Левка, и онъ точно косилъ глазами. Ровесники мальчики вмѣстѣ росли, каждый день вмѣстѣ играли на огородѣ, на погостѣ или передъ домомъ отца дьякона. Сенька очень привязался къ товарищу, дѣлился съ нимъ пряниками и бараньками, которые ему давали, даже кралъ для него спрятанные куски пирога, лепешки, кашу и передавалъ черезъ плетень. Левка былъ ребенокъ необыкновенный—шести лѣтъ онъ плавалъ въ Окѣ какъ рыба, лазилъ на самыя большія деревья, уходилъ за нѣсколько верстъ отъ дома одинъ-одинехонекъ, и въ то же время былъ непонятливъ, разсѣянъ, даже тупъ. Лѣтъ восьми ихъ стали учить грамотѣ; Сенька чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ бѣгло читалъ псалтырь, а Левка не дошелъ и до складовъ. Азбука сдѣлала переворотъ въ его жизни. Отецъ его употреблялъ всевозможныя средства, чтобъ развить умственныя способности сына—и не кормилъ дня по два, и сѣкъ такъ, что недѣли двѣ рубцы были видны, и половину волосъ выдралъ ему, и запиралъ въ темный чуланъ

ЖУРНАЛ ДЛЯ ДЕТЕЙ «ИГРУШЕЧКА», ИЗДАВАВШИЙСЯ Т. П. ПАССЕК, №9, 1882 г.
Здесь напечатан отрывок «Воспоминаний» Пассек и рассказ о Левке из «Доктора Крупова» Герцена

Таким был прежде всего Огарев, который писал А. А. Герцену в письме от 18 февраля б. г.: «...Я нахожу, что ее записки превосходны» (неизд.— «амстердамская коллекция»).

Т. А. Астракова, познакомившись с новыми главами записок Пассек, напечатанными в «Русской старине» за октябрь и ноябрь 1886 г., поделилась своими впечатлениями с Н. А. Тучковой-Огаревой: «Чтение их воскресило в памяти многое и многое из прошлого, что уже, было, позатянуло туманом жизненных тревог. Все недосказанное прочлось само собою между строк, и сердце и душа переполнились воспоминаниями. Да, спасибо ей за ее труд, который она мастерски выполняет. Завидный у нее талант, — немногие так ясно и интересно для всякого сумеют передать то, что пережито и перечувствовано другими» (письмо от 7 декабря 1886 г. — ЛБ, Г.—О. IX, 23, № 10). Много лет спустя М. К. Рейхель, перечитавшая в связи с запросом Е. С. Некрасовой книгу Пассек, писала о ней своей корреспондентке: «Для меня эти заметки имеют захватывающий интерес, многое рассказывается еще до моего времени, но это многое было мне по изустным рассказам сильно знакомо — эту зарю юности А. И. и ее самой, отношение к нему 〈...〉 Есть и вещи, к которым я у ней не симпатизирую, но да бог с ними» (письмо от 19/6 июня 1902 г.; там же, Некр. I, 4, № 18).

Хотя положительный тон этих откликов вызван был не только достоинствами записок Пассек, но и чувством благоговейного уважения писавших к личности Герцена, тем не менее эти отклики представляют для нас и известный объективный интерес, который нельзя игнорировать при общем суждении о труде Пассек.

В журнальной критике конца семидесятых — начала восьмидесятых годов книга Пассек встретила разноречивую оценку. Либеральная пресса («Русские ведомости», «Неделя» и др.) в ряде некрологов, вызванных смертью Пассек, давала в общем благожелательную, но крайне общую и бесцветную характеристику главного труда всей ее жизни (см. «Русские ведомости», 1889, №№ 86 и 91; «Неделя», 1889, № 14; ср. также «Новое время», 1889, № 4696). Более развернутые и принципиальные отзывы появились десятилетием раньше, в связи с выходом в свет первых двух томов «Из дальних лет». Не останавливаясь подробно на отзыве «Русской старины», укажем, что ее рецензия интересна тем, что в ней отмечались трудные условия прохождения труда Пассек через цензуру. Объясняя причины продолжительных перерывов в печатании его глав, автор анонимной рецензии (очевидно, Семевский) писал: «...Они зависели от воли (вернее произвола) покойного *М. Н. Лонгинова* (бывшего начальника Главного управления по делам печати), который, по неизвестным нам соображениям, урезывал из напечатанного уже текста, по предъявлении книги в цензуру, целые листы из воспоминаний Т. П. Пассек» (РС, 1879, № 3, стр. 586).

Журнал «Дело» напечатал две рецензии (на первый том — 1879, № 4, Новые книги, стр. 89—100, на второй том — 1880, № 2, Современное обозрение, стр. 38—49). Первая из них без подписи; вторая, судя по содержанию, принадлежащая тому же автору, подписана инициалами Г. Б. (то есть Г. Е. Благосветлов). Признавая, что «„Воспоминания“ г-жи Пассек принадлежат к лучшим произведениям нашей мемуарной литературы», рецензент видит их главный недостаток в том, что «добрая половина» их «наполнена такими подробностями, которые решительно не имеют никакого общественного значения...». В первом томе он одобряет только те страницы, где рисуется «крепостная атмосфера, среди которой выросла г-жа Пассек». Второй том, по его признанию, «богаче фактами, полнее содержанием», «самый фон исторической картины раздвигается и в ширину и в глубину, одним словом, семейная хроника переходит в общую бытовую

картину». Но это признание не мешает Благосветлову дальше говорить о «бедности фактов» и «бесцветности воспоминаний» в книге Пассек, о «переливании из пустого в порожнее» и о «старческой словоохотливости» автора, «доходящей до птичьего щебетанья». Нигилистическая односторонность не позволила Благосветлову оценить в воспоминаниях Пассек тот исторический и биографический материал, который призван был воскресить в памяти русского общества образы Герцена и Огарева. Отношение Благосветлова к этому материалу проявилось только в язвительных словах, заключавших вторую его рецензию: «От г-жи Пассек, казалось бы, можно было ожидать подробного описания этой эпохи и чего-нибудь нового об ее деятелях 〈...〉 Она предпочла своему собственному рассказу длинные перепечатки статей, давно уже известных нам, и перемывание домашнего белья друга своего детства, Александра. И это называется у нас мемуарами».

Несравненно более объективную и, следовательно, более правильную оценку книги Пассек поместили «Отечественные записки» (на первый том — 1879, № 3, Новые книги, стр. 98—100; на второй том — 1880, № 1, Новые книги, стр. 87—91). Если Благосветлов пренебрежительно отозвался о воспоминаниях Пассек в той их части, которая непосредственно касается биографии Герцена и совершенно не отметил широкого использования ею «Былого и дум», то анонимный рецензент «Отечественных записок» уже в первом отзыве поставил в связь записки Пассек с мемуарами Герцена и, в меру цензурных возможностей, дал понять читателям, что главный интерес рецензируемой книги заключается в том, что она повествует о Герцене: «Существуют в нашей литературе другие воспоминания, относящиеся к тому же самому времени, перед несравненным блеском которых, конечно, бледнеют мемуары г-жи Пассек и которые г-жа Пассек сама очень часто поминает и цитирует. Но это нисколько не мешает книге „Из дальних лет“ занять одно из самых почетных мест в нашей бедной литературе мемуаров». И дальше, мягко упрекая автора книги в том, что она уделяет слишком много внимания событиям, не характерным в общественном смысле, рецензент продолжает: «Но, конечно, это нельзя ставить в вину человеку, с любовью перебирающему свое далекое прошлое. Тем более, что и многие мелочи из жизни г-жи Пассек получают некоторое значение, благодаря тому, что часть воспоминаний группируется около личности друга детства автора — Саши». Характеризуя содержание второго тома «Из дальних лет», рецензент тоже указывал, что его «главный интерес попрежнему сосредоточивается на блестящей личности „Саши“, из жизни которого г-жа Пассек сообщает некоторые любопытные подробности». По достоинству оценил рецензент и общий тон воспоминаний Пассек, в которых он не нашел и следа «беззубой старческой ворчливости, меряющей все новое на старый аршин». «В конце концов, — заключал он первую свою статью, — лежащая перед нами книга не только записки бывалого человека, обстоятельствами сближенного с некоторыми замечательнейшими людьми своего времени; нет, это, кроме того, записки честного и умного человека».

Так журнал, руководимый М. Е. Салтыковым-Щедриным, оценил значение книги Пассек. И мы вряд ли ошибемся, если скажем, что таково же было отношение к этой книге передовых людей России, в частности, демократически настроенной молодежи. Подтверждением этого может служить дошедший до нас любопытный документ — неизданное письмо А. И. Эртеля к невесте. 27 августа 1883 г. он писал из Хилкова Самарского уезда: «Полночь, и я только что оторвался от книги Т. П. Пассек „Из дальних лет“ 〈...〉 А в душе моей и грусть, и толпа впечатлений неясных, и обрывки туманных мечтаний... Что за люди были! Какое время было! Сколько надежд, сколько ума, жизни, горя, разочарований, любви!..

Ты знаешь, ведь Пассек — двоюродная сестра Герцена, его первая любовь, та самая „корчевская кузина", которой он посвятил много страниц в „Былом и думах". Его детство, его жизнь до отъезда из России, рост его ума и его увлечения — все в этой книге. А рядом с этим жизнь молодежи того времени, жизнь помещичья, истории с романами... И так как-то хорошо и грустно веет оттуда... Все минуло, все поросло травою, а любили, верили, восторгались, думали мир обновить... Но что из того, что поросло все это — они жили, и как жили! Мы и не пробовали так жить. Пылкие идеалы, наука, книги, споры философские, захватывающие всего, всю душу, жизнь, бьющая ключом... Чувствуешь себя чище, благороднее после этой книги. Замирают серенькие чувствования и порывы, шири хочется, широкого душевного размаха... Узок кажется тот мир, в котором вертит тебя, как белку...» (ЛБ. —Эрт. XXI,3.—Сообщено Л. Р. Лански м).

Так личность Герцена и его жизнь, отразившиеся в книге Пассек, будили сознание, подавленное тяжестью «эпохи безвременья», вселяли жажду вольной и широкой жизни, возбуждали желание вырваться из тусклого мира «сереньких чувствований». Могучее слово Герцена прорывалось сквозь расплывчатый гуманизм Пассек; воздействию этого слова не могла помешать либеральная интерпретация жизни и деятельности Герцена, интерпретация, которая характерна для воспоминаний «Из дальних лет».

По мере того как появлялись новые биографические труды о Герцене, множились публикации переписки его и Огарева, особенно после того как их произведения, хотя и в урезанном виде, стали достоянием легальной печати в России, общественно-пропагандистское значение книги Пассек неизбежно падало. Но как литературный памятник оно продолжало и продолжает привлекать внимание читателей.

Помимо сказанного, книга Пассек сохраняет свое, хотя скромное, но прочное место в специальной области научного изучения Герцена и Огарева.

В той части книги, которая представляет собой собственные воспоминания Пассек о Герцене, содержится некоторый материал, имеющий известную биографическую ценность. И хотя показания Пассек, опирающиеся на ее память и на домашние предания, требуют критической проверки, при которой обнаруживаются многие неточности и ошибки, тем не менее ее мемуары пополняют наше представление о Герцене, особенно о его детстве и юности.

Через книгу «Из дальних лет» в научный оборот введен был ряд мемуаров, созданных по инициативе и при энергичном воздействии Пассек, сумевшей сохранить для потомства воспоминания таких живых современников описываемой ею эпохи, как Астракова, Рейхель, Огарев, Тучкова-Огарева.

В годы, когда сочинения Герцена и Огарева находились под строгим цензурным запретом, Пассек сумела включить в свои воспоминания выдержки из «Былого и дум», «Записок одного молодого человека», из стихотворений и поэм Огарева. Вместе с тем она опубликовала на страницах своих воспоминаний многочисленные письма Герцена, Огарева, а также их близких друзей.

Располагая некоторыми рукописными источниками, она напечатала и новые тексты произведений Герцена и Огарева, которые без этого легко могли бы быть утраченными. Для известной части этих произведений тексты, опубликованные в составе книги «Из дальних лет», являются единственным источником, к которому обращаются до сих пор современные исследователи и публикаторы.

Предпринятое нами изучение источников, относящихся к «Воспоминаниям» Пассек и к истории их создания, раскрыло реальную возможность

выявления в ее книге неизвестных прежде страниц ранней автобиографической прозы Герцена. Подробная аргументация принадлежности Герцену этих страниц и обоснование сделанных нами выводов изложено в отдельной работе, публикуемой в настоящем томе (стр. 9—55).

Все это показывает, что семнадцатилетний труд Пассек, который она продолжала чуть ли не до последнего дня своей жизни, не был бесплодным. Добровольно возложенный ею на себя долг перед обществом и перед историей она выполнила честно и добросовестно.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СПРАВКА О ПИСЬМАХ ОГАРЕВА К Т. П. ПАССЕК

В настоящей справке дается сводный перечень всех дошедших до нас писем Огарева к Пассек, как напечатанных в различных изданиях, так и неопубликованных. Письма расположены в хронологической последовательности; время написания недатированных писем определено (точно или приблизительно) по их содержанию и на основании ответных писем Пассек к Огареву. В отдельных случаях, когда при прежних публикациях неясные места в письмах Огарева оставались без примечаний или сопровождались ошибочными пояснениями, в справку вводятся необходимые комментарии. В отношении напечатанных писем в справке указываются все публикации. Тексты неизданных писем приводятся в справке полностью (за исключением № 3) с указанием местонахождения автографов.

1. «Друг старый Таня. Твое письмо меня нашло...». Б. д. Ответ на письмо Пассек от 22 декабря 1872 г./3 января 1873 г. Написано 5—10 января 1873 г.— «Полярная звезда», 1881, № 3, март, стр. 66—67. Автограф неизвестен.

Пассек во вводных замечаниях к тексту письма ошибочно относит его к весне 1873 г., когда она «была в Вене», а дети ее «уехали на месяц в Венецию».

2. «Вот уже несколько дней, мой друг, собираюсь отвечать...». Б. д. Пассек ответила на него письмом от 1/13 января 1873 г. Написано 10—11 января 1873 г.— «Из дальних лет», т. III, стр. 17. Первоначально: «Русская старина», 1886, № 2, стр. 454. Автограф неизвестен.

В тексте письма Огарев сообщает об отправленном в Цюрих к Н. А. Тучковой-Огаревой поручении выслать Пассек требуемую книгу («Былое и думы»). Письмо Н. А. Тучковой-Огаревой к Пассек с откликом на это поручение датировано 16 января 1873 г.; хранится в ИРЛИ, ф. 430, № 15, лл. 7—8; подпись: «Н. Герцен» (не издано).

3. «Старый друг Таня, давно собираюсь вам отвечать на вашу превосходную присылку...». Датировано: «Женева, 26 января, воскресенье». Ответ на письмо Пассек от 8/20 января 1873 г., в котором она переслала Огареву выдержки из VIII и IX глав своих воспоминаний.— Настоящее письмо не опубликовано. Автограф находится в собрании Ю. Г. Оксмана.

Пассек ответила на это письмо 16/28 января.

4. Автограф. ИРЛИ, ф. 430, № 20, л. 2. Публикуется впервые. Это — ответ на письмо Пассек от 15/27 января 1873 г.

31 января <1873 г.>. Пятница.
Rue de Conseil général, 20

Старый друг Таня. Письмецо и билет получил третьего дня. Хотел тотчас же отвечать мое искреннее спасибо, но у меня были Натали и Лиза, проездом в По к детям Сатина, которые там и все в чахотке (старшему 20 лет). Натали станет к тебе писать и посылать, что найдется. Из моих записок и стихов я сегодня не посылаю; а на днях соберу и пришлю; сегодня что-то нездоровится, насморк душит. Станешь писать ко мне — напиши, жив ли Кетчер и что делает? Мы хотя с ним и в глубокой разладице, но забыть его я не могу.

Еще раз помешали, старый друг, теперь надо хотя записку да снести на почту.

Твой А г а

5. «Письму твоему, старый друг Таня, я был сильно рад...». Датировано: «Genève' суббота». Следует датировать 1 февраля 1873 г.— «Полярная звезда», 1881, № 4, стр. 127—128. Автограф неизвестен.

Это — первый отклик на письмо Пассек от 16/28 января. Ограничившись из-за усталости несколькими строками, Огарев на другой день написал большое письмо (см. № 6) и, вероятно, отправил их одновременно. В письме от 5 февраля Пассек писала: «Два письма твои с твоими *записками* и в одном стихи получила — спасибо».

6. «Вот тебе, мой старый друг Таня, и конец первой главы...». Датировано: «2 февраля ⟨1873 г.⟩ Воскресенье». Ответ на письмо Пассек от 16/28 января 1873 г.— «Невский альманах», вып. II. Пг., 1917, стр. 199. Автограф неизвестен.

Пассек ответила на это письмо 5 февраля.

7. Автограф. ЦГАЛИ, ф. 359, оп. 1, ед. хр. 83, л. 16—16 об. Публикуется впервые.

8 февраля ⟨1873 г.⟩. Суббота.
Rue de Conseil général, 20

Только что хотел к тебе писать, старый друг Таня, как получил твое письмо от 5 февраля. Виноват, если я два раза послал одно и то же, но не знаю как — я у себя в книге пометил, что конца главы не посылал. Ошибся я или ты ошибаешься — не знаю. Второй главы я еще не начинал, но хочу начать, хотя это будет помудренее. Но ты мне не отвечала — послал ли я тебе мои стихотворные записки, или я (вероятно) отдал их кому-нибудь здесь, вырвавши из записной книжки, так что у меня рукописи не осталось, а кому отдал — не помню.

За твои записки и за прямую дружбу крепко жму твою добрую руку. К Натали не могу писать: она до сих пор из По мне не писала, и я не знаю ее адреса; но, вероятно, на днях получу письмо и тогда же справлю твою комиссию. «Русской старины» еще не получал. Жду с нетерпением

Твой А г а

Мне только жаль, что ты выпустила моего исповедника попа с горловой чахоткой. Впрочем, если это мешает цензуре, то бог с ним.

Это — ответ на письмо Пассек от 5 февраля, в котором она писала об ошибке Огарева: он вторично послал ей окончание первой главы «Записок русского помещика». Пассек послала при своем письме оттиск «Русской старины» с началом ее записок (из книги 12-й за 1872 г.). Обещание Огарева «справить комиссию» имеет в виду просьбу Пассек послать Натали (Н. А. Тучковой-Огаревой) назначенный для нее и Лизы оттиск «Русской старины» и написать ей: «Может, она желает какие заметки сделать, добавить, убавить, что от тебя сказать, пусть все, что хочет, сделает, все пойдет в отдельном издании моих воспоминаний» (л. 84).

На письмо от 8 февраля Пассек ответила письмом без даты (около 10—11 февраля).

8. «Вот, мой старый друг Таня, пишу тебе еще записочку...». Датировано: «24 февраля ⟨1873 г.⟩. Воскресенье» *. Ответ на письмо Пассек от 1/13 февраля 1873 г.— «Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 599. Автограф — ЦГАЛИ, ф. 359, оп. 1, ед. хр. 83, л. 1—1 об.

Пассек ответила на это письмо 14/26 февраля.

9. «Вчера я послал тебе книгу, о получении извести...». Датировано: «Genève, суббота». Том своих стихов Огарев послал с предыдущим письмом (№ 8). Следовательно, настоящее письмо нужно датировать 25 февраля. Но этому противоречит указание на субботу (25 февраля приходилось на вторник). Удовлетворительно разрешить это недоумение в настоящее время нет возможности.— «Полярная звезда», 1881, № 5, стр. 135—136 (в письмо включены тексты трех стихотворений Огарева: «Памяти друга», «Раздумье», «Старость»). Автограф неизвестен.

10. «Друг Таня. Пишу вечером; день прошел в больших заботах...». Б. д. Ответ на письмо Пассек от 14/26 февраля 1873 г. Написано в первых числах марта.— «Из дальних лет», т. III, стр. 18—19. Первоначально: «Русская старина», 1886, № 2, стр.

* В дате Огарев допустил неточность: 24 февраля н. ст. в 1873 г. приходилось на понедельник.

455—456. В «Полярной звезде» (1881, № 3, стр. 72) текст письма дан несколько сокращенно и с рядом разночтений (повидимому, произвольно внесенных Пассек). Автограф неизвестен.

11. «Сегодня утром, старый друг Таня, получил твое письмо от 4-го м⟨арта⟩...». Датировано: «Пятница вечером 7 марта ⟨1873 г.⟩». Письмо Пассек, на которое отвечает Огарев, до нас не дошло.— «Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 600. Автограф — ЦГАЛИ, ф. 359, оп. 1, ед. хр. 83, лл. 2—3.

Приписка из этого письма («Сегодня воспоминание *о нем* так сильно во сне и наяву, что слеза навертывается») воспроизведена Пассек как часть письма от 18 октября 1873 г. («Полярная звезда», 1881, № 3, стр. 69). В примечаниях к письму в публикации «Лит. наследства» «Ипполит» (Ипполит Александрович Пашков) ошибочно назван Пассеком, Ипполитом Диомидовичем.

Пассек ответила на это письмо (и одновременно на следующее) в недатированном письме, где извещала о намеченном отъезде из Дрездена в Вену (вторая половина марта).

12. Ответ на письмо Пассек от 6 марта 1873 г. Публикуется впервые. Автограф— в Рукописном отделе Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина, среди бумаг Ф. М. Достоевского (ЛБ, Дост. II. 7/50), которому он был подарен Пассек.

14 м⟨арта 1873 г.⟩. Пятница
Rue de Conseil général, 10

Старый друг Таня. Страшно боюсь, не ошибся ли я как-нибудь в твоем новом адресе (Weissenbuhl, Arzielequart, 52) и пробую написать на старый адрес. Жду от тебя письма с нетерпением.

Твой А г а

13. «Наконец-то вчера пришло твое послание из Вены...». Датировано: «6 апреля ⟨1873 г.⟩. Воскресенье». Ответ на первое письмо Пассек из Вены от 2 апреля 1873 г.— «Невский альманах», вып. II. Пг., 1917, стр. 197—198. Автограф неизвестен.

Первый абзац письма (с пропуском слова «вчера») приведен Пассек в главе «Ник» («Из дальних, лет», т. I, стр. 234) как письмо, полученное ею в Вене 6 апреля 1873 г. Полнее, но с некоторыми неточностями, напечатано в «Полярной звезде», 1881, № 3, стр. 69.

14. «Вот уже несколько дней собираюсь писать тебе...». Датировано: «Суббота, Женева. Rue de Conseil général». Письмо Пассек, на которое здесь отвечает Огарев, до нас не дошло.— «Из дальних лет», т. III, стр. 16—17. Первоначально в «Русской старине», 1886, № 2, стр. 453—454. С сокращениями напечатано в «Полярной звезде», 1881, № 3, стр. 75. Здесь в конце письма вставлен абзац о скором переезде на новую квартиру — из более позднего письма от 26 августа 1873 г. (см. ниже № 18). Автограф неизвестен.

Датировка письма затруднительна. Пассек указывает, что получила его в ответ на свое письмо, отправленное из Интерлакена, куда она звала Огарева, чтобы повидаться с ним. Это указание неверно: письмо Огарева послано не в Интерлакен (куда Пассек приехала летом), а еще в Вену, как это явствует из частично сохранившегося ответа на него Пассек. Предположительно относим письмо к апрелю (на субботу приходились в 1873 г. числа: 12, 19 и 26).

15. «Посылаю тебе, старый друг, продолжение записок...». Б. д.— «Полярная звезда», 1881, № 3, стр. 76. Автограф неизвестен.

По словам Пассек, это письмо она получила «спустя недели две» после предыдущего (№ 14), «вместе с двумя листочками записок». Если верить этому указанию, письмо следует датировать концом апреля — началом мая 1873 г. Последний абзац письма («Зной страшный...») принадлежит к позднейшему письму от 12 августа 1874 г. (см. ниже, № 29).

16. «Сегодня я получил твое письмо, друг мой, и спешу с ответом...». Датировано: «Genève, Rue de Conseil général. Суббота». Ответ на недатированное письмо Пассек из Вены.— «Из дальних лет», т. III, стр. 18. Первоначально в «Русской старине», 1886, № 2, стр. 455. Автограф неизвестен.

Точная датировка затруднительна. Повидимому, относится к началу лета (до 25 июня), когда уже реальной стала перспектива приезда Пассек в Женеву.

17. «Дня три тому назад писал к тебе, старый друг Таня...». Датировано: «25 июня ⟨1873 г.⟩. Середа».— «Невский альманах», вып. II, Пг., 1917, стр. 198. Автограф неизвестен.

18. «Старый друг Таня, получил третьего дня твое письмо...» Б. д.— «Из дальних лет», т. III, стр. 17—18. Первоначально в «Русской старине», 1886, № 2, стр. 455. Автограф неизвестен.

Точной датировке не поддается. Судя по словам: «Извести меня о вашем приезде в Женеву, чтобы я мог распорядиться собой и вас встретить» — написано перед самым приездом Пассек; возможно, что оно относится ко времени пребывания Пассек в Интерлакене или Берне, куда она перед Женевой заехала повидаться с М. К. Рейхель.

19. «Спасибо тебе за твое доброе письмо, старый друг Таня...». Датировано: «26 августа ⟨1873 г.⟩. Вторник». Ответ на письмо Пассек из Вены от 10/22 августа 1873 г.— «Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 600—602. Автограф — ЦГАЛИ, ф. 359, оп. 1, ед. хр. 83, лл. 6—7. С сокращениями напечатано в «Полярной звезде», 1881, № 4, стр. 132 *. Заключительный абзац этого письма был ею напечатан в более раннем письме как часть этого письма (см. выше, № 14).

Пассек ответила на это письмо 6 сентября/25 августа 1873 г. из Вены.

20. «Спешу сказать тебе, старый друг, несколько слов...». Датировано: «31 августа ⟨1873 г.⟩. Воскресенье».— «Полярная звезда», 1881, № 3, стр. 72—73. Автограф неизвестен.

Начало этого письма представляет собою неточное и неполное воспроизведение более позднего письма от 28 сентября 1873 г. (см. ниже, № 22). Повидимому, Пассек присоединила это начало к письму от 31 августа. В приписке к нему Огарев рекомендует ей прочесть в июльском номере «Дела» «статью о тенденциозном романе „Заволжье“ и биографию Пушкина. Замечательно». В названной книге было напечатано окончание большой статьи Постного (псевдоним П. Н. Ткачева) «Тенденциозный роман» — о романах А. Михайлова (А. К. Шеллера) и первая часть статьи С. С. Шашкова «Пушкин и Лермонтов», в которой с прямолинейно-нигилистической точки зрения был дан очерк жизни и творчества Пушкина (в связи с выходом в свет второго издания труда П. В. Анненкова «Материалы для биографии А. С. Пушкина»).

21. «Отвечай мне немедленно, все ли ты еще в Вене...». Б. д.— «Полярная звезда», 1881, № 3, стр. 73. Автограф неизвестен. В письме Огарев отказывается от предложения Пассек похлопотать через кн. Н. А. Орлова о его возвращении в Россию (об этом Пассек писала в письме от 6 сентября/25 августа 1873 г.). Настоящее письмо написано после некоторого перерыва в переписке,— вероятно, во второй половине сентября (до 28 сентября). Пассек отвечала на него (и на письмо № 20) недатированным письмом из Вены.

22. «Вчера вечером получил твою добрую записку...». Датировано: «28 сент⟨ября 1873 г.⟩. Воскресенье».— «Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 602. Автограф — ЦГАЛИ, ф. 359, оп. 1, ед. хр. 83, л. 8. Неточный и неполный текст этого письма включен Пассек в письмо от 31 августа (см. № 20).

23. «Наконец-то от тебя два милые письма, старый друг Таня...». Датировано: «30 сент⟨ября 1873 г.⟩. Вторник». Ответ на недатированное письмо Пассек.— «Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 603. Автограф — ЦГАЛИ, ф. 359, оп. 1, ед. хр. 83, лл. 9—10.

24. «Вчера, старый друг Таня, получил твое карандашевое письмо с планом...». Датировано: «14 октября ⟨1873 г.⟩. Вторник».— «Невский альманах», вып. II. Пг., 1917, стр. 198. Автограф неизвестен.

Письмо Пассек, на которое отвечает здесь Огарев, не сохранилось.

25. «Вчера послал тебе книгу, друг мой...». Б. д. Написано после 14, но до 18 октября (Огарев пишет здесь, что еще не получил своей переписки с Герценом, ждет на днях.

---

* Указание Пассек: «На мое письмо из Италии Ник ответил мне уже в Вену» — неверно.

18 октября он извещал, что получил посылку со старыми письмами).— «Полярная звезда», 1881, № 4, стр. 124—125. Автограф неизвестен.

Помета в публикации этого письма — новый адрес Огарева («Chemin Villerense, 16») — ошибка Пассек. На новую квартиру Огарев переехал около 25 октября (см. ниже, письма №№ 26 и 27). Следующее письмо, от 18 октября, помечено еще старым адресом.

26. «Сегодня, старый друг Таня, получил от Саши посылку...» Датировано: «18 окт⟨ября 1873 г.⟩. Суббота».— «Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 603. Автограф — ЦГАЛИ, ф. 359, оп. 1, ед. хр. 83, л. 11.

Пассек ответила на это письмо 9/21 октября 1873 г. (это было ее последнее письмо из Вены, перед отъездом в Прагу).

27. «Наконец, вчера пришло твое письмо, старый друг Таня...». Датировано: «23 дек⟨абря 1873 г.⟩. Вторник».— «Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 603—604. Автограф — ЦГАЛИ, ф. 359, оп. 1, ед. хр. 83, л. 12.

Пассек напечатала это письмо в «Полярной звезде» (1881, № 5, стр. 134—135) с ошибочной датой (июнь ⟨1874 г.⟩) и с неправильным указанием, что оно получено в Яссах. Текст письма в ее публикации дан неточно.

Это ответ на письмо Пассек из Праги от 6/18 декабря 1873 г. (а отчасти и на более раннее — от 19 ноября/1 декабря 1873 г.). Замечание Огарева в письме: «Ты, кажется, славянофильствуешь, старый друг» — не могло быть правильно объяснено в комментарии «Лит. наследства», поскольку письма Пассек к Огареву тогда оставались недоступными для исследователей. 19 ноября/1 декабря Пассек писала: «Прилагаю тебе стихотворение одной русской молодой женщины — она в Праге в одной квартире со мной живет. Я ее знаю давно — хороший человек,— вырвалась из бедного быта, дочь дьячка сельского,— развилась, пообразовалась; сама собой, случайно, в Праге выучилась чешскому языку, переводит с чешского и этим существует. Напиши, как находишь ее стихи. *Это местечко около Праги*: *Кривоклад*. У нас вечерами собираются *чехи* и *чешки* — интересно очень. Здесь все учатся по-русски, многие по-русски говорят, русских чуть не обнимают. Немцев не выносят. Что из всего этого выйдет? — Ипполит будет в Праге в декабре; он весь увлечен славянским делом,— *в широком смысле*. У нас бывает путешествующий другой год по славянским землям русский — дельный и умный; сказывал, что по Карпатам целые деревни чисто русские и по-русски говорят» (л. 68—68 об.). К письму приложена рукопись поэмы «Кривоклад».

В следующем письме Пассек снова затронула эту же тему: «...Я предпочла ⟨...⟩ пробыть в Праге, где славяне мне очень симпатичны; многие бывают у меня: чехи и чешки — они говорят по-русски, многие учатся по-русски и большие надежды возлагают на Русь,— думаю я, вотще. Впрочем, чем чорт не шутит» (л. 87 об.).

В ответном письме от 25 декабря/6 января Пассек откликнулась на замечание Огарева: «С чего ты взял, что я славянофильствую? Нет, милый, я ни прежде, ни теперь не мешаюсь в эти дела. Мои тут хлопоты — то же, что воду толочь. Я тебе стихи послала как образчик способностей одной еще довольно молодой женщины, русской, дочери пономаря,— я хотела слышать твой суд как поэта» (л. 86 об.).

28. «Сейчас получил твое письмо, старый друг Таня, и тороплюсь отвечать...». Датировано: «14 января ⟨1874 г.⟩. Середа». Ответ на письмо Пассек от 25 декабря ⟨1873 г.⟩/6 января ⟨1874 г.⟩, из Праги.— «Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 604. Автограф — ЦГАЛИ, ф. 359, оп. 1, ед. хр. 83, лл. 13—14.

Письмо Огарева не застало Пассек в Праге: она получила его уже в Петербурге, о чем она извещала в письме от 15/27 января 1874 г. В этом же письме она давала для дальнейшей переписки пражский адрес г-жи Полины Гусевой (очевидно, автор «Кривоклада»).

Комментируя это письмо в «Лит. наследстве», Б. П. Козьмин затруднялся объяснить в нем фразу: «Поэма мне нравится» — и предположительно отнес ее к «Радаеву» Огарева. В действительности же эта фраза относилась к поэме «Кривоклад» (см. выше, комментарии к № 27).

29. «Милый мой старый друг Таня. Спасибо тебе за твое добрейшее и милейшее письмо...». Датировано: «13 июля ⟨1874 г.⟩. Понедельник». Ответ на письмо Пассек

из Ясс, от 19 июня 1874 г.— «Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 604—605. Автограф — ЦГАЛИ, ф. 359, оп. 1, ед. хр. 83, лл. 4—5.

Публикуя в «Полярной звезде» (1881, № 5, стр. 136) письмо от 12 августа (см. № 30), Пассек вставила в него несколько строк из настоящего письма.

Пассек ответила на настоящее письмо из Ясс 18 июля.

30. «Давно собираюсь писать тебе, старый добрый друг Таня...». Датировано: «12 августа ⟨1874 г.⟩. Среда».— «Полярная звезда», 1881, № 5, стр. 136. Автограф неизвестен. Начало второго абзаца — из письма от 13 июля (№ 29).

Публикацию этого письма Пассек сопроводила примечанием: «Это было последнее письмо на мое от Ника. Он уехал в Англию, как я слышала, и переписка наша прекратилась».

Кроме включенных в настоящую справку писем Огарева, в «Полярной звезде» можно обнаружить еще два, которые, однако, самостоятельными письмами не являются:

1. «Сегодня я получил от Саши посылку...».— «Полярная звезда», 1881, № 3, стр. 69. Начало — из письма от 18 октября 1873 г. (№ 26); последняя фраза — из письма от 7 марта 1873 г. (№ 11).

2. «Милый мой старый друг Таня. Спасибо тебе...».— «Полярная звезда», 1881, № 4, стр. 125. Начало частично совпадает с началом письма от 12 августа 1874 г. (№ 30); остальной текст — из письма от 30 сентября 1873 г. (№ 23).

В бумагах Пассек (ИРЛИ, ф. 430, № 20, *л.* 1) находится еще одно неопубликованное письмо к ней Огарева, не связанное с серией писем 1872—1874 гг. Относится оно ко времени приезда Пассек в Лондон для свидания с Герценом. Приводим текст его полностью:

«1 сентября ⟨1861 г.⟩

Приехали ли вы, милая, Татьяна Петровна? Все ли благополучно? Как чувствуете сами? Как нашли других? — Вечером я вас жду часов в 8, хоть раньше; утром не думаю, чтоб успел зайти, перед отъездом слишком много скопилось дела.

Ваш О г а р е в

Напишите строчку с сим посланным».

Эта записка написана в день возвращения Пассек в Лондон после свидания с Герценом и его семьей в Торквее (см. XI, 217—220).